

10.335
1959

აზ

ქართული
ბიბლიოთეკა

1

10335

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗЦЯ

60

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

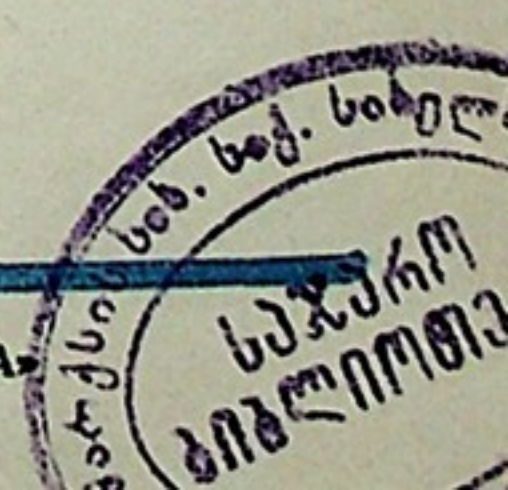
С О Д Е Р Ж А Н И Е

ГО МО-ЖО. Манана. Поэма.	3
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман	9
КАРЛО КАЛАДЗЕ. Новые стихи	39
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Рустави. Роман	43
ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ	
ГРЕХЭМ ГРИН. Последний шанс мистера Левра	68
ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ	
О. КИНКЛАДЗЕ. Завтра нашей Родины	78
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Ш. РАДИАНИ. Лирика Галактиона Табидзе. К пятидесятилетию творческой деятельности.	86✓
НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ	
ЗА ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ	92
СРЕДИ КНИГ	
В. ШОШИН. Стихи о Грузии; Г. БУХНИКАШВИЛИ. Творческий путь театра.	94--95 ✓

62308

1

Я Н В А Р Ь
1959

საქართველოს
აкадеმიის გამომცემი

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ**

Адрес редакции: Тбилищи, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Го Мо-жо

М А Н А Н А

ПОЭМА

С китайского. Перевод Л. Магистровой

Дорогая Манана,
Мой маленький гость хороший,
В этом красном костюмчике
ты похожа на красный цветок!
Долгих два километра
прошли твои детские ножки
побережьем морским.
Путь тебе не казался далек?

Ты стоишь под магнолией.
Прячется солнце за море.
Говорят,
ты меня прождала два часа или три,
Ты отважно
сама отыскала мой санаторий,
Чтоб увидеть меня
И охапку цветов подарить.

Их так много повсюду —
цветов ярко-алых и нежных.
А игрушка — вот этот
пестрый маленький попугай,
Я занятнее птицы
не видел на всем побережье.
Всех сокровищ земли он дороже тебе —
я знаю...

Хочешь,
Сделаю чашу из маленькой пестрой птицы,
Из нее бесконечно
радость жизни я буду пить.
... Я не знаю, малышка,
что в жизни со мной случится,
Но подарок твой милый
Обещаю всегда хранить.

... На садовой скамейке
мы у моря с тобой снимались,
Будем ждать фотокарточки —
спасибо сестре Лу-Дзой.
Посмотри,
как прекрасны
эти синие-синие дали,
и зеленые горы,
и отблеск воды голубой.

А на горных вершинах — вуалью
седые туманы.
Как чиста и прозрачна небесная синева!
Горы,
море,
деревья
беседуют вместе с нами,
И ты учишь меня
непривычным грузинским словам.

И я вслед за тобою
старательно их повторяю
И люблюсь движеньями
маленьких детских рук.
«Диди мадлоба» — значит «спасибо»...
Спасибо, родная!
«Нахвамдис» — до свиданья,
мой маленький славный друг.

Проводив тебя, девочка,
долго я плавал в море,
Где волна, осторожно, как мать,
качала меня.
А потом мне Лу-Дзой
предложила отправиться в город
самой краткой дорогой —
по прозрачным морским камням.

Как ни в чем не бывало,
прошагали мы два километра,
Те, что утром прошла ты,
чтобы меня найти,
Нам магнолия в парке
своею кивнула веткой,
И в красивой аллее
наши сошлись пути.

Ты меня познакомила
с папой своим,
и мамой,
и двухлетним братишкой —
всей молодой семьей.
Я сказал:

«Мы сегодня снимались вместе с Мананой,
Я хочу из Пекина
ей написать письмо.

Только жаль,
что забыл я бумагу и ручку дома...»
Рассказал мне твой папа
в этот тихий закатный час:
«Нашей девочке,
знаете,
Ваши стихи знакомы,
И она непременно
захотела увидеть Вас».

А смешная девчушка
упрекнула отца встревоженно.
Мы словами ее
были тронуты и смущены.
«Почему не зовешь гостей ты
кушать пирожное?!»
О, Манана,
Верна ты обычаям вашей страны!

Но какой из стихов полюбился тебе,
скажи мне?
Тот, где Сталина родину я воспел,
например,
Где приветствую радость
нашей новой свободной жизни,
И великое братство
Китая и СССР?

Где врагов заклеил я
горячим и хлестким словом,
Тех, кто нашему счастью
новой грозит войной?
«Да, наверное, это», —
подумалось мне взволнованно.
«Диди мадлоба»,
маленький
благодарный читатель мой!

У цветущих магнолий
Дыхание нежно и пряно.
Я иду по аллее —
среди алых знакомых цветов,
В сердце —
образ чудесной грузинской девчушки,
Мананы,
Чье признание дороже мне
всяких возвышенных слов,

И подарок её,
и взгляд её детский, пыливый,

и особенный смысл
в том, что шли мы дорогой одной...
Ведь, наверно, поэтому
Я сегодня такой счастливый.
Но сестрица Лу-Дзой
в этот раз не согласна со мной.

«Вы не помните разве
в Варшаве — на фестивале
тоже были десятки
ребячьих счастливых лиц.
Вы девчушку с букетом
На трибуну к себе подняли —
Разве искренность их
Вы посмеете не оценить?»

Нет,
забыть не могу я
фестиваля свободную поступь,
ребятишек варшавских,
тепло их смеющихся глаз...
Пятилетняя девочка
в белом городе черноморском,
почему же твой образ
так волнует меня сейчас?

Ты цветы мне несла не за то,
что стихи пишу я,
Может статься,
цветов недостойны вовсе они.
Ты цветами приветствуешь
нашу семью большую,
нашу дружбу большую,
горячие наши дни.

Я опять за спиной
слышу твой голосок, Манана.
Ты бежишь нам вдогонку,
сияя звёздами глаз.
Ты свой адрес тбилисский
записала и принесла нам?
Ты на родине Сталина,
Моя умница, родилась.

Я тебе фотокарточки
и письмо пришлю из Китая,
Чтобы в тёмных глазах
искры радости светлой зажглись.
Ты ответишь, дружок?
Неприменно ответь, родная.
Как учила меня ты?..
«Диди мадлоба»,
«Нахвамдис».

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
და გამომცემლობის
სამსახური

*Константино
Гамсахурдиа*

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

РОМАН

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

БЕРМУХА

ПРОЛОГ

Полноводная Алазань делает крутой поворот как раз в том самом месте, где расположено село Бермуха¹. В его окрестностях сохранились развалины древнейших крепостей и храмов.

Некогда селение это называлось Цхрамуха² в честь возвышавшихся здесь девяти огромных ветвистых дубов. Восемь из них со временем погибли: то ли молния их спалила, то ли уничтожили кизилбаши³, а, может, просто пришло их время. Уцелел лишь один дуб, и с той поры местность эту стали именовать Бермухой.

Местные жители — бермуховцы, хотя и разводили на своих приусадебных участках виноградники, занимались овцеводством.

Диким и пустынным было простиравшееся к северу от Бермухи, поросшее густыми лесами плоскогорье, названное уже в поздних веках Гвелети⁴. Холмистая поверхность его, покрытая колючим кустарником, постепенно снижалась и выравнивалась у окраины селения.

Развалины, видневшиеся возле Бермухи, разбросанные по лесу остатки когда-то плодоносящих виноградников — все напоминало о том, что в былые времена жизнь была здесь ключом.

Бури времен разрушили не одну тысячу очагов. О существовании их говорили не только обломки металла и стекла и остатки керамических изделий, извлеченные из недр земли приезжими археологами. Красноречивыми свидетелями были также развалины храмов и неприступных раньше крепостей, башни и купола которых, высящиеся среди густой листвы ветвистых деревьев инжира и орешника, и ныне привлекают взор каждого посетителя Бермухи.

...В ту мрачную пору, когда Шах-Аббас угонял в Персию большую часть населения Кахетии, он сжег и выкорчевал виноградники на плоскогорье Бермухи. Окрестности Гвелети, богатые лесами, славящиеся издревле замечательной родниковой водой, совершенно обезлюдели. Церкви и крепости разрушились от землетрясений, время и непогода уничтожили многовековые дубы и орешники, песком и илом занесло древнейшие оросительные каналы. Небольшое озеро, которое когда-то

¹ Бермуха — стародуб.

² Цхрамуха — девять дубов.

³ Кизилбаш — красноголовый. Так грузины называли захватчиков-персов.

⁴ Гвелети — змеинное гнездо.

называли «Оленьим», превратилось в болото—обиталище змей и ящериц. Но ничто не могло уничтожить в Бермухе виноградной лозы. Вечно живые корни ее пробились сквозь толщу земной коры...

★ ★ ★

До революции село Бермуха было помещьем князей Вачнадзе.

Теперь в бывшем вачнадзевском дворце разместились сельсовет, школа, клуб и колхозная гостиница. Второй корпус дворца был отведен под почту и склады... На княжеском дворе росли кипарисы и магнолии, посаженные некогда генералом Эдишером Вачнадзе, прославившимся в боях против Шамиля под Гергебилем и Гунибом, где он получил семь ранений и восемь орденов.

Под старость генерал, увлеченный примером римского полководца Цинцината, привез в эти края лозу с виноградников Франции и разбил английский парк в окрестностях дворца. Все это, в конечном счете, дало людям повод говорить: очень образованный человек этот «енерал» Вачнадзе.

Старый князь пытался вырастить виноградники на Цхрамухском плоскогорье, но умудренный боевым опытом вояка оказался в хозяйственных делах беспомощным, как ребенок. Уйму денег выманили у него управляющие и агрономы, а виноградники прижились лишь кое-где на незначительных участках земли. Генерал вскоре умер, и освоение цхрамухского плоскогорья на этом закончилось. Рано скончался и его единственный туповатый сын, оставив после себя легкомысленного отпрыска—Реваза.

В то время наследник престола — будущий Николай II путешествовал по Грузии. Реваз срочно распродал леса, покрывавшие плоскогорье Гвелети, купил на вырученные деньги ковры и парчу и устлал ими дорогу, ведущую в Бермуху. Будущий царь прошеествовал по этой дороге в имение Реваза Вачнадзе верхом на осле (по аналогии со странствующим Христом) и, разумеется, расчувствовался. Он наградил молодого грузинского князя званием «Офицера конвоя его величества». Окрыленный этим, Реваз немедленно вступил в отряд Гиви Амилахвари, который прославился в будущем тем, что в период реакции, последовавшей за 1905 годом, огнем и мечом расправлялся с крестьянами Карталинии и Кахетии.

Наконец, наскучило Ревазу в Бермухе—в этой «глухой деревне», как говаривала его супруга Тамара. Он отдал свои поместья в ведение управляющего и переселился в Тбилиси.

Управляющий был занят лишь тем, чтобы собрать как можно больше податей за пастбища с пастухов-тушинцев, переселившихся в эти края еще до царствования царя Ираклия. Княжеские же поместья разорялись.

Вскоре Ревазу и его супруге прискучило и в Тбилиси. Они сдали управляющему в аренду земли Бермухи и укатили в Париж, где жила сестра Реваза — Ефимия — жена французского банкира, некоего Алоиза де Мосперо. К этому времени в Бермухе полностью погибли виноградники генерала Вачнадзе. Зимой здесь рыскали волчьи стаи. Забредшие с Кавказского хребта медведи нападали на стада. Хищники уничтожали посеы. Трудно приходилось безоружным крестьянам.

Постепенно между поселением и рекой на большом протяжении выравнивалась почва—оскудевшая, покрытая колючими кустарниками, пересеченная ложбинами и ущельями. Именно тут, на поляне и виднелись там и сям остатки корней уже упомянутых восьми дубов, когда-то стоявших на большом расстоянии друг от друга.

Тщетно пытались в свое время бермуховцы выкорчевать корни этих восьми дубов: они рубили их, жгли... Но корни, подобно скалочным драконам, цепко держались на земле, не желая уступать своих владений.

Черные, поросшие мхом, эти корни, местами выступившие на поверхность, давали по весне крошечные, не ко времени пробившиеся ростки, и это словно напоминало о былом величии их предков.

Итак, на берегу Алазани, среди останков восьми богатырей, на виду у всех гордо стоял единственный уцелевший старый дуб, много видевший и много переживший. Его искривленные временем ветви, раскинувшиеся во все четыре стороны, тянулись к небу. Древесина была дуплистая, вся в трещинах. Местами вода, размыв почву, образовала провалы и оголила корни дуба: они походили то на извивающихся удавов, распростертых на поверхности земли, то на горбы верблюдов, то на согнутую спину зайца, то на шеи запряженных в ярмо быков. Они свидетельствовали не только о глубокой старости этого богатыря, но и о его могучей и не растроченной еще силе.

* * *

События, о которых пойдет дальше речь, начались в такое время, когда еще никто не видел откуда, с какой стороны в эти края собирается прийти весна. Соизволит ли она—зеленая дева, спуститься к Алазани с закованного в ледяные доспехи Кавказского хребта или с плодоносных плоскогорий Средней Карталинии ворвется в Кахетию через ущелье Мамкода, или, быть может, предпочтет, подобно кизилбашам, прокрасться сюда с просторов Ганджийского края и раскинуть белые палатки цветущих вишен по Алазанской долине, которая по красоте своей, как мне кажется, не имеет себе равных не только в Грузии, но и во всем мире.

Потемнела голубизна заснеженных склонов Кавкасиони. Таинственная синева окутала не только плоскогорье Девяти дубов, но и раскинутые у самых берегов Алазани рощи, где в непроходимых зарослях кустарников виднелись кое-где деревья кизила и дикой груши.

Повсюду на ветвях и стеблях была эта вкрадчивая синева. Уже чуть-чуть покраснели верхушки кустарников, и козули, показываясь на мгновенье над их густыми побегами, щипали красноватые росточки и быстро скрывались с глаз...

* * *

В один из таких теплых февральских дней под старым, уже известным нам дубом сидела девушка. Она пристально вглядывалась в уходящую на восток проселочную дорогу. Лицо ее было сосредоточенно задумчиво. Краски его причудливо сочетали в себе оттенки гранатового цветка и старинной меди. Ее лоб, щеки и скулы покрывали едва заметные веснушки. Чуть вздернутый носик. Тонкие и острые брови медового цвета. Большие темно-синие глаза. На энергичном подбородке—небольшая ямочка. Красные, припухлые, чувственные губы.

Внимательный взгляд сумел бы заметить над верхней губой девушки легчайший пушок, подобный тому, каким покрывается персик, когда его уже нельзя считать зеленым, но и нельзя еще признать, что он созрел.

Девушка устала от ожидания. Глаза ее подернулись влагой. Она обняла обеими руками колени и склонила на них голову, оплетенную двойным кольцом каштановых кос.

И пока она сидела так неподвижно, к дереву приблизился рослый широкоплечий юноша. Его кудри—такого же цвета, как у нее,—прикрывала похожая на ласточкино гнездо черная тушинская шапочка из свалянной шерсти, какие в былые времена носили под шлемом рыцари. На нем была зеленая рубаха, аккуратно застегнутая на все пуговицы и опоясанная грузинским поясом: с левой стороны на поясе висел кинжал. Сапоги с высокими голенищами подчеркивали стройность его ног. Он двигался легко и плавно, подчиняясь какому-то внутреннему ритму.

Девушка вздрогнула, подняла голову и смутилась. Она подумала: «Напрасно я отпустила на мельницу Натю Таралашвили». Случайная эта встреча походила на заранее условленное свидание.

Девушка встала, поспешно ответила на приветствие и снова бросила взгляд на Алазанскую долину в том направлении, куда час назад ушла ее подруга Натя Таралашвили. Натии уже не было видно, но бермуховская детвора находилась не так уж далеко—дети гнали скот на пастбище.

Девушка думала: «Нас, вероятно, уже увидели и решили, что у нас свидание».

Юноша спросил вполголоса:

— Председатель не приходил, Ну ну?

— Нет, — ответила она.

— А где же остальные звеньевые?

— Натя была здесь и ушла на мельницу—отца проведать.

— Я встретил Датуну, Вану и Табу. Они тоже придут сюда—к старому дубу.

— Я и Натя давно уже ждем здесь,—сказала Ну ну.

Девушка заметила: услышав имя Натии, юноша улыбнулся.

— Ты ведь говорил, Годердзи, — обратилась она к нему, — что приведешь деда Микелу: дед Микела не хуже наших агрономов знает, как ухаживать за виноградником. Где же он?

— Его должна привести Баблиа, — оправдывался юноша. — Я не смог. Я с утра побежал в райком встречать комиссию ЦК. Там сказали, что она направилась сюда. Я шел тропинкой, по самой короткой дороге и, должно быть, обогнал ее.

— Наверное, и наш председатель вместе с комиссией, — заметила Ну ну.

— Нет, Тедо болен. Я утром заходил к нему, и жена сказала, что ночью у него была температура. Если он сумеет подняться, то, возможно, придет позже.

— Постарел наш Тедо, — с грустью произнесла Ну ну.

Юноша закурил и посмотрел на дорогу, ведущую к селу, потом, обернувшись к сверкающей на солнце Алазани, уселся в отдалении от Ну ну на один из корней старого дуба.

Если кто-нибудь увидел бы их в эту минуту, сказал бы: это брат и сестра. Я не думаю, что Вис и Рамин, или Абесалом и Этери так походили друг на друга, как Ну ну и Годердзи. Они были подобны двум долям разделенной сердцевины ореха, хотя сами этого не замечали, как не замечали этого, обычно, и другие. В те годы у колхозников Бермухи было столько забот, что ни у кого не было ни времени, ни охоты выяснять, кто на кого в этом селе похож.

На тушинку Ну ну Уджираули заглядывались многие юноши. Но Ну ну была такой сдержанной и застенчивой, что никто не знал, кто мил ее сердцу, — она никогда не давала повода для сплетен.

Возможно, конечно, и то, что любовь легче овладевает сердцами праздных и вольных, а жизнь Нуно сложилась так тяжело и безрадостно, что было ей не до любви. Мать Нуно скончалась в день ее рождения, а отец — Гоброн, бывший батрак князя Вачнадзе, спился с горя. Некто Коберидзе — торговец вином — заманил его в город, обещал золотые горы. Но дальше обещаний дело не пошло. В городе Гоброн окончательно опустился. Таким он и приехал в родное село. И не один — привез с собой, или как обычно говаривали его родственники, «притащил» новую жену — совершенно никчемную женщину — Кетуа. И здесь, у себя дома, Гоброн продолжал вести разгульный образ жизни. Как горох от стенки, отскакивали от него увещевания и председателя сельсовета и председателя колхоза. «Стыдно, — говорили они, — пьянствовать и бездельничать. Каждый из нас пьет вино, но надо же знать меру. До добра это не доведет...» Гоброн не слушал их. В конце концов он заболел «белой горячкой» и повесился в хлеву, оставив миру плод своей любви с Кетуа — припадочного сына с кривыми, короткими конечностями и уродливой, удлинённой кверху, похожей на конус головой.

Ожесточенная Кетуа не уставала поносить своего мужа, находившегося уже в могиле. «Он искалечил мою жизнь! — причитала она. — Будь она проклята, эта Бермуха!» Будучи не в силах отомстить мертвому, она срывала свою злость на падчерице, ежедневно грозясь выгнать ее из дому. Кетуа думала: если ей удастся избавиться от Нуно, то она продаст дом и участок и возвратится в Тбилиси.

Нуно исполнилось только тринадцать лет, когда Кетуа начала приставать к ней: «Выходи замуж!», «Выходи замуж!». Дважды выгоняла она сироту из отцовского дома. И лишь энергичное вмешательство райкома комсомола оба раза сорвало ее замыслы.

Годердзи Эланидзе тоже не был избалован судьбой. Дед его — Микела — в течение десяти лет ухаживал за виноградниками генерала Вачнадзе, а когда его наследники отказались от виноградарства, Микела около двадцати лет проработал пекарем у них же в доме.

Это трудное ремесло чуть было не отняло у него зрение — ведь приходилось все время иметь дело с раскаленным тонэ¹. Ко многим докторам водил Годердзи своего любимого деда, и наконец-то удалось частично вернуть старику способность видеть.

Единственный сын деда Микелы — Закара, отец Годердзи, работал пастухом в колхозе. Это был человек необычайно крепкого здоровья: одной рукой, словно хворостинку, он мог сломать подкову мула. И Закара стал жертвой своей силы, вернее, своей уверенности в ней, беспечности. Как-то ненастным вечером на колхозное стадо напал медведь. Безоружный Закара стал отбиваться от зверя кизиловой палкой, которая при первой же схватке переломилась, словно ледяная сосулька. Что произошло потом — не трудно догадаться. Когда Годердзи привез домой завернутое в бурку растерзанное тело отца, дед Микела, потрясенный увиденным, схватился за голову — и снова перестал видеть.

Рано умерла у Годердзи и мать. Вырастила его тетка Бабале — сестра отца, которая тоже была тяжело больна: каждый раз, в новолуние, овладевал ею недуг — она корчилась в припадках, и ее душевнораздирающие крики разносились по всему селу.

Юношу уговаривали отвезти тетку в Тбилиси, в больницу для душевнобольных, но он жалел несчастную и терпеливо ухаживал за сле-

¹ Тонэ — печь в земле, где пекут грузинский хлеб.

пым дедом и больной теткой. Ему помогала в этом младшая сестренка Баблиа. Годердзи был очень занят — он работал бригадиром в колхозе — и работал хорошо. Поэтому на долю Баблии пришлась забота о доме, и она была настолько занята домашними делами, что не могла учиться в школе.

* * *

Пережитое оставило свой след и в душе Годердзи Эланидзе и в душе Нуну Уджираули. На их лицах появились преждевременные морщины. Чуть заметные линии обозначились и в уголках губ. Юноша и девушка редко смеялись, неохотно разговаривали, любили оставаться наедине с природой... Все это делало их сходство еще более глубоким.

Поскольку автор этих строк — летописец человеческих судеб, то он считал себя обязанным время от времени отправляться в Бермуху, чтобы лучше узнать жизнь своих героев, их большие дела. Солнце, как известно, отражается не только в зеркальной поверхности океана, но и в капельках утренней росы. В данном случае такой капелькой росы явилась маленькая и глухая деревушка Бермуха, незаметная точка, которую трудно даже найти на карте Грузинской республики.

* * *

Давно уже я знал, что на плоскогорье Девяти дубов собираются разбить виноградники. Меня, не скрою, волновала эта идея, и я, прежде всего, разумеется, интересовался людьми, которые призваны были ее осуществить,—героями моего романа: звеньевой бермухского колхоза Нуну Уджираули, бригадиром Годердзи Эланидзе, моим старым другом—доктором сельскохозяйственных наук профессором Вахтангом Коринтели и другими.

После этого небольшого пролога мы можем возвратиться к сидящим под старым дубом двум нашим героям—Нуну Уджираули и Годердзи Эланидзе, которые вместе со своими товарищами ждали здесь приехавшую из Тбилиси комиссию Центрального Комитета партии.

I

— Ты не знаешь, зачем нас позвали, Годердзи? — робко спросила Нуну.

Ответа на этот вопрос с нетерпением ждали все, собравшиеся у дуба.

— Я еще никого не видел, — сказал юноша. — Комиссия ЦК приехала утром. Не знаю, насколько это верно, но... в райкоме поговаривали о том, что у нас, в Бермухе, будут закладывать виноградники.

— Виноградники? — раздался удивленные голоса.

Годердзи почти шепотом заметил:

— Не будем верить слухам. Посмотрим, что скажет комиссия.

К старому дубу подошли Натия Таралашвили и Тандила—сын долгоязого Гиго, трактористы Ваню Хелашвили, Ника Уджираули и Коля Соколов. За ними, опираясь на палку, медленно двигался дед Микела, которого вела под руку маленькая Баблиа.

Пришел и сел под старым дубом Абриа Уджираули со своей семьей внуками—тот самый Абриа, которого в селе называли «злоречивым».

В Бермухе, как и во всей Кахетии, почти каждый человек имел прозвище. В старину суеверные люди думали так: когда архангел Ми-

хаил (ангел смерти) придет за душами людей и спросит: «Где Ваню, Габо или Абриа?», то ему трудно будет их обнаружить, ибо каждый из них, кроме своего имени, полученного при крещении, имеет прозвище и укрыт за ним. В наши дни прозвища имеют, конечно, иной смысл: они выражают отношение к человеку, соответствуют его характеру, приметам. Иногда же прозвищем наделяют просто из озорства...

К старому дубу подходили все новые и новые люди: старые охотники и виноградари — Уджираули, Таркошаидзе, Чиглаидзе, овцеводы и пастухи Мирианашвили, Кевришвили, Торгваидзе, Джинчараули, свинопас Нико Ростиашвили, появились и мельник Соломон Гулухаидзе — «Ниортава» (чесночноголовый), сочинитель частушек весовщик Чачкани, колхозники: Ментешашвили, он же «Чача» (жмых винограда), Георгий Хелашвили — «Гагрия» (деревенщина).

Позже всех добрался до старого дуба дед Микела. С трудом отдышавшись, он поздоровался с односельчанами.

Все встали. Баблиа Уджираули, взяв старика за руку, подвела его к одному из корней дуба, который напоминал спину двугорбого верблюда, бермуховцы называли его «верблюжьим горбом».

Возможно, что когда-то в былые времена, дуб этот был культовым деревом, и глава рода или жрецы восседали на том самом «верблюжьем горбу», к которому Баблиа подвела сейчас слепого Микелу.

— Садитесь,—сказала она старику.

И тот, пошарив рукой по корню, уселся на него верхом.

— Тбилисцы примут меня за старого князя,—пошутил он и, уставившись в пространство своими невидящими зрачками, добавил: — А ну-ка, посмотрите—разве не похож я на старого князя?

Все засмеялись.

Дед Микела выделялся своей незаурядной внешностью. Был он росл и широкоплеч. Его высокий прямой лоб избороздили тоненькие морщины, вычерченные с такой точностью, словно над этим потрудился резец искусного мастера. Такие же морщины покрывали и его скулы, усеянные красными прожилками. Белые мохнатые брови как бы отделяли лоб от его больших глаз.

— Князей теперь уже не сажают на это место, мой Микела,—улыбаясь, произнес обычно угрюмый Абриа. — Большевики отвели им другой трон — на ослиной спине.

— Эх, давно не поднимался я сюда,—прокряхтел Микела. — Чего только я не перевидел под этим старым дубом. Здесь сек своих крепостных отец Реваза Вачнадзе. Здесь генерал собирал крестьян, когда войско лезгин нападало на Кахетию. Слово вчерашний обед, помню: в тот год, когда Шамиль подошел к Цинандали, на этом «верблюжьем горбу» сидел генерал Вачнадзе и раздавал ружья народу. И ты, бичо¹ Абриа, был здесь в тот день...

Раздался смех: дед Микела назвал «парнем» восьмидесятилетнего Абриа-злозяycznego.

— Сколько воды утекло с тех пор,—продолжал Микела. — Жизнь нам казалась тогда долгой, а она-то, оказывается, коротка, как заячий хвост. И все-таки хороша эта жизнь, дети мои, в особенности для того, кто может глядеть на солнце.

— Глядеть на солнце—невеликое это дело, дорогой Микела,—проворчал Абриа Уджираули.

— Не грехи, злозяycznyй, перед богом,—прервал его Микела. — И да не надоест вам глядеть на солнце, дети мои. Вы и сами не знае-

¹ Бичо — парень.

те, как вы счастливы, если можете видеть Алазань, сверкающую на солнце. Я десять лет глядел в пылающее тьмэ и теперь окружен тьмой. Внуки рассказывают о больших делах, которые творятся на свете. И мне кажется, они рассказывают сказки. Благодарите бога, дети мои, за то, что у вас зрячие глаза и вы способны трудиться. Вы можете видеть цветение лозы. Наступит осень, лозы согнутся под тугими золотистыми гроздьями, и потом, словно рубин, заискрится вино, налитое доверху в квеври¹. Разве может что-либо сравниться с этим? Я так наказал своим внукам: когда умру, пусть похоронят меня на посаженном мною винограднике. Там каждой весной будут оплакивать меня мои лозы. Годердзи и Баблии и так надоело возиться со мной. Они погорюют и забудут старика. И одни лишь лозы будут вечно хранить обо мне память.

Только дед Микела произнес эти слова, как послышался автомобильный гудок со стороны Алазани. Ребятишки вскарабкались на дерево. Они заметили вдали сверкающий отблеск солнечных лучей на фарах автомобиля.

Машина тяжело поднималась по неровной проселочной дороге. За ней бежали малыши, оставив без присмотра скот. Земля была еще мокрой от дождя. И хотя машина, напрягаясь и буксуя, старалась изо всех сил добраться к старому дубу — ей это не удалось.

Молодежь сбежала по тропинке навстречу гостям.

К старому дубу поднимались секретарь райкома Цихистави, районный агроном Мелитаури и еще двое: профессор Вахтанг Коринтели и инструктор ЦК Ахалкаци.

Профессор Коринтели прославился своими трудами по виноградарству. Он часто оказывал помощь приезжавшим к нему в город бермуховцам: кому доставал медный купорос или опрыскиватель, кому — нужную литературу. Местные жители считали его своим человеком.

Гости поздоровались. Колхозники в ответ сняли шапки — все, кроме деда Микелы и Абриа Уджираули. Абриа, казалось, и не заметил гостей: он спокойно, сосредоточенно, как и свойственно старым людям, строгал ножом палку.

— Кто такие, дочка? — спросил дед Микела маленькую Баблию.

Девочка оглядела гостей и не нашлась, что ответить. Стоящий рядом Годердзи поспешил на помощь сестре. Как только дед Микела услышал фамилию Коринтели, он радостно воскликнул:

— Вачнадзевский зять, что ли?

Абриа и другие старики отметили, что у их земляка заметно поседели волосы и что он тоже подвержен действию времени.

Коринтели подошел к Микеле.

Годердзи шепнул старику:

— Профессор приветствует тебя, дедушка.

— Наш зять, зять Вачнадзе, да? — пробормотал Микела и провел своей длинной, узловатой рукой по ногам стоявшего перед ним гостя.

— Как живете, дед Микела? — спросил Коринтели.

— Не могу сказать — «хорошо», сынок, потому что так говорить может лишь тот, кто воочию видит прелесть этого мира. Не могу пожаловаться и на то, что плохо живу, потому что хороший человек не может жить плохо.

— Правильно, дед Микела, — ответил Коринтели, — в наше время хороший человек не должен плохо жить.

К ним подошел секретарь райкома.

¹ Квеври — большой узкогорлый сосуд для вина, который зарывают в землю.

— Дед Микела, — сказал он, — старший среди мужчин в нашем районе, а старый дуб — среди деревьев.

Мелитаури поднял голову и так внимательно посмотрел на дерево, словно впервые увидел его. Потом он обернулся к Коринтели:

— Сколько лет, по-вашему, товарищ профессор, этому дубу?

— Спросим сначала у старца.

Помолчав немного, Микела ответил:

— От деда моего я слышал: больше пятисот лет нашему дубу.

— А тебе самому, дед Микела, сколько?

— Если не врет крестивший меня поп, то в январе этого года исполнилось сто двадцать.

Теперь профессор Коринтели внимательно оглядел дуб и сказал, обращаясь к Мелитаури:

— Нужно изучить возраст этого дуба — осмотреть его древесину. Я встречал подобные деревья в южных Альпах и Пиринеях. Их возраст — около тысячи двухсот лет. Ширина этого дуба — три метра, высота — видите какая... Ему, я думаю, не меньше тысячи лет.

Когда закончился разговор о старом дубе, дед Микела полюбопытствовал:

— По своей воле приехали к нам или правительство послало?

Вежливая улыбка скользнула по губам Коринтели:

— Когда едешь на хорошее дело, всегда чувствуешь себя посланцем правительства, дед Микела.

— Ну и что велело передать нам правительство? — допытывался Микела.

— Правительство, — мягко произнес профессор, — велело передать: боритесь за еще более счастливую и радостную жизнь. Хватит вам плестись на арбах и копать мотыгой в земле. Так просили передать вам, дед Микела.

Абриа-злоречивый насторожился, перестал строгать палку.

— Но кто принесет нам эту лучшую жизнь? — спросил он.

— Ваше собственное усердие, — ответил профессор.

Абриа опустил голову и снова принялся строгать палку.

Абриа-злоречивый служил в свое время саркалом¹ у генерала Вачнадзе, пас многочисленную отару его овец. Он не был тем наивным и романтическим пастухом, какие воспеты буколической поэзией. Наоборот! Это был предприимчивый, как говорят, выдавший виды человек, исходивший со своими отарами северные и южные склоны Кавказского хребта. Для него не представляло особого труда надуть своего хозяина.

В годы господства меньшевиков Абриа присвоил себе не одну тысячу голов овец. Он сам уже нанимал беднейших крестьян, чтобы они пасли его отары.

Но победила Советская власть, и Абриа лишился незаконно нажитых богатств. Поэтому-то он всегда и ворчал, этот Абриа-злоречивый.

Односельчане привыкли к этому. Они многое прощали ему, как человеку старому и лучшему мцноби² — знатоку овец.

Профессор Коринтели скользнул взглядом по насупленному лицу Абриа, по его огромной курчавой папахе. Коричневый тулуп еще более подчеркивал богатырскую мощь его широких плеч. Потом Коринтели перевел взор на сидящих за его спиной старых тушинцев из родов Уджираули, Таркошаидзе, Торгваидзе и сказал:

¹ Саркал — старший пастух.

² Мцноби — опытнейший пастух — должен безошибочно определить мать каждого ягненка и именно ей доставить ее детеныша. Абриа и слыл таким знатоком.

— Вы лучше моего знаете благодатную почву Кахетии, знаете и то, что если здесь через плечо невзначай бросить на землю зерно, то золотыми ростками прорвется оно к солнцу. Я еще с юности полюбил этот край, часто езжу по Кахетии. Я вижу ваши виноградники, поля, сады и огороды, ваши дома, ваши дороги, и, должен признаться, друзья, не в восторге от них. Не так, как следует, ухаживаете вы за землей.

Абриа-злозязычный снова перестал строгать свою палку. Он поднял голову и вяло, как бы невзначай, бросил профессору:

— А кто же ухаживает за ней, если не мы, а?

— Ухаживать-то ухаживаете, но не так, как следует. Вы же сами видите, что все плоскогорье Девяти дубов сплошь заросло папоротником и колючками. А ведь здесь можно было посадить чудесные виноградники, которыми пользовались бы ваши дети и внуки. Разве не так, дед Микела?

— Так-то это так, — откликнулся Микела, — но где, сынок, взять силы для этого?

— Все дело в усердии и умении. Ну-ка взгляните на соседние колхозы. Как переполнены их амбары и марани¹.

— Что это за особое умение! — съязвил Абриа. — Может быть, вы и меня, старика, научите этому умению?

— А что же, наука не что иное, как умение, — поддержал профессора инструктор ЦК Ахалкаци. — Мы должны умеючи применять свои знания, обработать плоскогорье Девяти дубов, засадить его виноградниками.

— Кто поручил вам это сделать... Правительство? — недоверчиво спросил дед Микела.

Ахалкаци помедлил и твердо произнес:

— Правительство.

— Бывал ты в Тбилиси? — обратился к деду Микеле профессор Коринтели.

— Раз сто, — ответил старик.

— Сколько дней приходилось ехать на арбе?

— Три дня и три ночи, ежели не больше.

— Сейчас мы уже не ездим на арбе, дед Микела. Автомобиль покрывает это расстояние за три часа. А если понадобится — прилетим и на самолете за двадцать минут. Раньше мы сохой и мотыгой ковырялись в земле, а теперь у нас есть такие мощные тракторы и землеройные машины, что за одну неделю мы сможем выкорчевать все эти дикие заросли.

— Как? За одну неделю вы собираетесь выкорчевать корни всех восьми дубов? — спросил удивленный дед Микела. — Еще генерал Вачнадзе и его управляющий, как я помню, пытались это сделать. На один крошечный участок они бросили сто человек и семь упряжек волов, и костры разожгли на местах, где росли дубы, рубили остатки корневищ. Три месяца трудились и сумели сделать пригодным для посева лишь небольшой клочок земли. Сколько лет прошло с тех пор! Мы, бермуховцы, тоже немало рубили и кромсали эти корни; однако они и сегодня все там же.

— Разве только корни восьми дубов? Вот вы сегодня проходили по этому плоскогорью, — вставил Абриа, — и, наверное, видели немало корневищ ольхи, карагача и бука. Вы думаете — легко их будет выкорчевать?

¹ Марани — погреб.

Его поддержал младший брат—Лео, по прозвищу «Квавия», что означало «ворон».

— Дело тут не только в корневищах. Ведь почва здесь каменистая, песчаная и выветрившаяся, совершенно размытая потоками. Вы видите, конечно, ту часть плоскогорья в районе крепости Мамуки, — указал он пальцем на север Гвелети. — Весною с гор стремительно ринутся вниз потоки, и тогда мы увидим, какие виноградники сумеете вы здесь посадить.

— Верно, верно, я то же самое говорю, — ворчал Абриа.

Профессор Коринтели улыбнулся и так ответил Лео Уджираули:

— Мы осмотрели тот участок, потому-то и задержались немного. Правда, земля ваша камениста, но она не выветрившаяся. Именно такую и любит лоза. В тех местах, где земля, отведенная под виноградники, бедна камнями, их специально привозят и засыпают между лоз. Что же касается потоков талых и дождевых вод, которые льются весной из гвелетских ущелий, то мы с ними как-нибудь справимся, заставим эту воду служить нам — построим ГЭС! Будут у нас и свет и вода для орошения.

Ахалкаци оглядел людей:

— Еще кто хочет высказаться, товарищи?

Снова заговорил Лео Уджираули:

— Может быть, конечно, мы сумеем и корни восьми дубов выкорчевать и дождевым потокам дать направление. Но вот что я знаю: на остатках корней этих дубов гнездятся медведки. Разве они дадут вырасти виноградной лозе?

Абриа обнадежили эти слова.

— Лоза чем-то похожа на овцу, — сказал он, — тысячи врагов и вредителей сопутствуют ей. Но с такими хищными врагами овец, как волки, шакалы, лисы и барсуки, мы легко справляемся при помощи ружья, капкана и дубины. Враги же виноградной лозы невидимы — они ходят подземными путями, скрытыми от нас. Даже еж—враг лозы, тот самый еж, который ни с кем не враждует, кроме змей. Спросите-ка деда Микелу, старого вачнадзевского виноградаря. Генерал тоже посадил виноградники на плоскогорье Девяти дубов, но проклятые медведки сожрали всю лозу.

Дед Микела не заставил себя ждать. Он повернул голову в сторону гостей и тихо сказал:

— Помню, как будто вчера это было, как раз на этом самом «верблюжьем горбу»... — он немного запнулся, — вот здесь сидел генерал Вачнадзе. «Помогите мне, — говорил он, — бороться с проклятой медведкой». Его управляющий и агрономы стояли там, где вы сейчас находитесь, и не могли вымолвить ни одного слова. И то я помню, дети мои, как по приказанию генерала ходил я от села к селу, с трудом собрал человек двести. И под предводительством генеральского управляющего и агрономов стали мы мотыжить и копать виноградники — искали эту проклятую медведку. Больше тысячи лоз окопали, перевероршили все вокруг, но нигде не нашли и следа этой окаянной твари. Потом словно взбесилась она, проклятая. Как принялась за лозу — сожрала все. Нет, не расти тут лозе, начисто съест ее медведка.

Деда Микелу дружно поддержали Уджираули и Ичираули, Торгваидзе и Таркошаидзе, шофер Канкре, Лалбаца и Гагриа. Всем им хотелось, чтобы плоскогорье Девяти дубов осталось пастбищем для скота и местом охоты. Да можно ли возразить деду Микеле?! Его доводы — неопровержимы.

Но вот поднялся профессор Коринтели и заговорил, словно учитель с учениками, терпеливо разъясняя им их заблуждения.

— Здесь правильно говорили, товарищи, что у лозы такое множество врагов. К их числу принадлежит и еж, который ни с кем не враждует, кроме змеи. Он—тоже заклятый враг лозы.

Тут Абриа оторвался от своего дела и кивком головы выразил одобрение словам профессора. Ему казалось, что Коринтели согласится с ними.

— Лоза по своей беспомощности, действительно, похожа на овцу, — продолжал профессор.— Ей вредят не только многие видимые нашим глазом существа, но и многие незримые: чраки, нацари¹ и крошечные, еле различимые грибки. Дед Микела сказал правду: у генерала Вачнадзе медведка действительно погубила виноградники. Не только воинам следует быть осторожными, но и хозяйственникам. Все это верно. Однако верно и то, — здесь была сделана многозначительная пауза, — что наука не стоит на месте: она далеко продвинулась вперед со времен, когда здесь хозяйничал генерал Вачнадзе. Медведка распознана. Страшный этот зверь, — иронически улыбнулся профессор, — не что иное, как мраморный жучок. И бороться с ним мы уже можем. Мы располагаем сейчас всеми необходимыми средствами для борьбы с врагами виноградной лозы. И пусть этот самый мраморный жук, или, как вы его называете, медведка, не пугает вас больше: он нам уже не страшен.

Настроение у собравшихся как будто несколько изменилось. Но сопротивление еще не было сломлено. Люди молчали; видно, искали и находили новые аргументы.

— Еще кто желает высказаться? — спросил Ахалкаци.

Тогда выступил шофер Канкре — человек, который, как всем известно, не привык отвечать за свои слова и о котором можно сказать: «На рубль амбиции, на грош амуниции».

— Я разбираюсь в тракторе, — бахвалился Канкре, — и решительно утверждаю, что на плоскогорье Девяти дубов никакой трактор работать не сможет. — Бормоча и запинаясь, Канкре повторил эту свою мысль раза три, потом посмотрел на секретаря райкома Цихистави и продолжал: — Мы сидели вот здесь, под старым дубом и смотрели, как поднималась к нам ваша машина. Ей трудно было двигаться по немощенной дороге. Что же вы думаете: легко будет трактору карабкаться по размытым потоками склонам, где на каждом шагу овраги?

Раздалось несколько голосов: «Правильно, правильно!» Больше всех кричали Лалбаца и Гагрия, которые сидели на корточках за спинами стариков.

Речь Канкре ободрила мельника Ниортава, страстного любителя охоты.

— К чему все эти разговоры о виноградниках? Разве не известно, что на этом плоскогорье водятся шакалы? Они не дадут нам сохранить виноградники. Шакалы сожрут их.

Секретарь райкома оглядел молодежь:

— Кто еще хочет высказаться?

Тогда-то и выступил Годердзи Эланидзе.

— Партия учит нас, что нет таких крепостей, которых мы не смогли бы взять. Неужели нас испугает медведка, или, как сейчас профессор Коринтели назвал этого вредителя, — мраморный жук? Да пусть он будет не то, чтобы мраморный, а даже кремневый. Что же касается

¹ Чраки, нацари — названия болезней лозы.

Канкре, который утверждает, что на плоскогорье Девяти дубов трактор, якобы, не сможет работать, то это так же смешно, как смешна шутка мельника Ниортава об угрозе со стороны шакалов. Этого еще не хватало! Мы не боимся сразиться со львами, а нас пугают жалкими шакалами.

Канкре, Лалбаца, Гагрия и мельник Ниортава зашумели. Возмутился и Абриа-злостью. Но он не сказал ни слова—лишь стал еще яростнее строгать свою палку.

У Годердзи нашлись союзники: Ваню Хелашвили и трое Уджираули—внуки Абриа. Они горячо поддержали его.

Секретарь райкома обратил внимание на то, что молчат женщины.— Что скажут колхозницы?— обратился он к ним.

Коринтели увидел, как поднялась веснушчатая девушка, которая сидела рядом с Годердзи и была очень на него похожа. Стесняясь, должно быть, своей смелости, она тихо сказала:

— Профессор Коринтели прав: наука—это умение. Здесь нам напомнили, как медведка сожрала генеральские виноградники. Медведка и разные жуки страшны тем, кто не знает, как с ними бороться. А профессор знает, и ничего страшного в этой медведке на самом деле нет. Нас ведь много, и если мы вооружимся знаниями, даже самая трудная задача станет легкой.

— Кто эта девушка?— спросил профессор.

— Нуну Уджираули, звеньевая колхоза,—ответил Годердзи.

Поведение Нуну рассердило пожилых женщин. И они дали волю своим языкам. «Выскачка, выскачка»,—шипели жены и невестки из родов Уджираули, Торгваидзе, Таркошаидзе.

Гнев охватил Абриа-злостью и его брата Лео—Нуну ведь была внучкой Лео. Грыз от ярости ногти и шофер Канкре.

II

После встречи с колхозниками Коринтели предложил членам комиссии до составления докладной записки Центральному Комитету осмотреть плоскогорье Девяти дубов.

Подошедший к концу собрания председатель колхоза Тедо Таралашвили, глянув на небо, заметил:

— Кажется, дождь пойдет. Не лучше ли отложить на завтра?

— Нет, дорогой Тедо,—сказал профессор,— не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. К тому же, насколько мне известно, вопрос о расширении площадей под виноградниками должен стоять на бюро Центрального Комитета в ближайшую пятницу.

Ахалкаци и Цихистави поддержали Коринтели.

Они проехали небольшое расстояние на машине, потом пошли пешком по тропинке, с трудом преодолевая подъемы и крутые спуски. Коринтели опирался на кизилую трость с острым наконечником, которой снабдил его председатель колхоза. Стоило ему оступиться, как тотчас рядом оказывался Годердзи и почтительно поддерживал его.

Коринтели временами останавливался, концом палки расковыривал почву, взяв в пригоршню землю, рассматривал ее на ладони, объяснял всем, какими чудесными свойствами она обладает, какая здесь благодатная почва для будущих виноградников.

Чем дальше они шли, тем пустынее становилась окрестность, тропинки исчезали в разросшемся колючем кустарнике, и Годердзи то и дело приходилось искать новую дорогу.

Коринтели, отвыкший от хождения по бездорожью, часто сбивался с пути, переходил на протоптанные овцами тропинки, натыкался на густое переплетение ветвей, и тогда ему на помощь снова приходил Годердзи и кинжалом расчищал путь.

Шум шагов вспугивал фазанов. Они бежали по земле, словно набирая скорость, подобно самолетам на аэродроме, потом раздавалось хлопанье крыльев, и птицы, оторвавшись от земли, проносились над кустарниками.

Коринтели говорил Годердзи:

— Скоро, очень скоро появятся тут тракторы и грейдеры. Они разворотят гнезда фазанов, нарушат покой оленей, косуль и кабанов. Если не переделывать природу, Годердзи, она останется бесполезной для человека.

Он снова и снова ковырял палкой землю, внимательно рассматривал на ладони разрыхленные комья и радостно делился со своими спутниками мыслями о богатстве этой земли, о ее будущем.

Превозмогая усталость, Коринтели на ходу заносил в блокнот сведения о местности. Потом он достал перочинный нож, ухватился рукой за свисавшую с ольхи ветку терновника и попытался срезать ее, но не смог.

Годердзи срубил ветку кинжалом.

Коринтели подошел к Цихистави и взял его под руку.

— Эта колючка мешает дереву расти, — сказал он. — Плодороднейшая земля, призванная вскормить благороднейшую виноградную лозу, питает—увы!—жалкую колючку. Задача науки—смести с лица земли бесполезные и вредные растения, заменить их нужными, плодоносящими.

Чем дальше они продвигались вперед, тем труднее было идти. Из правой руки Годердзи сочилась кровь.

Секретарь райкома окинул взглядом размытую потоками, изрезанную оврагами северную часть плоскогорья и обратился к Коринтели:

— Как вы думаете, товарищ профессор, не угрожают ли дожди этому участку полным размывом почвы?

Коринтели остановился. Он вытер с лица обильный пот и посмотрел на далеко простирающееся русло оврага, в глубине которого блестела тоненькая струйка воды, пробивающая себе путь среди огромных валунов.

Тедо Таралашвили сказал:

— Вы видите этот овраг, такой безобидный на вид? Как только растают снега на горах и пройдут дожди, он наполнится водой, которая устремится вниз и затопит всю эту равнину.

Коринтели ответил:

— Отсюда до восточной границы Кахетии, до самой Нухи, вся земля покрыта такими же оврагами и холмами.

Он устремил взгляд на сверкающий вдали белоснежный Кавказский хребет, один из отрогов которого—Кварельские горы—с трех сторон обступал плоскогорье Девяти дубов и расположенные на берегу Алазани деревни, и продолжал:

— Ваша земля не так изнурена зноем, как Карталинская. В ней много полезных растительных и минеральных удобрений. В других условиях мы специально их собираем, изготавливаем перегной, компост и кормим лозы. Здесь же сама природа делает ваше дело. Как только приходит весна, водные потоки несут удобрения с гор в долину, доставляют сюда плодородный ил с хребтов Кавкасиони. В старое время

такие потоки причиняли немалый вред посевам, садам. Теперь же их нетрудно обуздать.

Коринтели обратился к Мелитаури:

— Эта почва очень богата калием и фосфором. Не участок, а настоящий золотой фонд. Кавкасион!—произнес он протяжно, торжественно.—Его недостаточно еще воспели наши поэты, и он, к сожалению, недостаточно изучен минералогами и почвововедами.

Неожиданно послышались рев быков и громкие голоса погонщиков. По оврагу, направляясь к Бермухе, двигалось стадо.

Коринтели с горечью сказал Цихистави:

— Ну на что похожа эта корова с высохшим выменем и этот бык с узкой спиной? Окрестности Бермухи настолько богаты пастбищами, что просто стыдно смотреть на такую невзрачную скотину. Мы должны постараться в ближайшие же годы заменить весь местный скот породистым.

Цихистави думал о том же.

— Три колхоза Кварельского района получили недавно пять племенных быков и около ста хевсурских коров,—сказал он.

Они присели возле лежавшей на земле ольхи, закурили. Годердзи, устроившись у ног профессора, внимательно слушал его, то и дело задавая вопросы.

Коринтели обратил внимание на росший неподалеку куст кизила и попросил Годердзи:

— Будь добр, пойди и срежь для меня хорошую кизилковую палку. Мне ведь придется еще не раз бродить здесь. Только постарайся выбрать прямую, с развилкой на одном конце. Тогда я верну Теде его посох.

Вместе с Годердзи поднялся и Теде. Коринтели разговаривал с Цихистави.

— Очень способный юноша, — сказал он о Годердзи. — Человек, задающий вопросы, так же раскрывает себя, как и тот, кто отвечает на них. Он задавал мне такие вопросы, что я, по правде говоря, просто поразился.

Цихистави ответил:

— Да, вы правы. Годердзи — наш воспитанник. Мы собираемся предложить его кандидатуру в председатели колхоза. Теде давно уже просит освободить его: он уже состарился, болеет.

На тропинке показались пастухи. Из чащи кустарника вынырнули овчарки. За ними появились овцы.

Коринтели заметил:

— Я не сторонник разведения монгольской овцы. Издревле наш народ разводил ту породу овец, которую у нас называют хвостатой.

— У монгольских овец больше жиру, — возразил Ахалкаци. — Сейчас мы выводим тонкорунных метисов. Я не зоотехник, но считаю, что взяться за метизацию скота — насущная необходимость. Англичане, как известно, скрестили свою породу лошадей с бедуинской, и получили замечательных коней. А разве холмогорские, голландские пестрые и немецкие красные коровы не результат метизации? Грузинская хвостатая овца нуждается в обновлении. Надо скрестить и тушинскую лошадь. Мне приходилось в Хевсуретии ездить на этих тушинских лошадях, и я не думаю, чтоб какая-нибудь другая порода сравнилась с ними на горных дорогах. Метизации требуют и горная мегрельская лошадь и короткошерстная мегрельская коза.

Мимо прошла огромная лохматая кавказская овчарка с тремя щенятами. Все залюбовались ими.

— Это одна из лучших в мире пород, — проговорил Коринтели. Посмотрите, как она сложена! Круглая и умная голова на широкогрудом и ширококостном торсе. Короткая шея, высокие ноги, широкие лапы. В каждом ее движении чувствуется необычайная сила и гордость.

Годердзи и Тедо вручили профессору кизилковую палку. Юноша опять уселся у ног Коринтели и, слушая его хвалу кавказской овчарке, вспомнил свою любимую собаку «Мгелу».

Цихистави сказал:

— В Шираки у нас есть собака, которая прошлой зимой четырех волков задушила, а вообще на ее счету — больше сорока хищников. Она — метис волка и собаки. Ведь, кажется, очень умна немецкая овчарка, а вот в борьбе с волком она уступает кавказской. Наша крепче немецкой.

На гвелетские холмы спустился легкий туман. Видны были только верхушки сосен. Поверх их, над Кавкасион, лежала груда темно-синих туч. Они принимали различные очертания и походили то на сказочных химер, то на крылатых львов, поднявших лапы, то на стадо страусов.

Тедо Таралашвили заволновался:

— Поспешим, товарищи, хлынет дождь.

Все поднялись и пошли.

Скоро послышался шорох падающих капель.

— Удивительно, как точно вы предсказали дождь, — заметил Коринтели.

— Мои старые раны служат мне барометром, — улыбнулся Тедо.

Кустарник кончился. Начались болотистые места, заросшие тростником.

— Косуля, косуля! — вдруг воскликнул Годердзи.

Вошли в лес. Вокруг потемнело. Дождь усилился, Коринтели то и дело поглядывал на небо. С высоких тополей, тяжело рассекая крыльями воздух, взлетали белоголовые орлы-ягнятники.

Опередившие спутников Цихистави и Ахалкаци потеряли в полумраке дорогу и оказались за ручейком, протекавшим в лесу. Они теперь не могли присоединиться к остальным.

Дождь усилился. Потемнели стволы деревьев. Годердзи пришлось снова пустить в ход кинжал и им расчищать путь. Коринтели, как и все остальные, устал и промок до нитки. С трудом передвигал он по мокрой земле отяжелевшие ноги.

Вдруг Коринтели заметил каких-то темно-серых животных, вылезших из-под кустов. Он вздрогнул от неожиданности и от страха — ему показалось, что это волки. Но это были всего лишь овцы: пастухи не успели еще выгнать всю отару на опушку леса.

Потом Коринтели увидел, как какое-то странное существо раздвинуло кизилковый куст и, выскочив на тропинку, побежало. Это существо очень походило на лысого карлика, закутанного в короткую черную бурку, с палкой на плечах. Оно скользнуло тенью и быстро оторвалось от земли — закутанный в короткую черную бурку силуэт с палкой на плечах взлетел в воздух. Где-то совсем близко выстрелили из ружья.

Вскоре они подошли к тому месту, где упал сраженный ягнятник. Птица бессильно била крыльями по земле. Это и было то странное существо, которое заметил Коринтели.

Годердзи смело раскрыл когти хищника и отнял задушенного ягненка. Коринтели посмотрел на орла и удовлетворенно произнес:

— Так и надо ему, бандиту.

Из лесу вышли трое людей. Один из них держал ружье. Когда они приблизились, Тедо и Годердзи узнали Канкре, Лалбаца и Гагриа.

Коринтели подозрительно оглядел их.

Канкре ухватился за тушу ягненка.

— Что ты делаешь, парень? — крикнул Тедо.

— Барашек мой, и я беру его.

— Как это твой?

— Очень просто: ягнятника убил я, и его добыча принадлежит мне, — вызывающе ответил Канкре.

— Что вы здесь делали?

— Мы шли к мельнику Ниортава рыбачить, — сказал Канкре.

— Рыбачить с ружьем? — удивился Годердзи.

Шофер, злобно сверкнув глазами, промолчал, все трое удалились. Вскоре из лесу донесся угрожающий голос Канкре:

— Подожди, еще пожалеешь об этой дерзости, Годердзи.

— Кто этот юноша? — спросил Коринтели.

— Тот, с ружьем городской — Канкре, — ответил Тедо. — За хулиганство его лишили шоферских прав. Теперь живет в нашем селе. Бездельник и пьяница. А те двое — Лалбаца и Гагриа подпали под его влияние. Бродят по лесу, браконьерствуют. Потому они и недовольны тем, что мы собираемся засадить виноградниками плоскогорье Девяти дубов — ведь тогда им придется ходить на охоту далеко в горы...

— Вы пытались как-нибудь на них воздействовать? — спросил Коринтели.

— Предлагали Канкре стать трактористом, но он отказался — ревматизм, мол, у меня. А сам бродит по болотам.

— Ну, а браконьерство у вас не наказывается?

— Наказывается, конечно, но для этого нужно застать браконьера на месте преступления...

Ночь окутала лес. Люди двигались в темноте, и до их напряженного слуха доносились многоголосые и разноречивые лесные звуки.

... Прояснилось. Ветер разогнал тяжелые дождевые тучи; лишь кое-где на небе остались прозрачные облака, белые, как новорожденные ягнята на второй день после окота.

Луна озарила Алазанскую долину. Ледники Кавкасиони окрасились зеленовато-голубым цветом.

Пустошь кончилась. Все собрались вместе. И к этому времени подоспела машина.

Цихистави предложил довезти профессора до сельской гостиницы. Но Коринтели, хотя и был сильно утомлен, вежливо отказался, так как знал, что товарищи спешили в Кварели на совещание животноводов.

— Я предпочитаю идти пешком, — сказал он.

— Тогда пусть вас проводит Годердзи, — предложил Тедо.

— Зачем его беспокоить? Я не так еще стар, чтобы нуждаться в провожатых. Лучше возьмите Годердзи с собой на совещание, — ответил Коринтели.

Условившись о завтрашней встрече и распрощившись со всеми, Коринтели зашагал по шоссе к Бермухе. Он шел, поминутно бросая взгляд на Алазань, сверкавшую под луной, подобно чешуе лосося.

Из соседнего оврага доносилась песня аробщика.

В поле работал трактор.

На деревянном мостике, недалеко от древней крепости танцевали и пели дети.

Босоногий мальчишка гнал вывалявшихся в грязи буйволов. Обившись в тесную кучу, они медленно двигались по дороге.

...И все это: Алазань, и песня аробщика, и древняя крепость, и дети на мостике, и буйволы — вызвало в памяти Коринтели картины его далекой юности... Он замедлил шаг.

На возвышенности возник силуэт бывшего вачнадзевского дворца. В двух окнах еще мерцал свет. Коринтели почудилось, что по оконным стеклам движется тень его жены — Медеи.

Дорога сворачивала к широким воротам усадьбы. Над двумя старыми столбами кирпичной кладки возвышалась деревянная арка, по краям ее светились цветные лампочки. На арке было написано: «Слава Советскому правительству!»

На просторном дворе нигде уже не видно было знакомых Коринтели деревьев груши и миндаля. Теперь здесь был разбит парк и вместо фруктовых деревьев росли сосны и ели. Лишь перед домом по-прежнему красовались магнолии и олеандры, а позади виднелись темные силуэты бастионов старой крепости.

Коринтели поднял голову и посмотрел на осины и тополя, стоявшие вдоль дороги. Они были совсем маленькими в дни его юности...

Отец Вахтанга Коринтели — Ростом служил в Телави землемером. Реваз Вачнадзе часто ссорился с кварельскими князьями из-за поместий, межевых знаков, и Ростом Коринтели был, естественно, частым гостем в вачнадзевском доме. Младшая сестра Вахтанга — Нана была ровесницей дочери Реваза — Медеи. Их троих с самой ранней поры связывала чистая детская любовь.

Задумчиво смотрел сейчас Коринтели на тени магнолий и олеандров. Когда он, Медея и Нана были детьми, здесь резвилась маленькая косуля, которую Реваз Вачнадзе назвал именем дочери «Медико».

Как незаметно промчались годы, словно все это было вчера или позавчера! Что осталось от прошлого? Ключья горьких воспоминаний.

Понутив голову, медленно поднимался Коринтели по дороге, обсаженной осинами. Когда-то он мог легко, не переводя дыхания, взбежать по этому косогору, а теперь...

Бессонные ночи, проведенные на чужбине, занятия на двух факультетах, которые он окончил, напряженная научная работа на протяжении тридцати лет, тысячи разных неприятностей, подстерегающих человека на его жизненном пути, так утомили сердце, что ему трудно было подниматься даже по этой, отнюдь не крутой дороге.

С детства не любил Коринтели краснощекого, вечно пьяного, шумного Реваза и его взбалмошную супругу Тамару, которые жили от пирушки до пирушки, считая труд обязанностью одних только крестьян. И с детства он был привязан к Медико — изящной, как фарфоровая статуэтка, девушке.

«Первая любовь никогда не иссякнет, потому что неизгладима память о первой страсти», — думал Коринтели, не сводя глаз с двигающейся в освещенном окне тени.

Сначала все сложилось так благополучно, словно сама судьба заботилась об их счастье. Четыре года они вместе учились в Телави — Вахтанг, Медико и Нана. И потом еще восемь лет провели они вместе в Тбилиси, куда в один и тот же год переехали семьи Вачнадзе и Коринтели. Наконец, когда Реваз Вачнадзе вместе с семьей уехал в Париж, Вахтанг оказался там же — студентом «Экол де мин»¹.

Банкир де Мосперо посоветовал было Ревазу Вачнадзе положить

¹ «Экол де мин» — высшее учебное заведение в Париже.

привезенное из Грузии золото в банк и жить на получаемые проценты. Но этот совет оскорбил князя, привыкшего не считаться со средствами.

Реваз Вачнадзе не ходил ни в Лувр, ни в театры. Занятием «празд-ных баб» считал он и чтение книг. Он проводил время преимущественно в первоклассных ресторанах, чаще всего в «Мулен руж»¹, который был приятен ему, несмотря на то, что князь ненавидел все красное.

Официанты «Мулен руж» быстро освоились с «благородным» князем, который редко брал у них сдачу и жадно поглощал бордо. Реваз обратил на себя внимание и тем, что несколько заученных им французских фраз ресторанного обихода он произносил так, что даже вежливые французы не могли сдержать улыбок. Это бесило князя, и он устраивал дебоши. Раза два его препровождали даже в полицейский участок. Тогда вмешивалась сестра его Ефимия, она же мадам де Мосперо. Когда выяснялось, что Реваз Вачнадзе — брат жены банкира де Мосперо, полиция сразу же становилась милостивей.

Мадам де Мосперо видела, как в руках брата, подобно снежинкам, таяло золото. Реваз посылал телеграмму за телеграммой в Бермуху своему управляющему, требуя новых и новых денег. Но они прибывали все реже и реже. Единственным капиталом, которым владела семья, была теперь прекрасная Медико.

Отец и мать Медико, давно привыкшие видеть свою дочь вместе с Вахтангом, не удивлялись общению молодых людей в Париже. Вахтанг и Медея ходили в театры, на выставки. Но Ефимию раздражали постоянные звонки «нищего» студента и его частые посещения семьи Вачнадзе. Она посоветовала своей невестке положить конец этому общению, ибо, как утверждала Ефимия, частые встречи молодых могут стать привычкой, а любовь, в конце концов, не что иное, как последствие этой привычки. Но Ефимия не останавливалась на одних лишь предостережениях и прибегала к более радикальным мерам.

Мадам де Мосперо устроила пышный банкет и представила свою племянницу на суд парижского света. Даже самые пристрастные сплетницы пришли в восторг от красоты «грузинской принцессы». Критике подвергались лишь ее манеры.

Срочно были приняты меры для восполнения этого пробела — девушку окружили гувернеры, учителя музыки и танцев, французского и итальянского языков.

Ефимия устраивала банкеты и суарэ², чтобы, на мгновение показав свою племянницу знатым гостям, потом скрыть ее на несколько дней и по телефонным звонкам устанавливать, кто же реально собирается в нее влюбиться.

Случалось, что в телефонной трубке звучал застенчивый голос Коринтели. Тогда Ефимия грубо отвечала: «Медико нет дома».

Мы не станем сейчас перечислять всех лиц, которые в то время обхаживали мадам де Мосперо в надежде через нее добиться руки Медеи. Тут были и парижские банкиры, и обанкротившиеся итальянские графы, и американские «бизнесмены», трагически переживающие свою неродовитость и направляющиеся в Европу в поисках именитых невест, чтобы «облагородить» свою кровь.

Именно с такой целью и приехал тогда в Париж сын миллионера из Вашингтона — Гарри Сноуден. Он отказал помолвленной с ним итальянской графине и попросил руки Медеи. Ефимия была вне себя от радости, однако сделала вид, что раздумывает над предложением аме-

¹ Мулен руж — красная мельница.

² Суарэ — вечер.

риканца. Мистера Сноудена несколько удивило это. Его визиты в дом банкира де Мосперо участились.

Теперь Медее уже категорически было запрещено встречаться с «нищим» студентом, который к тому времени перешел в агрономический институт Монпелье. Тетка заперла свою племянницу дома и приказала слугам не принимать Коринтели.

Тетка Ефимия была убеждена, что сумеет уговорить Медею, эту, как она говорила, «заупрямившуюся дуручку», обручиться со Сноуденом. Но тут произошло событие, которое разрушило все планы.

Как-то вечером мистер Сноуден и его американские друзья — банкиры из Вашингтона, кутили в ресторане «Мулен руж» вместе с парижскими «демимонденками»¹. Все были уже сильно пьяны, когда неожиданно появился Реваз Вачнадзе. Он, как выяснилось позже, был приглашен друзьями в соседний кабинет, но, перепутав двери, предстал перед американцами. Кто-то из них грубо обругал непрошеного гостя. Реваз, не зная ни одного английского слова, догадался, что его обругали, и не преминул ответить отборной руганью. Американец догадался, что ему говорят отнюдь не приятные вещи, вскочил, грубо толкнул князя, голову которого украшала папаха из каракуля, и выкрикнул понятное на всех языках: «Бе-е-е!» Тогда Реваз рассвирепел, обхватил руками нагруженного бутылками и тарелками официанта и с такой силой толкнул его с американцем, что свалил того с ног.

Вся пьяная компания, в том числе и мистер Сноуден, набросились на князя. Но и он не стал мешкать — прошелся по их головам бутылками и завертелся среди них, как Тариэл среди слуг царя Ростевана.

Это событие повлекло за собой последующие. Мистер Сноуден, которому во время драки разбили голову, на другой день направил резкое письмо мадам де Мосперо и взял обратно свое предложение.

Проклиная Париж, он уехал к себе, в Вашингтон. А Ревазу Вачнадзе еле удалось отделаться тремя месяцами тюрьмы.

Таким образом в том же самом городе, где когда-то Сулхан-Саба Орбелиани покорила своей учтивостью и остроумием французского короля Людовика XIV и его министров, князь Реваз Вачнадзе прославился скандалами.

Это обстоятельство не отпугнуло, однако, остальных претендентов на руку Медеи. Наоборот, их аппетит разгорелся еще больше. Бездельники из аристократического квартала «Фобур Сен-Жермен» представили дело так, будто князь Вачнадзе выглядел героем: он, мол, застал своего будущего зятя в обществе «демимонденки» и изрядно поколотил его.

На одном из очередных банкетов, устроенных банкиром де Мосперо по случаю дня рождения его супруги, с Медеей познакомился некто Люсьен Шаркутье — владелец многих фабрик департамента Сены, а также виноградников провинции Шампань.

Люсьен Шаркутье столь быстро и безудержно влюбился в Медею, что вскоре в доме банкира де Мосперо не стало от него покоя. Месье Шаркутье привлекала не только красота Медеи, но и то, что девушка приехала из столь «романтической страны», как Грузия. Простолюдин, сын торговца вином, мечтал, как и другие, «приобщиться к княжеской крови».

Тетке Ефимии вряд ли могла прийтись по душе внешность Шаркутье: его огромный, как у сома, рот, заполненный торчащими в разные стороны зубами, и свихнутая на бок челюсть, но она знала, сколько

¹ Демимонд — «полусвет», в данном случае — особы легкого поведения.

миллионов франков у него на счету в банке де Мосперо, а это делало его больше чем красавцем.

Когда Ефимия предложила Медею выйти замуж за Шаркутье, девушкой случился припадок. Придя в себя, она заявила, что скорее бросится в Сену или станет прачкой в «этом проклятом Париже», нежели выйдет замуж за такого урода.

— А чего же ты хочешь? Или, может быть, хочешь, чтобы мы разрешили тебе выйти замуж за голодранца-студента, сына землемера? — презрительно произнесла мадам де Мосперо.

Прошло несколько месяцев.

Ефимия оставила Медею в покое, так как поняла, что девушка еще не обладает теми «достоинствами», которые с юных лет обретают буржуазные дамы, а именно — любовью к золоту, лицемерием, способностью лгать.

К тому времени вернулся домой отбывший наказание Реваз. Вместе со своими собутыльниками он продолжал кутежи в «Мулен руж».

Тетка Ефимия решила оказать давление на Медею через брата и невестку, и ее усилия не пропали даром. Пьяный Реваз несколько раз оттащил за волосы свою любимую дочь, «своего ангела», как он ее называл, и решительно потребовал, чтобы она навсегда выкинула из своего сердца «нищего» студента. К угрозам и просьбам родителей прибавилось, наконец, и мощное влияние известного соблазна — золота.

Упрямство Медеи было отчасти сломлено бриллиантами фирмы Ко-скуц, бальными платьями, украшенными жемчугом, которые месть Шаркутье прислал девушке ко дню рождения, поездками в Булонский лес и в окрестности Шампани на комфортабельных лимузинах.

Когда Ефимия представила своему брату его будущего зятя, Реваз Вачнадзе не произнес ни слова — он побоялся вторично помешать «счастью Медеи». Но стал молчаливым, загрустил. Прошло несколько дней, и Реваз, сильно напившись в своем излюбленном «Мулен руж», умер от разрыва сердца.

Снова заколебалась Медея. Она грозилась собрать все бриллианты и тряпки, присланные ей Шаркутье — «этой жабой», и швырнуть их ему в лицо.

То был год тяжелых испытаний для Вахтанга Коринтели. В Тбилиси, попав под трамвай, скончался его отец. Коринтели остался без всякой поддержки и вынужден был перебиваться кое-как. Он продолжал учиться и в то же время работал ночным сотрудником провинциальной газеты, ездил на каникулы в Дувр, где устраивался портовым грузчиком. Иногда ему приходилось по ночам месить тесто в кондитерской, а рано утром снова бежать на лекции.

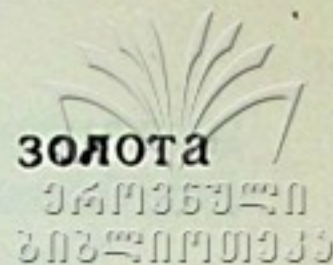
К этому времени банкирский дом де Мосперо обанкротился. Вкладчики и клиенты возбудили судебное дело. Медея видела, что не только ее семью, но и тетку Ефимию вместе с мужем скоро выкинут на улицу.

Мать и тетка слезно умоляли Медею спасти их от гибели. Девушка не устояла перед их последним натиском и велела тетке Ефимии назначить день помолвки.

На той же неделе месть Шаркутье открыл семье де Мосперо полумиллионный кредит.

«Болотная жаба» одержала победу не только над «нищим» студентом, но и над биржевыми и салонными «львами», и Медея примирилась с тем, что Люсьен Шаркутье стал ее законным супругом. Так, без боев и без преодоления морских просторов, только при помощи теле-

фонных звонков и чековой книжки новоявленному искателю Язону удалось заполучить прекрасную Медею.

★ ★ ★

В 1936 году несколько молодых советских ученых - агрономов было командировано в разные районы Азии, Европы и Америки для изучения цитрусовых культур и виноградарства. Среди них находился и Вахтанг Коринтели—автор монументального труда «Виноградная лоза и ее невидимые враги», получившего широкую известность и признание. Коринтели вновь поехал во Францию.

Он успешно выполнил задание и собирался уже возвращаться домой, когда совершенно неожиданно был разрублен «гордиев узел», который он так долго не мог распутать. И тетка Ефимия, немало потрудившаяся над тем, чтобы отдалить Медею от Вахтанга, сыграла в этом весьма фатальную роль. Она пригласила Коринтели в дом Шаркутье. А кончилось тем, что Медея оставила нелюбимого мужа и вместе с другом своей юности вернулась в Грузию.

★ ★ ★

С тяжелым сердцем поднимался Коринтели по лестнице гостиницы. Он вспомнил, что когда-то здесь, наверху, стояла бронзовая Диана с зажженным факелом в руке. Он снова увидел ее. Но теперь Диана держала большую электрическую лампу.

По стенам широкого коридора были развешаны портреты руководителей партии и правительства.

У круглого столика, опустив голову на руки, спал дежурный. Услышав шаги, он очнулся и любезно проводил Вахтанга до «люкса», в котором Коринтели поселился со своей женой.

Черный, как ночь, доберман-пинчер Ахилл радостно бросился к хозяину. У двери Коринтели встретила старушка. Он узнал ее — это была Майя, которая когда-то пекла хлеб в доме Вачнадзе.

Возле накрытого стола в кресле сидела Медея — она вязала. Коринтели заметил — тень какой-то необъяснимой печали лежала на ее лице. Ему даже показалось, что Медея еще больше поседела за этот день, еще больше морщин появилось на ее щеках и вокруг глаз.

В хрустальном графине, стоявшем на столе, переливчато искрилось красное вино. На блюде лежала вареная курица.

— Извини, Медико, я заставил тебя ждать, — сказал Коринтели жене.

Майя вышла в коридор, потом вернулась и принесла с собой грузинские хлебцы.

— Медико, почему вы не пообедали без меня? — спросил Коринтели.

Медея молчала. За нее ответила Майя:

— Я ее очень просила, но она ни за что не хотела есть без вас. А я приготовила ваши любимые блюда — вареную курицу с чесночной подливкой, жареного гуся...

Коринтели помыл руки и сел к столу. Он снова извинился за невольное опоздание.

— Тебе следовало извиниться и за другое, Вахтанг, — сказала Медея.

Коринтели разрезал курицу, предложил Медее, Майе, взял и себе кусочек.

— За другое?

— Да, за то, что с утра оставил меня одну в этой проклятой гостинице.

— Одну? Но ты же была не одна, Медико. Мы здесь — гости председателя колхоза. Он ведь сел вместе с тобой в машину и повсюду сопровождал тебя. Кроме того, я не понимаю, почему тебе здесь не нравится? В этой деревне нет лучшего помещения. И потом—в этом зале, что ни говори, мебель твоего отца. Если не ошибаюсь, и этот хрустальный графин... — Коринтели взял графин, налил себе вина, затем, прежде чем поставить его на место, внимательно оглядел. — Не такая уж плохая работа? А, Медико?

Когда Майя встала и поплелась в коридор за гусем, Коринтели сказал:

— Я не понимаю, Медико, почему ты сердишься на меня из-за таких мелочей. Утром ты сама видела, как хорошо нас встретили гостеприимные хозяева. Секретаря райкома очень беспокоило, что пришлось оставить тебя одну. Но у нас не было другого выхода. Надо было сегодня же закончить дела.

— Какие дела? — удивилась Медея.

Налив себе снова вина, Коринтели отпил немного.

— Я ведь говорил тебе вчера ночью — мы хотим превратить в виноградники все плоскогорье Девяти дубов.

Медея ела неохотно. Она отодвинула в сторону тарелку.

— Меня просто поражает, Вахтанг, каким ты остался неисправным фантазером.

— Как это фантазером? О чем ты говоришь, Медико?

— Да, к сожалению, это так, — подтвердила она. — Неужели ты всерьез думаешь, что колхозники сумеют сделать то, чего не сумел сделать мой дед — крупный помещик и знаменитый генерал? Ты ведь помнишь, как боялись погонщики выгонять скот на эту пустошь, сколько там было волков... Какие же могут быть там виноградники?

— Извини, Медико, но, как видно, ты все еще не разобралась во всем происходящем. То, что было не под силу твоему деду, под силу Советскому государству.

Майя внесла жареного гуся.

— Дай бог тебе здоровья, Майя! Давно я не ел жареного гуся, — сказал Коринтели, разрезав на куски птицу.

Он попробовал гусиное мясо.

— Благодатная у тебя рука, Майя. Ты и раньше умела замечательно готовить. Сколько тебе лет?

— Семьдесят исполнилось в этом году.

— Как живут твои домашние? Сколько у тебя детей? Сколько внуков? — продолжал расспрашивать Коринтели.

— У моих пятерых сыновей и шестерых дочерей всего пятнадцать детей осталось, свет мой. Трех детей и пятерых внуков потеряла я во время войны.

Коринтели попросил воды.

Когда Майя вышла, Вахтанг заговорил, обращаясь к жене:

— Если бы я знал, что приезд в Бермуху так плохо отразится на твоём настроении, я бы не брал тебя с собой, Медико. Мне казалось, что после всего того, что ты собственными глазами увидела на Западе...

Майя внесла кувшин с водой. Коринтели замолчал.

Поев немного, Майя пожелала супругам доброй ночи и удалилась.

Медея обратилась к мужу, продолжая прерванную беседу:

— А что ты имел в виду, когда говорил о Западе?

Коринтели, волнуясь, ответил:

— Моральное разложение человека. На Западе человек лишен чувства собственного достоинства. Там золото властвует и над любовью и над воззрениями. Ты столько читала на эту тему. Вспомни хотя бы твоего любимого Бальзака... Я ведь тоже долгие годы жил на Западе. И я возненавидел этот мир, где большинство его обитателей — рабы золота. Ты же помнишь: когда-то на одной чаше весов находились я и наша родина, а на другой — золото Шаркутье. Я потому и люблю тебя, моя Медико, что ты предпочла меня и родину показному блеску парижской жизни. А теперь успокойся, дорогая. Я сегодня так много разговаривал, столько спорил, ходил и так устал; мне думается, я достоин не упреков, а твоего веселого, ласкового слова.

Еще сияла луна, когда Коринтели и Медея вышли на балкон. Отсюда были видны полуразрушенные башни крепости Леона — царя Кахетии и розовая церковь Вачнадзе.

— Ты помнишь, Медико, покойную мою сестру Нану? — сказал Коринтели. — Она плела венки из ромашек и водила нас вот в ту церковь... Она надевала халат своей матери и, привязав к животу подушку, изображала толстобрюхого попа. А мы с тобой были женихом и невестой. Нана шептала какие-то молитвы, и мы тогда верили, что эти венки из простых полевых ромашек превращались на наших головах в золотые. Иногда мы сидели у входа в подземелье вон той крепости. Мы были тогда счастливы. У меня на боку висела деревянная сабля, и вместо коня я седлал палку.

Человек, вероятно, лишь потому бывает так счастлив в детстве, что он не знает реальной сущности вещей. Простая палка легко заменяет ему прекрасного коня, деревянная сабля — стальную, венок из ромашек — золотой венец.

— Я был рыцарем, а ты — женой дэва¹. Я должен был похитить тебя. Но мать дэва — Нана мешала нам это сделать... Как видишь, Медико, я все-таки отнял тебя у дэва. Смейся же, смейся твоим несравненным смехом и смотри, как прекрасен этот мир.

III

Благотворное дыхание ранней весны уже раскрывало почки деревьев, но оскалил свои ледяные зубы март. С ревом и грохотом налетел ураган с Кавкасиони и, подобно вольному коню, промчался по Алазанской долине, обрушился на притаившееся в долине село, вновь потряс развалины старых крепостей и церквей, сорвал лепестки с цветущего миндаля и алычи, разметал их по земле. Вздогнули дома в Бермухе, словно сжались, уменьшились от страха. Неистовый ветер яростно напал на них. В воздухе носился вихрь мокрых снежинок. Дрожали от холода и жались к стенам домов собаки.

Не сдавались только смелые петухи: они продолжали криком своим призывать рассвет.

Уставший за день Годердзи спал, но его разбудил чей-то кашель.

Юноша приподнял голову.

Абриа Уджираули и дед Микела сидели у огня. Здесь же находилась и Баблиа. Одной рукой прикрывая лицо от огня, другой она поворачивала шампур². В комнате вкусно пахло шашлыком, раздавалось шипение жарившегося мяса. Капли жира падали на уголья и слышались звуки, подобные скрипу шагов по снегу.

¹ Дэв — мифический великан.

² Шампур — вертел.

Абриа курил трубку и давился от кашля и злости.

«Вероятно, дома повздорил со своими и потому спозаранку пришел к Микеле отвести душу», — подумал Годердзи и прислушался к разговору.

Абриа-злостью ругал свою жену:

— Стерва она! Будь она проклята, и дети и внуки пошли в нее. Будь проклят тот день, когда я на ней женился и затащил к себе в дом... Лучше бы мне утонуть в Алазани в тот день, когда я поехал к ней свататься...

Абриа поносил жену, словно не прожил с ней уже полвека.

Сплюнув в огонь, он продолжал:

— Когда скончался блаженной памяти отец, он оставил меня главой рода Уджираули. Отару овец возглавляет вожак-козел. Иначе отара погибнет в пути. Ты ведь знаешь, Микела, что старейшим в роду быть труднее. Бабу надо обуздывать. Юность сечь. За всем нужно следить, во все вмешиваться. Лоза, фасоль — и те нуждаются в опоре. Даже мудрец не в силах вернуть обратно произнесенное слово, и только зубы могут удержать на месте язык.

Годердзи усмехнулся: «И как это старик не хочет понять, что он давно уже не годится в предводители».

— Мир рушится, клянусь тебе, дорогой Микела. Люди забыли, кто старший, кто младший. Как бешеная собака боится воды, так и я боюсь завтрашнего дня. Ты счастлив, что не видишь своими глазами, как рушится мир...

Сон одолевал Годердзи. Он было задремал. Но когда Абриа начал поносить своего внука Нику Уджираули и внучку Нуну, Годердзи насторожился.

— Не гневи бога, Абриа, — успокаивал его Микела. — И жена у тебя хорошая, и внуки. Они ни в чем перед тобой не виноваты. Во всем старость виновата, ей богу, проклятая старость. Ты болел когда-нибудь? Ну вот — так же, как больного раздражает веселье здоровых, так точно и стариков раздражает беззаботность молодых. Время похоже на коня, Абриа; когда конь делает скачок, надо податься вперед, иначе свалишься с него.

Годердзи, усмехнувшись, повернулся к стене. Хотелось спать. Но заснуть так и не удалось. Он приподнялся и посмотрел в окно.

С серого неба сыпалась снежная крупа. Жалобно лаяла сидящая на задних лапах собака. Все чаще раздавался крик петухов.

«Давай-ка я встану, позавтракаю и выйду на работу», — решил Годердзи и потянулся за рубахой. Абриа взглянул на него.

— Что ты так рано встаешь, парень? Ты на нас не смотри — мы старики, сон бежит от нас. Неужели в такое ненастье ты выведешь людей на работу?

Годердзи натянул сапоги, пристукнул каблуками об пол и с расстановкой произнес:

— Непогода пусть молодых невест пугает, дедушка Абриа! Если мы будем ждать, пока погода установится, вряд ли сумеем выполнить план.

— У вас всегда на уме какие-то планы, — поморщился Абриа.

— А как же, дедушка? Без плана в наше время жить нельзя.

Годердзи стянул сапог с правой ноги, подпрыгивая на левой, приблизился к камину и уселся.

Абриа жевал мясо своими пожелтевшими зубами.

— Что с тобой случилось, парень, ногу повредил, что ли?

— Тьфу, дьявол! Сапоги вчера промокли.

Годердзи протянул сапог к огню, чтобы обсушить его.

— Выпей вина,—посоветовал Абриа, протягивая юноше налитую доверху пиалу.

— Умоюсь сначала. Пей на здоровье сам, дедушка.

— Баблиа, будь добра, достань с полки козье сало и дай ему,—сказал Микела внучке.

Пока Баблиа искала козье сало, Годердзи надел сапог и умылся.

— Какими смешными выглядели вы, сколько сил зря потратили, как измучились, а ведь не одолели корневищ наших дубов,—тараторил злоязычный Абриа. — Забыли, как по пояс в грязи барахтались в овраге вместе со своими тракторами внук мой Ника и русский парень Коля Соколов. Я было думал: не встретился ли им мельник Ниортава.

— А причем тут Ниортава?—удивился Годердзи, посыпая мясо мелконарезанным луком и солью.

— Как, ты не знаешь, что Ниортава может сглазить человека? — хихикнул Абриа. — От одного его вида останавливаются лошади. Сколько арб перевернулось на дорогах от этого взгляда, сколько скотины погибло на пустоши!

— Оставим эти глупости,—прервал его Годердзи. — Если бы бедняга Ниортава был на что-нибудь способен, то он, прежде всего, сменил бы свои лохмотья на приличную одежду. Нет, ни Ниортава, ни трактористы тут ни при чем.

— Но разве я не предупреждал, что Ника и Коля не справятся? — хорохорился Абриа.—Да и какой трактор будет работать подле крепости Мамуки, в этом «Волчьем ущелье»? Это место проклято. Молоды вы—в том-то и вся беда. Кровь у вас кипит... А пользы от этого мало.

— Ошибаешься, дедушка, ошибаешься,—успокаивающе произнес Годердзи.—Твой внук Ника и Коля Соколов—наши лучшие комсомольцы. Об этом и в газетах писали...

— Я не видел этих газет,—огрызнулся Абриа.

Юноша взял еще один кусок мяса, снова посыпал его солью и луком и, с аппетитом жуя его, сказал:

— Если наши трактористы и не справились с заданием, то виноваты в этом не они, а скорее районный агроном Мелитаури. Я и Тедо с самого начала говорили, что маломощные тракторы не осият эту землю. И секретарь райкома обещал нам помочь. А Мелитаури настоял на своем: много, мол, уйдет горючего.

— Быки помогли бы,—вставил Микела.

— Что ты, Микела, какие там быки! —затараторил Абриа. — Знаешь, какой величины трактор? Ты не видел, конечно, это порождение дьявола. Но знаешь, какая у него сила? Десять упряжек быков не смогут потянуть столько, сколько один трактор.

— Трактора я не видел,—печально произнес слепой. — Колеса-то у него есть?

Годердзи пытался объяснить деду устройство трактора, но тот с трудом воспринимал его слова. Юноша торопился. Микела почувствовал это.

— Раз тебе не сидится дома,—сказал он,—надень мой кожух. Слышишь, как бесится ветер? Ненастье на дворе.

Из соседней комнаты донесся крик сумасшедшей Теброне:

— Борова, борова зарежьте, принесите жертву святому Георгию Квакаца¹!

¹ К в а к а ц а — каменный человек.

— Риппер, — ответили оба в один голос.

Вскоре подошел четвертый, такой же многосильный трактор с широким отвальным щитом и ножом, поднимающимся и опускающимся, как резцы риппера.

— Бульдозер, бульдозер! — закричали юноши и дезушки, не развидевшие уже такие машины на телавских дорогах.

Затем появился новый гость — экскаватор. Его окружили и малые и большие. Увидев выглянувшего из кабины смуглого богатыря, собравшиеся зашептались:

— Вано Хелашвили, Вано Хелашвили...

— Здравствуй, дядя Вано! — крикнули трактористы и, подойдя, крепко пожали его вымазанную в мазуте руку.

— Ну-ка, что у вас здесь съедобного? Видите, какие острые у меня зубы! — улыбнулся Вано.

— Да, тебе и целого барашка не хватит, — заметил мельник Ниортава. — Если долго будешь здесь копать и выкорчевывать корни этих дубов, то тебе для утоления аппетита понадобится, пожалуй, такая отара, какой владел когда-то Абриа.

Экскаваторщик рассмеялся. На его потемневшем от загара и пыли лице сверкнули белые, как сахар, зубы.

— Я не о себе, а об этом своем зубастом великане беспокоюсь. Есть у вас чем прокормить его?

— Найдется, — ответил Годердзи. — Видишь ведь, какое оно, наше плоскогорье.

— Звать-то как твоего зверя? — спросил Ниортава.

— Экскаватор, — ответил Вано Хелашвили.

— Экс... — Ниортава так и не смог произнести этого слова. — Знаешь, Вано-джан, если я ежедневно буду выговаривать имя твоего длинноголового мула, боюсь, что язык отнимется...

— Смотри, не сглазь нам и этого зверя, — шутил Коля Соколов.

— Ниортава! Ниортава! А ну-ка, сглазь! А ну-ка, сглазь, — дразнила мельника детвора.

А тот, недолго думая, поднялся по железной лесенке, уселся на место водителя, обеими руками ухватился за рычаги, ногами уперся в педали и лихо, по-извозчичьи крикнул:

— Но-о!

— Осторожнее, еще поедет! — испуганно заорал кто-то в толпе.

— Не беспокойтесь — выключено! — успокаивающе произнес Вано и постучал согнутым указательным пальцем по лбу Ниортава так, как это обычно делают на рынке покупатели арбузов.

— Вано-джан, не выгони остатки его разума, — смеялся Ника Уджираули.

— Не печальтесь, ребята. Разум меня так же, как и вас, мало беспокоит, — в тон им ответил мельник. — Отец не оставил мне в наследство ни денег, ни ума.

— А ты поседел, Ниортава, — заметил Вано.

— Эх, дорогой Вано. Если бы седина имела какое-нибудь значение, то овца из отары Абриа стала бы самым мудрым философом. — Ниортава выбрался из кабины и удалился, ступая торжественно, как это свойственно порой провинциальным актерам, когда они считают, что роль сыграна ими удачно.

— Этого горемыку Ниортава я уже десять лет встречаю здесь, в Бермухе, но, как перед богом скажу, что до сих пор не знаю, что он за человек, — произнес вслед ему экскаваторщик.

— Об этом ни в одной метрике не написано,— заметил Ника и закурил папиросу.

— Если бы было время, я много рассказал бы вам о нашем Ниортава, — откликнулся Годердзи. — Прежде всего, он человек порядочный — это ясно. Целыми ночами напролет он что-то читает у себя на мельнице и пишет, много пишет...

Годердзи хотел еще что-то добавить, но он увидел приближающегося к ним секретаря райкома партии.

До прихода Цихистави председатель колхоза и агроном еще колебались: стоит ли с утра приступать к работе. Молодежь настаивала — она, как всегда, рвалась в наступление. Вахтанг Коринтели был простужен, но и он, закутав голову и шею, пришел сегодня сюда и долго совещался с секретарем райкома и агрономом. Чувствовалось, что он и не собирается уходить. Цихистави, однако, уговорил его уйти и отправил на своей машине домой.

Но тут неожиданно март показал свой изменчивый нрав — ветер отогнал свинцовые тучи к вершинам гор, небо посветлело, засияла радуга. Легкое дуновение тепла разошлось по плоскогорью.

Женщины набрали сухих веток, сложили их в костры, облили лигроином, взятым у трактористов, и подожгли.

Дым окутал плоскогорье. Потом над плотной завесой заплясали языки пламени. Шумом и треском наполнилась чаща. По веточкам поползли огоньки. С дерева на дерево, с куста на куст, с холма на холм переносил ветер языки пламени. Взвились огромные костры.

Как очумелые, трещали сороки. Из стороны в сторону металась обезумевшие от страха зайцы, попадая прямо под ноги людям. Вслед им летели камни, неслись крики:

— Держи, держи!

Убегали косули и лани.

— Не упускай, не упускай! — слышалось с разных сторон.

— Лиса! Лиса! — орал свинопас Попола.

Лиса кружила, кружила, потом, наконец, перебежала на другую сторону оврага, присела и стала с удивлением смотреть на людей и огонь.

Выбежала вторая лиса, третья. Пламя преследовало их по пятам. Из чащи мчалась лиса с маленьким лисенком в зубах. Она сразу же опередила своих сородичей. Парни бросились было ей наперерез, но Ну-ну резко остановила их:

— Да что вы делаете?! Ведь спасает детеныша!

Люди шли вперед, вслед за пламенем.

Теперь подняли шум и фазаны. Они долго таились в густой зелени. Но как только огонь перебрасывался на какую-нибудь ольху или ветлу, оплетенную колючками, оттуда с кудахтаньем взлетали фазаны. Их багровые крылья так пламенели в воздухе, словно тоже были охвачены огнем.

На другой день к полудню огонь кое-как завершил свое дело. Словно скорбящие в трауре, стояли обугленные деревья. Вся пустошь лежала под пеплом.

Три бригады приступили к рубке деревьев. У кого в руках топор, у кого — пила. Женщины орудовали небольшими тесаками — они убирали кустарник.

Канкре работал в третьей бригаде вместе с Гагриа и Лалбаца: они рубили деревья, пилили их, складывали на грузовую машину.

Пока бригадир третьей бригады Иона Грдзелишвили наблюдал за

ним, Канкре трудился довольно усердно. Но как только бригадир скрылся из глаз, он отбросил топор.

А тут появился и Ниортава: ему наскучило рассматривать технику, и он решил проведать своих ребят.

— Откуда идешь, приятель?

— Да оттуда, где меня уже нет! — ответил мельник.

— Куда же делся твой знаменитый «глаз»? — не без иронии произнес Канкре.

— Дорогой мой, — хихикнул Ниортава, — не я разве сглазил недавно два трактора? А ежедневно и Христос не мог творить чудеса!

— Давай-ка теперь сотворим здесь другое чудо.

— Какое? — поинтересовался Ниортава.

— Сходи на мельницу и принеси свое ружье. Мое тоже где-то там. Захвати и его. Видишь: птицы и звери ошалели от огня. Самое время для удачной охоты.

— Ты, должно быть, с ума спятил — сказал мельник. — Кто разрешит тебе уйти с работы в такое время, тем более, что здесь сейчас и секретарь райкома и наш председатель?

— Это ничего, — нагло усмехнулся Канкре. — Пройдем оврагами по краю, а там, наверху в горах, сам черт не найдет нас, приятель!

Тут мельника увидел Лалбаца.

— А ты почему не работаешь, дурной глаз?

— Вместо меня вода работает, — отшутился Ниортава.

— Нам бы такую воду, — мечтательно сказал Лалбаца.

— Пришлю ее и вам, — успокоил его мельник. — Польете ею корни этих деревьев — и топора не понадобится, ей-богу.

— Вылей эту воду на свою лысину, шут гороховый, — выругался Лалбаца.

Тогда Ниортава стал в позу и заговорил стихами:

Топоры и пилы пусть мозоли не трут,
Да укрепит ваше здоровье труд.
Пусть никогда не иссякнет веселья заряд,
Побалагурить с вами, друзья, я рад.

★ ★ ★

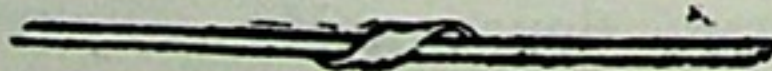
Когда землю очистили от деревьев и кустарника, ее разбили на три участка. Особенно много оврагов было на первом участке. Отсюда-то и развернулось главное наступление.

Вано Хелашвили уверенно повел свою машину к тому месту, которое бермуховцы называли «Лисий овраг». Люди с восторгом следили за экскаватором.

— Осторожнее езжай, дядя Вано, осторожнее! — кричала Нуну. Экскаватор медленно преодолел опасное место и подошел к краю оврага.

Как только Вано нажал на педаль, машина повернула длинную шею, выбросила привязанный к тросу ковш, и его стальные клыки впились в почву. Ковш наполнился. Тогда экскаваторщик подтянул трос, повернул ковш в сторону оврага и, опуская его, раскрыл дно ковша. «Лисий овраг» наполнился шумом падающей земли и камней.

(Продолжение следует)

Новые СТИХИ

С грузинского. Перевод М. Максимова

СИНИЙ ДЫМ НАД ДАУГАВОЙ

Поразила меня она,
Тишина эта белая.
Здесь впервые увидел я
Волны окаменелые.

Но еще поразительней,
Что без грома, без молнии,
Взорвалось вдруг и тронулось
Ледяное безмолвие.

И над всей Даугавою
Тишь холодная треснула,
Глыбы сразу повздорили
За расселины тесные.

Битву дэвов затеяли
Глыбы с равными глыбами.
Закишели расселины
Удивленными рыбами.

Что глазели на облако,
Появляясь над трещиной.
А под льдинами синими
Шла весна незамеченно.

Не хватало ей малости,
Вздоха, что ли глубокого,
Чтобы зеленью буйною
Загорелось все около.

И почувствовал сразу я
Мощь весны плодородную
Под затоптанной выюгами
Той землею холодною.

Рыбаки одарили нас
Первой трепетной ношею,
И казалось: то первая
Жизнь на жертвенник брошена.

На траву прошлогоднюю
Кто-то вытряхнул окуней
И казалось: в отчаяньи
Реки плещутся около.

В этом священнодействии
Было все: угощение,
Даугавы приветствие,
Обновленье весеннее.

Обнялись мы над пламенем,
Дым, смешавшийся с дымкою,
Тихий, синий, рассеянный
Уплывал невидимкою.

НЕТ ВЕСНЫ БЕЗ ЧЕРНОЙ ЛАСТОЧКИ

Нет весны без черной ласточки,
Без любимой жизнь темна.
Если ласточка покажется,
Где бы ни был я—весна.

Я рисую крылья острые
На снегу у белых вод.
Не ревнуй меня, любимая, —
То бровей твоих разлет.

Черная моя ты ласточка
Из грузинского гнезда,
Ты со мной вдвоем увидела
Даугаву в глыбах льда.

И тебе сдается скатертью
Снежный берег голубой.
Что ж, кувшин хмельной и шаткий, я
Из Кварели взял с собой.

Так возьми его, как водится,
И обычай наш прославь:
Тот кувшин на скатерть снежную
Даугаве ты поставь.

ВЕСНА С РЕКИ...

Ничего, что эти земли
С оголенными плечами
Снег и тени прикрывают
Пестрой, латаной одеждой,
Ничего, что Даугава
Дышит холодом ночами, —
Будет солнце с каждым утром
Все щедрее в ласке нежной.

Мне здесь нравится степенность
И спокойствие природы,
Сдержанность реки раздольной,
Полюбившей тишину.
Но сейчас я вспоминаю,
Как в Кахети мчатся воды
Как сбежала в лес Дуруджи
И несет свою весну.

Тишина ей непонятна —
Только гром в ущелье тесном,
Только вечное упрямство,
Расточительная страсть,
Как весна пройдет по скалам,
Как любовь пройдет, как песня,
И исчезнет, вдруг, иссякнет:
Маложито, но всласть!

Лишь останутся в ущелье
Галька, камушки да скалы,
Как обломки буйной жизни
Необузданных сердец,
Будто бы в ущелье это
Шквал ворвался небывалый,
Градом каменным осыпал
Из конца в другой конец.

Но Дуруджи возвратится
И утешит, напевая,
Обнадежит и расскажет,
Снова брызгами пыля:
Воды, мол, непостоянны, —
Прибывают, убывают, —
Важно то, что остается
Вечно твердая земля!

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

Акакий Белашвили

РУСТАВИ

РОМАН

И. Турро
1959

Перевод с грузинского Т. Гамкрелидзе

Арчил Санеблидзе приехал домой из госпиталя после тяжелого ранения. Нико и Марта сбились с ног, решив на славу отпраздновать возвращение единственного сына. Два дня носился по городу Нико — где-то с трудом раздобыл цоцхали¹ и красное калаурское вино, джонджоли², белую самтредскую муку, маринованный перец и еще кое-что из закуски. Словом, когда хозяйка закончила приготовления, всего, по военному времени, было вдоволь.

— Арчил, сынок, не осрамимся? — волновалась Марта, в который раз оглядывая заставленный блюдами и тарелками стол.

— Что ты, мама, такое великолепное угощение и во сне не приснится!

— Как ты думаешь, хватит ли всего?

— Конечно!

— А потом будут сладости и фрукты, — суежилась Марта.

Арчил ласково привлек мать и поцеловал. Его радовало, что она, наконец, так счастлива. За четыре года его отсутствия Марта вся поседела. Правда, следы ее красоты сохранились, но если перед уходом сына на фронт она казалась молодой женщиной, то сейчас никто не сказал бы этого. Арчил снова подумал о том, как много пережили его родные. И теперь радость матери была ему особенно дорога.

Вскоре стали собираться гости. Здесь были старые друзья Нико: начальник планово-производственного отдела текстильного комбината Капитон Квинихидзе, районный санитарный врач Георгий Арцруни со своей уже увядшей дочерью Ветой, известный историк, старый педагог Гига Джаджанашвили с женой Мариам, начальник Нико — заведующий отделом Геннадий Мелиа, который привел с собой какую то вертлявую особу. Пришли и товарищи Арчила. Их было немного: некоторые погибли на фронте, а другие еще воевали. Пришел и писатель Сулхан Гамборашвили, известный в своем кругу как писатель, хотя книг его никто никогда не видал.

Старшие по давно узаконенной традиции сели за нарды, молодежь с увлечением вспоминала студенческие годы, профессоров, преподавателей — некоторых с глубоким уважением, а кое-кого иронически и даже с насмешкой. Кто-то назвал имена погибших товарищей, и все умолкли.

— Где ты набрал эти три этажа орденов, Арчил? — с улыбкой

¹ Цоцхали — речная рыба.

² Джонджоли — маринованные молодые побеги с цветами дерева, также называемого джонджоли.

спросила Саломэ Цагареишвили, высокая полногрудая девушка с упругой походкой спортсменки.

— Очень хочешь знать? — улыбнулся Арчил. — Рассказать обо всем по-порядку?

— Давай, давай, — зашумели все сразу.

Арчил помолчал, задумчиво улыбаясь, потом заговорил. Он получил награды за строительство мостов, блиндажей и укреплений под обстрелом противника, а один орден — за досрочное восстановление им же самым разрушенного моста.

— Больше всего я гордился этим заданием и никогда не забуду того чувства удовлетворения, какое я тогда испытал, — сказал он.

Разговор незаметно перешел на производственные дела. Товарищи Арчила — почти все инженеры — впервые собрались вместе после окончания института. Естественно, что каждому хотелось поделиться с друзьями своими впечатлениями о работе. Все говорили оживленно, торопясь и перебивая друг друга.

— Удивительно, ведь ты металлург, а справился со строительным делом? — недоумевала Саломэ, обращаясь к Арчилу.

— Думаешь, ты не смогла бы? Правда, ты узкий специалист, но ведь все же инженер. Самое важное — практика. Я начал с пустяков, но начальник мне попался: лучше не надо — Никита Беляев, он теперь генерал-майор. Беляев окончил военную академию и очень хорошо знал свою специальность. Да, это был учитель. Оглядел меня, расспросил и сразу приставил к делу. Заставил начинать с мелочей. Вы же знаете, расчеты меня никогда не смущали, а тем более теперь, когда для всего разработаны номограммы...

— Особенно строительные расчеты, — заметила Саломэ.

— Словом, я начал работать, и профессией строителя владею теперь лучше, чем своей специальностью металлурга.

Хозяйка пригласила гостей к ужину. Нико пришлось подчиниться, как он ни старался оттянуть время до прихода еще одного гостя, которого ждал с большим нетерпением. Старики отставили нарды, и все двинулись к столу. Раздался шум отодвигаемых стульев и взаимные приглашения: «Садитесь, пожалуйста! Спасибо, не беспокойтесь!». Каждый старался усадить соседа на более почетное место.

— Не убивай меня, дорогой! — воскликнул хозяин и подхватил под руку Капитона Квинихидзе, который, усевшись поудобнее, уже взялся за нож и вилку. — Сюда, сюда, — и он указал на свободное место во главе стола.

— Что ты делаешь со мной, Нико? — взмолился тот. — Пожалей меня.

— Ну, ну, где ты — там нечего делать другому тамаде. — Нико чуть не силой потащил Квинихидзе на председательское место. Пододвинув стул, он сказал: — Садись и покажи нам, на что ты способен.

Капитон пожал плечами, беспомощно развел руками, сел, со вздохом сказал:

Что судьба нам присудила, нам должно быть это мило,
Неизменно, чтоб ни было, любим мы родимый край!
У работника — работа, у бойца — война забота,
Коль назвался тамадою — пей вино! И в нем сгрой!

— Вот ты и начал! — воскликнул хозяин, — потому-то тебя и выбирают тамадой. Вместо длинной и пустой болтовни ты теперь уладишь наш слух стихами Руставели.

Капитон почти наизусть знал «Витязя в тигровой шкуре». Произнося заздравные тосты, он поражал слушателей своим умением своевременно и уместно обращаться к Руставели, прочувствованно цитируя нужное шайри. Иногда, хоть и очень редко, он позволял себе дерзость заменить одно слово другим, более подходящим. Его поразительная способность по всякому поводу найти соответствующую строфу из великой поэмы всегда вызывала всеобщее изумление. Вот и сейчас, не успели гости рассестись, как он, окинув стол взглядом, заметил Марту рядом с Арчилом. Мать, обняв сына, что-то шептала ему на ухо. Капитон встал и, подняв стакан вина, произнес:

Мать целует, обнимает сына-витязя, героя.
Облик львиный утешает сердце матери больное...

Гости захлопали в ладоши — по старинному обычаю первый тост тамада поднял за здоровье матери.

Только Сулхан Гомборашвили, насупившись, недовольно буркнул себе под нос: «Этакий провинциализм», хотя вряд ли ему самому было ясно, почему строфа из «Витязя в тигровой шкуре» может показаться провинциализмом. Но он сильно обиделся за то, что не догадались выбрать тамадой именно его, Сулхана: он привык везде быть в центре внимания и если замечал, что в обществе относятся к нему с меньшим интересом, чем к другим, начинал злиться, обиженно надувая губы.

Тамада наполнил стакан вторично и встал:

— Я не ошибусь, дорогие друзья, — начал он, — если второй тост провозглашу...

— Нет, нет, стихами, — послышалось отовсюду.

— Хорошо. Надеюсь, вы без слов поймете, кому посвящаются эти строки:

Что творец мне предназначил, то и сбудется сполна,
Коль вернусь назад героем — осушите рог вина.
Встречусь радостно со всеми как в былые времена,
Каково стране служенье, такова и мне цена!

— Арчил, за твое здоровье! — раздалось со всех сторон, и гости поднялись на ноги.

В общем шуме и звоне стаканов никто не расслышал дребезжанья звонка, и только, когда стало тише, хозяйка поняла, что кто-то пришел. Супруги тотчас бросились к дверям. «Ну, слава богу, явился», — слышались радостные восклицания Нико и Марты. За столом воцарилось молчание и, когда хозяева ввели гостя, все встали.

— Прошу познакомиться — мой друг со студенческих лет, инженер Димитрий Коркашвили, — сказал Нико. — Он тридцать лет провел в России и, наверное, забыл грузинский язык, так что не обессудьте, если где споткнется.

Коркашвили был высоким, представительным мужчиной и, несмотря на возраст, выглядел довольно молодо.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, не беспокойтесь. Садитесь, — говорил он, здороваясь с каждым. Пожимая руку Арчила, он вдруг остановился, обернулся к Нико и воскликнул: — Как это ты умудрился создать до такой степени похожего на себя, а, Нико? Ну, вылитый отец!

Коркашвили посадили рядом с тамадой.

— Ты почему опоздал? — спросил Нико. — Я уже и надежду потерял, думал, не придешь... — Не дожидаясь ответа, он обратился к окружающим: — Мы учились в разных институтах — я и Димитрий, но

зато жили вместе, в одной комнате. Эх, сколько мы видели хороших дней, мой милый Мито! Как летит время! Кажется, все это было вчера, а сколько воды утекло с тех пор. В России нет, наверное, уголка, где ты не работал бы или не жил.

— Не говори, — сказал Димитрий. — Я, вероятно, пробыл бы там до скончания века и не увидел бы родных. Отец вечно ворчал...

— Он жив?

— Жив! Он еще выглядит молодцом, хоть ему девяносто лет. Я не могу забыть его жалобы. «Сына потерял я, несчастный, сына! Почему он не приобрел другой специальности», — вечно сетовал он. И в самом деле, разве я думал когда-нибудь, что у нас, в Грузии, будет создаваться своя металлургическая промышленность? Теперь я могу поздравить и тебя и каждого грузина, особенно твоего сына... Арчил, поздравляю вас и всех присутствующих с началом строительства металлургического завода в Грузии.

— Что вы говорите! — воскликнул Арчил.

Со всех сторон посыпались вопросы:

— Неужели правда?

— Металлургический завод?

— И большой он будет?

— Как — война еще не окончена, а мы строим новый завод?

— Да, строим. Для этого меня и вызвали в Тбилиси, — подтвердил Коркашвили и повернулся к Нико: — Сегодня вечером мне передали список грузин-металлургов. Просматривая его, я наткнулся на фамилию Санеблидзе — и только тогда вспомнил о сегодняшнем вечере у тебя. Ты не обижайся на меня, Нико, но сына твоего мы заберем.

— Ну уж нет, — забеспокоилась Марта, — я его не отпущу.

— Не волнуйтесь, он отправится пока не очень далеко — всего лишь на улицу Кецховели. Завтра Арчил должен явиться на работу, а послезавтра ехать в командировку по районам Грузии. Нам предстоит набрать пять тысяч юношей и послать их в Россию учиться там сталелитейному делу. Надо подготовить кадры мастеров-металлургов до окончания строительства завода. — Димитрий повернулся к тамаде: — Деловой разговор окончен, слово за вами, уважаемый Капитон.

В это время кто-то включил репродуктор. Раздались позывные Москвы.

— Да, вы знаете! — воскликнул Арцруни. — Всего час тому назад передали приказ Верховного Главнокомандующего о взятии Перемышля! Я слышал собственными ушами.

— Правильно, это и я слышал, — подтвердил Коркашвили.

У всех просветлели лица. Тамада озабоченно оглянулся на хозяйку, сделав ей знак принести бокал побольше. Марта подала высокий хрустальный бокал. Капитон наполнил его вином до краев.

За столом воцарилась тишина. Бархатный баритон диктора произнес:

«Говорит Москва! Приказ Верховного Главнокомандующего командующему войсками Первого Белорусского фронта маршалу Советского Союза Рокоссовскому...

Войска Первого Белорусского фронта в результате умелого обходного маневра и атаки с фронта, сегодня, двадцать восьмого июля, овладели областным центром Белоруссии — городом и крепостью Брест...»

Все закричали «ура». Нико бросился обнимать Георгия Арцруни, Коркашвили, расцеловал обоих.

საქართველოს
საქართველოს

— На границу вышли!.. На границу!
— Подожди, не мешай! — прикрикнула на мужа Марта. — Дай нам дослушать.

— Виноват, виноват, — Нико прикрыл рот рукой.

«...В боях за овладение городом Брест отличились войска генерал-полковника Попова, генерал-полковника...»

Гости слушали, не шелохнувшись. В тишине звучал лишь голос диктора.

«...Генерал-майора авиации Счетчикова, полковника Татанашвили...»

— Ваша-а!! — закричал Нико.

Марта улыбнулась.

«...Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам! Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза,—диктор сделал очень короткую паузу и торжественно закончил: — Сталин».

Заглушая радостный гром аплодисментов, тамада поднял полную чашу вина:

И решил творец покончить с этой крепостью бесчестной,
Отвратил свой лик от солнца Кронос, злобствуя над бездной,
Опрокинул он на землю колесо и свод небесный.
И повергнутые трупы полегли в долине тесной.

Полегли, как от недуга, в этом месте супостаты,
У того в крови кольчуга, у того в обломках латы,
С петель сорваны ворота, опрокинуты и смяты,
«Узнаем, — сказали братья, — чьи здесь руки виноваты!».

Снова раздались шумные хлопки и возгласы:

— Да здравствует наша великая армия!

Не успели гости осушить стаканы и затянуть застольную песню «Мравалжамьер», как двери отворились, в комнату вошел какой-то старик и, проговорив: «За нашу скорую победу», вывалил на стол десятка два живых рыб. Женщины повскакали с мест, достали откуда-то большую стеклянную банку, наполнили ее водой, стали ловить бьющихся рыбок и бросать их в банку.

Никто не знал, как попал в квартиру Санеблидзе старик-рыбак. Никто не знал его имени и не встречал раньше. Но все знали старинный тбилисский обычай и с шумным одобрением приветствовали незнакомого гостя. Издавна тбилисские рыбаки бродят вечером по улицам и носят с собой ведра, полные живой, только что пойманной рыбы. Смело входят они в дома, где царит веселье, и с добрыми пожеланиями бросают на стол свою добычу. Знают—хозяева и гости щедро вознаградят их за это.

Когда рыбак ушел, Димитрий Коркашвили сказал:

— Как это чудесно! Сразу чувствую, что я дома. Дорогие мои, действительно хорошо сказал наш великий поэт: «Где найти другую Грузию, другую такую страну, народ, разящий врага гневом, народ столь щедрый и смелый!» Мы умеем и бороться и трудиться, и веселиться от души!

★ ★ ★

Вепхиа рос сиротой. У него была лишь одна родственница—сестра матери тетя Сандуа, но и та жила в соседней деревне. Она часто приходила испечь хлеб, сбить масло, заштопать одежду, убрать дом и почистить двор и хлев.

— Ну, паренек, тебе скоро семнадцать лет. Пора привести невесту, иногда шутила Сандуа.

Вепхиа мрачно глядел на тетку — ее шутки мало радовали его. Сознание, что он взрослый, а не имеет ни шашки, ни кинжала, угнетало его. Ни одна хевсурская семья не выдала бы за такого дочь. От отца ему осталась только обломанная почти у самой рукоятки шашка. Сколько раз умолял Вепхиа знаменитого в их деревне мастера — кузнеца Апареку выковать ему новую, но Апарека вечно отделялся обещаниями.

— Стали у меня нет, Вепхиа, стали, — говорил Апарека. — Вот был у меня в Дарго один знакомый лезгин, так он всегда имел такую сталь, что хоть «горду»¹ куй. А где теперь раздобудешь хорошую сталь? Есть или хрупкая, как соль, или мягкая, как только что сделанный сыр. А хорошую сталь сразу узнаешь по звуку: ударишь — звенит колокольчиком.

В кузнице Апареки, особенно зимой, собиралось все мужское население деревни. Сюда приходили и старики и молодежь — кто по делам, а кто просто так, поболтать. С утра до вечера в горне полыхал огонь, Апарека ковал треноги, обручи, подковы. Не имея подручного, он приглашал помочь то одного, то другого из собеседников, и все охотно брались за молот. Чаше и усерднее всех помогал ему Вепхиа. Юноша быстро освоился с ремеслом и стал кузнецом не хуже самого Апареки.

Вепхиа мечтал найти где-нибудь большой двухкилограммовый стальной брусок и выковать из него такое гибкое лезвие, чтобы его можно было легко обернуть вокруг руки. Вот тогда у него будет оружие, которое и поныне составляет неотъемлемое украшение и гордость хевсура. Раздобыть шашку иначе Вепхиа не мог: «франгула» или «горда» ценились очень дорого, а у него не было на них денег.

Работа в кузнице Апареки была для Вепхиа большим удовольствием. Закончив приготовление уроков, он часто возился здесь до ночи. Старики-хевсуры, тоже приходившие в кузницу, просили его между делом почитать им вслух газету и потом без конца обсуждали услышанное. Они хорошо знали имена всех генералов — командующих фронтами, и у каждого был свой любимый герой.

Прошла зима, регулярнее стали поступать газеты, и Вепхиа теперь почти ежедневно читал их старикам. Иногда эти старики задавали такие каверзные вопросы, что Вепхиа приходилось здорово изворачиваться, чтобы не поставить под сомнение свою ученость.

Весной Вепхиа окончил школу. Правда, это не внесло в его жизнь сколько-нибудь заметных перемен. Апарека не раз уверял, что если у него и имеются кое-какие знания, то только благодаря ему. Апареке! Разве не он научил его кузнечному делу? А чему, кроме чтения газет, научился Вепхиа в школе?

В конце июня устраивался храмовый праздник «атенгеноба». Апарека знал, что в этот день хевсуры пригонят ковать лошадей, и накануне он целый день вместе с Вепхиа провозился в кузнице. К утру все было готово, они увязали мешки и поехали на праздник. Апарека быстро нашел подходящее место и разложил товар — подковы и гвозди. Больше всего Апареке нравилось пробовать свою шашку, он держал ее острием вверх и предлагал каждому ударить по ней шашкой. «Вот посмотрим, чья сталь лучше», — предлагал он. Когда же, размахнувшись, хевсур с силой бил по его клинку, Апарека покатывался со смеху — на его шашке не оставалось ни царапины, ни следа, а лезвие шашки противника получало глубокую зазубрину.

¹ Горда, франгула — названия шашек.

На этом празднике нельзя было найти хевсура без шашки—один Вепхиа не имел никакого оружия. Утром, перед тем, как идти на праздник, он долго размахивал ножнами с обломком своей шашки, колеблясь—надеть ее или нет. Решил: лучше не надо. Вепхиа представил себе, какой смех поднимется, если кто-нибудь вдруг обнаружит, что у него пустые ножны.

На праздник Вепхиа все же пошел, и на горе себе; кто только не пробовал свою ловкость и силу, вызывая ровесников на состязание. Гости фотографировали состязавшихся и заносили имена победителей в записные книжки. Вепхиа же должен был стоять поодаль, а то и прятаться за деревья или камни, чтоб никому не попасться на глаза. В этот день для него и солнце было тускло и горы хмуры.

Верно, что учеба многое дала ему, но, собственно говоря, что он видел в жизни, кроме седых вершин да глубоких ущелий?

Небольшая деревенька его прилепилась к склону горы, дома стояли или тесно прижавшись друг к другу, или, словно ступеньки, налезали один на другой, а узкие балконы без перил нависали над пропастью. Несколько извилистых тропинок змеями выползали в разные стороны из тесных улочек деревни. Протопанная в скалах дорожка сворачивала к ущелью, шла вдоль реки, извиваясь среди огромных камней, и пробиралась выше, к обширному плато, где находилась другая деревня, побольше. Там были больница и школа. По этой тропинке много раз ходил Вепхиа зимой и летом, в ясные дни и в непогоду. Здесь он знал каждое дерево, каждый камень. Он знал, где растет черника, брусника, борщевик, где больше всего кустов ежевики, знал, на каком пригорке растут лесные яблоки и дикие груши. Внизу, в ущелье, сердито бурлила река, шумели, кивая высокими вершинами, столетние деревья.

Долго смотрел Вепхиа на состязание земляков, слушал звон скреживаемых шашек, слышал восхищенные возгласы приезжих гостей—и не выдержал. В сердцах обломил ветку дерева и вернулся домой. Чувство оскорбленного самолюбия охватило его, когда он представил себе, каким жалким он выглядел, наблюдая чужое веселье.

* * *

Незаметно подкралась осень. Старики зачастили в кузницу Апареки—и по-прежнему потекли нескончаемые разговоры. Как-то, в одну из суббот, из Барисахо вернулся сосед Вепхиа, старик Мгелика, и сообщил новость: приехал какой-то военный и объявил хевсурам, что все, кто захочет сделать своих сыновей хорошими мастерами-металлургами, пусть пошлют их с ним. Неподалеку от Тбилиси строится громадный металлургический завод. Молодежь научат ремеслу, обеспечат работой, построят им дома.

У Вепхиа екнуло сердце.

— А что ему ответили? — спросил он.

— Ничего, — протянул Мгелика. — Кому охота расставаться с сыновьями. Они ведь в Россию собираются послать их на учение. Три года пробудут там. Потом привезут и поселят около завода, далеко от дома.

— Так и сказал, что будут делать сталь? — снова спросил Вепхиа.

— Да, так и сказал. Такой завод, говорит, в Грузии впервые строится. Пять... чего-то очень дорого, сказал, обойдется.

— Миллионов?

— Нет, миллионы я знаю.

— Миллиардов?

— Вот, вот, это самое. Как ты сказал? Ми... миллиардов.

— Ну и врет, — сплюнув в сторону, вмешался в разговор старик Датвиа. — Тот завод, может, и будет раз в десять больше нашей деревни, ну, пусть в двадцать, но ведь не больше же? Ну, внутри поставят машины, а все-таки куда им столько денег?

Завязался спор, каждый твердил свое, но Вепхиа их не слушал, ушел домой.

В глубоком раздумье он присел к очагу, помешивая угли и глядя на огонь. Долго сидел так, забыв об ужине. А утром, чуть забрезжил рассвет, напоил корову и баранов, набросал сена в ясли, прикрыл за собой дверь и двинулся в Барисахо.

Он уверенно шел по мокрой тропинке, перепрыгивая через блестящие от капель дождя камни. Где-то далеко свистели турачи. На Вепхиа были плетенные из крепкого ремня бандули, вода легко проникала в обувь, когда Вепхиа переходил речки, и так же легко вытекала обратно, когда он выбирался на берег.

Вепхиа твердо решил уехать. Он научится варить сталь, сделается мастером и потом вернется в родную деревню. С собой он привезет хорошую сталь и начнет ковать шашки. Сначала он сделает шашку себе, а потом и другим...

Был почти полдень, когда Вепхиа добрался до Барисахо и направился к зданию сельсовета. На балконе стояло несколько мужчин. Он узнал Бердиа из деревни Хахмати и подошел к нему:

— Здорово, Бердиа.

— Помоги тебе бог. Что привело тебя в такое ненастье? — спросил Бердиа.

— Тут один человек приехал из города. Говорят, набирает людей обучать ремеслу.

— Он там, в комнате, с Торгва, — ответил вместо Бердиа другой хевсур, показав на дверь, — хочет сегодня идти в Ахиела, только не знаю, как он пойдет в такую погоду.

Вепхиа подошел к двери, открыл ее без стука и вошел.

Перед камином сидели двое: в одном сразу можно было признать хевсура, хотя в его одежде не было ничего хевсурского и он не имел никакого оружия. Второй был незнакомый Вепхиа военный. Оба спокойно беседовали, дымя папиросами.

Вепхиа неловко остановился в дверях.

— Здравствуйте, — сказал он, взглянув на незнакомца. Потом обратился с приветом и к хевсуру: — Здравствуй, Торгва.

— Здравствуй, — ответил Торгва и, узнав юношу, удивленно воскликнул: — А, Вепхиа! Здравствуй! По какому случаю ты пожаловал в такую погоду?

— Узнал, людей посылают в город — изучать ремесло. Хочу и я.

— Ого, и ты хочешь ехать? — военный вскочил, поспешно подошел к Вепхиа, похлопал его по плечу и уже потом протянул ему руку. — Ну, здравствуй, здравствуй, будем знакомы: Арчил Санеблидзе. Подойди к огню, погрейся... А ты говорил, что никто не придет. Видишь, прилетела первая ласточка, — весело обернулся Санеблидзе к Торгва.

— Одна ласточка весны не делает, — покачал головой Торгва. — Он сирота, дома у него никого нет. Ему легко. А вот у других — мать, отец, дед, и они не хотят отпускать сына.

— А разве они правы? — возразил Арчил. — До каких же пор вы, хевсуры, думаете жить на этой бесплодной земле и в задымленных до-

мах? Надо же когда-нибудь научиться ремеслу, пойти на наши заводы, стать рядом с нашими рабочими, ведь они тоже пришли из разных уголков Грузии.

— Эх, дорогой Арчил, мы другие люди, мы выросли среди гор. Разве ты не знаешь наших стихов?

Ни волк, ни орел,
Ни молодец удалой
Не изменит свой нрав.
Волку — волком выть,
Молодцу — молодечество.
Орлу — орлом носиться,
Жертву в теснинах бить.

— Правду он говорит? — с улыбкой обратился Арчил к Вепхиа.

Вепхиа ничего не ответил. Он растерялся. В душе он твердо решил изучить ремесло, раздобыть стальную шашку и вернуться обратно. А тут, как видно, дело обстояло иначе. Но, как бы там ни было, он поедет, научится ремеслу, а там видно будет.

— Что же ты молчишь?

— Когда выучу ремесло, я должен буду остаться на заводе? — спросил он после недолгого молчания.

— Ну, а как же. Мы тебя отправим в Россию, будем три года учить и привезем в Рустави работать.

— А где это — Рустави?

— Рядом с Тбилиси.

— А сюда вернуться нельзя будет?

— Конечно, можно. Летом получишь отпуск, приезжай, отдохни, а потом возвращайся на работу.

— А если я не захочу остаться в Рустави, — меня арестуют?

— Никто тебя не будет арестовывать. Но если у тебя такие намерения, ехать не стоит. Ты же знаешь нашу грузинскую поговорку: «Лучше договориться во время сева, чем во время жатвы». А разводить потом разговоры, что это не так, а то не этак, будет поздно. — Арчил повернулся к Торгва. Тот улыбался в усы.

— Кажется, ты прав, — с досадой сказал Арчил. — Я напрасно примчался прямо сюда, мне вовсе не надо было уезжать из Душети. Там я мог набрать сколько угодно ребят, сами просились, лишь бы согласился их взять. А я приехал к вам знаете почему? Должны же вы, хевсуры, выйти, наконец, на широкую дорогу жизни! Нельзя, чтобы в двадцати-тридцати километрах от вас ключом била жизнь, а у вас все шло по-старинке. Проводите вы в свои дома радио и электричество, а сами и шага не хотите сделать за пределы Хевсуретии.

— Почему ты так говоришь? — возразил, нахмурившись, Торгва. — У нас теперь все учатся в школах, а многие и в вузах.

— Да, многие, но этого недостаточно. Разве не так? Тебя как зовут? — спросил Арчил юношу.

— Вепхиа.

— Не так я говорю?

— Так.

— Значит, едешь?

— Еду, потому я и пришел.

— Хорошо, Вепхиа. Теперь ты ступай домой, а через десять дней спустись сюда. Возьми с собой еды дня на три-четыре. Через десять дней я всех заберу. Успеешь устроить за это время свои домашние дела?

— А талавари¹ взять? В России ведь холодно.

— Ничего не надо. Мы вас оденем и обуем. Пойди и посоветуй друзьям. Если кто надумает ехать, пусть приходит сюда. Только чтобы вы были готовы к сроку, ждать я не стану. Договорились?

— Договорились. Тебя звать Арчилом?

— Арчилом.

— Ладно, Арчил, через десять дней, — минуту Вепхиа постоял молча, что-то считая на пальцах. «Через десять дней — четверг. Хороший, удачный день. Приду».

Десять дней пролетели быстро. Вепхиа поручил соседу дом, скотину — все свое нехитрое имущество. Смастерил новые бандули, надел талавари и долго раздумывал: брать или не брать свою сломанную шашку. В конце концов не выдержал и взял. В самом деле, на что похож хевсур без шашки! В душе он тешил себя надеждой, что не встретит в пути никакой опасности и братья за шашку не придется, а так — ножны не прозрачные и никто не заметит, что в них ничего нет.

Пасмурным утром собрался Вепхиа в путь. Вся деревня высыпала его провожать. Пришли даже столетние старцы Бецика и Алуда. С балконов и крыш ему вслед глядели, утирая слезы, старухи. Каждый старался снабдить его чем-нибудь на дорогу: тут были и вязаные из грубой шерсти теплые носки, и продукты, и даже немного денег.

Вепхиа остановился и еще раз окинул взглядом родную деревню. Она чуть просвечивала сквозь густые клубы тумана. На краю деревни стояли хевсуры.

— Прощай, Вепхиа! — кричал старый Бецика. — Да хранит тебя Гуданский крест!

— Да будет счастлив твой каждый шаг!

— Прощай, Вепхиа! — кричали мальчишки.

— Прощайте! — ответил им Вепхиа.

Немного погодя он снова обернулся — деревня исчезала в тумане.

Вепхиа глубоко вздохнул, ноги его вдруг ослабли. Он оглянулся еще раз: деревня растаяла в молочной мгле. Резко повернувшись, Вепхиа решительно пошел вниз.

Вокруг сизой пеленой лежал густой туман и только за три-четыре шага можно было различить дорогу. Молодой хевсур словно плыл в этом мутном пространстве. На лице и плечах капельками собиралась влага, почти ничего не было видно, но он решительно шел вперед — не туману же помешать ему. Теперь он страшно боялся только одного — опоздать, и самые разнообразные мысли одна за другой лезли в голову: вдруг Арчил не захочет взять его с собой, или не дождались и уехали без него. И чем больше сомнений одолевало его, тем усердней прибавлял он шагу, почти бежал.

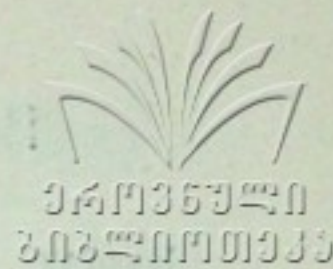
Постепенно туман стал рассеиваться, сквозь него проступили темные очертания скал. Вдали показался горный кряж, а вдоль реки заблестели омытые водой лбы огромных камней.

Добравшись до Барисахо и войдя в деревню, Вепхиа невольно замедлил шаги, с удивлением оглядываясь вокруг, — его поразила тишина. Ни на дороге, ни около домов не заметил он и признака человеческой жизни. В сельсовете не оказалось никого, кроме сидевшего на крыльце глуховатого старика-сторожа.

— Где Торгва? — спросил Вепхиа.

— По делам ушел.

¹ Талавари — овчинная шуба.

— А того офицера не видел?
— Какого?
— Арчила.
— Не видел... Кх... Нет ли у тебя табачку?
— Нет у меня табачку, — ответил Вепхиа, беспомощно оглядыва-
ясь вокруг. — А где секретарь сельсовета?

— Кто?

— Ваш секретарь.

Сторож, не ответив, повернул голову и крикнул в туман:

— Гагау-у! Ау, Гагау!...

Чуть погодя донесся ответ:

— Чего тебе?

— Гагау, иди-ка сюда, тут парень один, дело есть к тебе.

— Хорошо.

Старик снова обернулся к Вепхиа и указал на связку хвороста.

— Возьми-ка... Зайдем в дом, разведем огонь. Подождешь там, он
скоро придет.

Вепхиа, подобрав хворост, последовал за стариком. Оба вошли в
комнату сельсовета.

Когда в камине затрещал огонь, пришел секретарь, совсем еще мо-
лодой парень, почти ровесник Вепхиа.

— Здравствуй! — сказал он, едва переступив через порог, и огля-
дел Вепхиа с головы до ног.

— Здравствуй. А где Торгва?

— Уехал.

— Здесь был один офицер — Арчил, он назначил людям сегодня
придти, чтобы поехать в Тбилиси. Где он?

— А-а,—догадался секретарь, — он не приедет сюда. Он позвонил
по телефону. «Если к четвергу будет много народа, — сказал он, — то
позвоните, и мы заберем их всех через неделю». Так что тебе придется
вернуться назад. Если сегодня соберутся люди, мы позвоним ему. Тог-
да и ты придешь в будущий четверг.

— А если не соберутся?

— Тогда сегодня же сообщим, что желающих нет.

Вдруг старик поднял голову и сказал секретарю:

— Да ведь Торгва звонил сегодня по телефону, говорил кому-то,
что желающих нет и приезжать не надо.

— В самом деле? — переспросил его секретарь и, повернувшись к
Вепхиа, сказал: — Вот видишь, все уже выяснено. Возвращайся домой.

— Домой? Как домой? — спросил Вепхиа.

Секретарь пожал плечами.

Вепхиа вышел. Что ему теперь делать, куда деваться, к кому обра-
титься? Вернуться домой? Но как ему показаться теперь в деревне —
всех всполошил, со всеми попрощался и вдруг...

Вепхиа поплелся к кооперативу в надежде найти там кого-нибудь
из знакомых. Перед магазином стояла грузовая машина, на которую
продавцы укладывали ящики и бочки с сыром. Шофер был тут же; при-
подняв капот, он копался в моторе. Вепхиа остановился поодаль, поздо-
ровался с продавцами и стал ждать, когда шофер взглянет в его сторо-
ну; не дождавшись, он тронул его за рукав.

— Ты в город едешь? — спросил он.

Шофер смерил его взглядом и, поняв, что денег от Вепхиа ждать
ему придется, неохотно ответил:

— Пассажиров не беру.

Вепхиа обозлился.

— Ты скажи мне—едешь или нет, а о пассажирах тебя не спрашивают.

— Что я — обязан давать тебе отчет? — повысил голос и шофер. — Не думаешь ли ты, что я испугался твоей шашки?

— С тобой мне шашки не нужно, — спокойно заметил Вепхиа, — коли хочешь, выходи на кулаки.

Тут шофер внимательно присмотрелся к Вепхиа и только сейчас обратил внимание на удивительно широкие плечи и выпуклую грудь этого безусого парнишки и, решив обратить неприятный разговор в шутку, улыбнулся:

— Что тебе от меня нужно, дорогой? Должен я тебе, что ли?

— Возьми в город! — решительно сказал Вепхиа и полез в кузов.

— Сойди немедленно, слышишь, ты? — уже по-настоящему рассердился шофер. — Не видишь, что ящики укладывают? Ты что, с ума сошел?!

— Ну и пусть укладывают, а я чем мешаю? — ответил юноша.

В этот момент из магазина вынесли ящики, которые Вепхиа ловко подхватил и стал аккуратно укладывать на машину.

— Молодец, — похвалил его продавец.

Эта похвала, казалось, несколько успокоила шофера. Он оставил Вепхиа в покое и опять стал копаться в моторе.

— Вот погоди, увидишь, что я с тобой сделаю,—пробормотал он про себя.

Машину, наконец, нагрузили. Шофер куда-то ушел и долго не показывался. Продавцы закрыли лавку, повесили на дверях огромный замок и собрались уходить. Заметив на машине Вепхиа, они засмеялись.

— Смотрите, он еще там.

Потом исчезли в тумане и они.

Стал накрапывать мелкий, как из сита, дождь. Временами доносился лай собак. Неподдалеку шумела Арагви.

Наконец, шофер вернулся. Вепхиа все еще сидел в кузове. Он продрог, сжался и с тоской глядел прямо перед собой. Шофер покачал головой, но ничего не сказал, завел мотор, и машина тронулась. Вепхиа немного ожил. Сидеть на ящиках было очень неудобно и при малейшей неосторожности легко можно было свалиться. Он крепко схватился обеими руками за крышу кабины и, повернув голову, стал вглядываться в туман. Ветер и дождь безжалостно били ему в лицо, но он все смотрел и смотрел вперед.

Около селения Чаргали, на обочине дороги стояли мужчина и женщина. Они помахали шоферу, и тот остановил машину. После довольно долгой торговли они договорились и стали рассаживаться. Женщина влезла в кабину, а мужчина забрался наверх и уселся рядом с Вепхиа.

— Что за проклятая погода, — стуча зубами и дрожа всем телом произнес Вепхиа, — совсем околоченели руки и ноги.

— После Жинвали дождя не будет, — спокойно отозвался мужчина.

Машина тронулась.

— Ты куда едешь? — спросил юношу попутчик.

— В город.

— Да-а, далеко собрался.

— А ты куда едешь? — спросил Вепхиа.

— В Душети. Я договорился с ним до Бикминдаурской усадьбы по тридцати рублей с каждого. А ты сколько платишь?

Вепхиа только сейчас догадался, что все дело, оказывается, было в деньгах.

— Откуда мне знать, он не говорил, — вслух сказал юноша, а про себя подумал: «Ничего я ему не дам. С какой стати я должен платить? Машина не его собственная, а государственная».

Ущелье стало просторней. Дождь ослаб, но Вепхиа успел промокнуть до нитки; он весь посинел от холода. Держаться на ящиках было нелегко, особенно на поворотах. Его попутчику тоже приходилось трудно. Чуть не вылетев, он забарабанил по крыше кабины:

— Эй, ты! — крикнул он. — Немного потише, а то мы вывалимся отсюда.

Шофер стал вести машину медленнее, на крутых изгибах дороги он и вовсе замедлял ход. Но как только платные пассажиры вылезли у Бикминдаурской усадьбы, он, казалось, забыл о Вепхиа: помчал машину с такой стремительностью и так резко тормозил на поворотах, что Вепхиа кидало из стороны в сторону. Водитель, конечно, не видел, как его пассажира, словно мяч, подбрасывало на ящиках, но, чувствуя, в каком тяжелом положении тот должен находиться, и наслаждаясь этой своеобразной мезью, он гнал машину, не сбавляя скорости.

Когда повороты кончились, и дорога вытянулась прямой и ровной, как стрела, лентой, шофер замедлил ход и остановил машину. Он представил себе выражение лица Вепхиа и уже заранее предвкушал, с каким удовольствием поиздевается над ним, но, взглянув наверх, остолбенел: парнишки там не было. Растерявшись не на шутку, шофер оторопело огляделся вокруг, вскочил в кабину и, сломя голову, понесся в сторону Тбилиси.

* * *

Арчил отложил поездку в Барисахо на целую неделю. Ему необходимо было срочно выехать в другие районы. Дело в том, что первоначальное решение — весь контингент молодежи из самых различных уголков Грузии собрать в Тбилиси и затем группами отправлять в Россию — оказалось неудачным. Собрать сразу столько народа было очень трудно, и этот план заменили новым, решив отправлять молодежь постепенно, небольшими группами.

Арчилу, которому было поручено везти первую группу, теперь предстояло объехать почти все районы Восточной и Западной Грузии. После поездки в Кахетию он возвратился в Тбилиси, чтобы проверить, все ли готово к приезду будущих рабочих. Еще по дороге он узнал, что не только общежитие не подготовлено, но не выяснен и вопрос питания,

С вокзала Арчил решил забежать домой.

Дома его ждали письма.

— От кого? — спросил Арчил, входя в столовую.

— Не знаю, мой мальчик, — ответила мать, — их целая дюжина, этих писем. Раскрой и прочти. Вероятно, от девушек. Мало им телефонных звонков, этим негодницам!.. С утра до ночи они спрашивают тебя, и мне нет от них ни минуты покоя. Что за девушки пошли, господи боже мой!

— Ну, ну, мамочка, за что ты на них нападаешь? Неужели ты забыла свою молодость? — засмеялся Арчил и, взглянув на буфет, сказал: — Если бы ты только знала, как я проголодался!

Пока Арчил умывался, Марта быстро подала завтрак.

— Опять мы с твоим отцом вчера побранились! Он все ходит, вы-

смаатривает тебе невесту, — говорила она, отводя глаза в сторону, — и всеми недоволен: эта собой нехороша, у той глаза некрасивые, у другой ноги кривые... Словом, во всем Тбилиси нет девушки, достойной тебя.

— Ну, ясно — сам женился на красавице, а теперь и невестку хочет красивую, — ласково пошутил Арчил.

— Тебя здесь не было, а в последнее время Вета что-то зачастила к нам.

Арчил засмеялся.

— Что ж, иногда сушеные фрукты тоже неплохи.

— Что ты, что ты! — испуганно вскрикнула Марта. — Не своди меня с ума!

Арчила всегда забавляла наивность родителей. В сердечных делах он не считал себя таким уж неискушенным. Еще в студенческие годы девушки не раз назначали ему свидания, а сколько писем получал он от них... Однажды отец совершенно случайно узнал об этом и взбеленился: «Если сын собирается жениться на какой-нибудь из этих бесстыдниц, убью обоих...» Правда, когда Арчил ушел на войну, отец дал зарок: лишь бы целым и невредимым вернулся мальчик, а там — пусть приводит, кого угодно. Но теперь Нико снова взялся за старое и опять размышлялся о молодой невестке-грузинке, с очаровательной внешностью и ангельским характером.

Арчил окончательно развеселился.

— Эх, мамочка, не ссорьтесь с отцом и не переживайте. Есть ли у меня время думать о женитьбе? — сказал он матери. — У меня забот по уши. Наверное, дней через десять—пятнадцать мне придется ехать в Россию.

— В Россию? Надолго? — воскликнула Марта.

— На три года.

— Как на три года, мой мальчик? Как это на три года? Ну, что за несчастье... Господи, боже мой! — Марта чуть не стонала. — Почему же я ничего не знала об этом? Я еле дождалась тебя...

— Да, мама. Я повезу пятьсот человек — целую группу — и от того, как я сумею позаботиться о каждом из них, будет зависеть, станут ли они квалифицированными мастерами. А ведь это не шутка!

— Пусть едут другие.

— Другие тоже поедут. Пять тысяч молодых грузин посылают в Россию — десять групп, в каждой — инженер, врач, хозяйственник! Вот так-то, мамочка, родная! — Арчил встал и, нежно обняв за плечо мать, будто невзначай вспомнил: — Да, а где же письма?

— Письма? Письма на столе в кабинете.

На письменном столе отца лежала стопка разноцветных конвертов. Несколько фронтальных треугольников было от товарищей. Арчил быстро прочитал их и отложил, решив написать ответы вечером. Один из конвертов, довольно объемистый, он вскрыл сразу же, как только взглянул на адрес отправителя.

Письмо было от Талико Габаури. Арчил познакомился с ней, когда кончал институт. Талико училась на втором или третьем курсе медицинского института, и между ними сразу установились те дружеские взаимоотношения, которые впоследствии часто перерастают в любовь.

Война их разлучила. Арчил писал Талико с фронта, но письма его остались без ответа. Он уже почти позабыл ее. И вдруг так неожиданно пришло письмо!

«Ты, наверное, удивишься этому письму, — писала Талико, — ведь я не ответила на твои письма с фронта. Может быть, для меня было

бы лучше не писать и сейчас — пожалеть себя. Но нет... Я должна откровенно рассказать тебе обо всем, тем более, что мне стыдно, тяжело. В жизни бывают минуты, когда даже самой себе боишься признаться в совершенном. Но я преодолею все—и гордость, и самолюбие—и расскажу, как я наказана. Я могу это сделать, потому что ты—и настоящий друг и хороший человек. Помнишь? Я проводила тебя...

Не знаю, что помutilo мой рассудок и заставило совсем потерять голову, когда я осталась одна. Все уходило на фронт, вокруг были старики и дети... Многие подруги, точно посходили с ума,—неожиданно, необдуманно повыходили замуж... Волна захлестнула и меня: человек, бросивший из-за меня семью, стал моим мужем.

Страшно сказать — я сделала это через месяц после твоего отъезда. Умоляю — не бросай письма, дочитай до конца. Пойми, именно отсюда начинается непрерывная цепь моих несчастий.

На третий день после свадьбы пришло твое письмо. Глупая, я прочла его и, признаться, мне стало жаль тебя! Разве могла я тогда угадать, кто в действительности окажется достоин жалости? Все было кончено... Что я могла тебе ответить, к чему были письма?

Вскоре я стала матерью, у меня родились близнецы — мальчик и девочка. О, если б ты знал, как все осложнилось: возиться с детьми и учиться! И вот в такое время он оставил меня и ушел к другой. Глупая, почему я не захотела подумать, что тот, кто бросает одну, бросит и другую. Кто он был? Кто они — эти мужчины, бросающие детей на произвол судьбы?! Я осталась одна. Ты представляешь — дети, учеба, война, все еле-еле сводили концы с концами... Окончив институт, я заболела тифом и вместо того, чтобы взяться за работу, должна была уехать в деревню. Умер отец, а матери, ты же знаешь, я лишилась давно. Так и пришлось остаться в деревне, чтобы поправиться и окрепнуть. Неделю назад я приехала в Тбилиси. Хочу, наконец, устроиться на работу. В городском отделе здравоохранения мне предложили место; оказывается, строится металлургический завод, в Россию посылают молодежь, и если я поеду с ними, то по возвращении меня назначат врачом в Рустави — городе, который тоже будут строить. Я в отчаянии. Ну, куда деть детей, с кем их оставить? А другой возможности выбраться отсюда нет. В Тбилиси я узнала о твоем приезде. О, как мне хотелось увидеть тебя! Не посмела — было стыдно... Но теперь я жалею — надо было придти. Судьба достаточно отплатила мне за мое легкомыслие, и, может быть, ты почувствовал бы удовлетворение... Может быть... Письмо я решила послать: надо же, наконец, узнать тебе, какая недостойная женщина отвергла твою любовь. Пусть никто не жалуется на судьбу — человек во всем виноват сам. Помнишь хорошую пословицу «Когда арба перевернется, тогда и дорога покажется»? Я увидела верную дорогу, но поздно.

До свидания, Арчил! Я верю, что ты остался настоящим человеком».

Арчил прочел письмо до конца. Долго он стоял у окна, глубоко задумавшись. Чего хотела от него Талико? Помощи? Да, пожалуй, только этого. Помощи и сочувствия... Мать несколько раз обращалась к нему, но он и не слышал ее слов. Арчил повернулся, хотел бросить письмо на стол, но внезапно, словно вспомнив о чем-то, порвал его на мелкие кусочки. Первый же порыв теплого осеннего ветерка унес их в открытое окно. Посмотрев на часы, Арчил взял в руки фуражку и сказал матери:

— Я пошел на работу. К обеду меня не ждите, наверное, опоздаю.

— Мальчик мой, неужели это письмо так испортило тебе настроение? — спросила Марта: — По лицу видно, как ты сильно расстроен.

— Ничего, мама, ничего,—Арчил обернулся к матери и остано-

вившись в дверях, спросил: — Что бы ты сказала, мама, если бы я оказался отцом двух детей?

Марта была ошеломлена.

А Арчил, словно сбросив с плеч гору, облегченно вздохнул, улыбнулся и, прежде чем мать успела что-нибудь сказать, стремглав сбежал с лестницы и выскочил на улицу.

Растерянная Марта долго стояла в коридоре и мяла в руках чайное полотенце.

* * *

— И ты веришь, что Арчил—отец двух детей? — Нико в волнении шагал по комнате из угла в угол.

Марта гладила белье на большом обеденном столе.

— Я уверена, — ответила она мужу.

— Ошибаешься! Врет, негодник! Я знаю его благородную натуру. Какая-то потаскуха сумела понравиться ему, и он намерен привести ее к нам. Этого только не доставало — воспитывать чужих детей.

— А что, если это его дети?

— Неужели ты думаешь, что мы до сих пор не узнали бы об этом? Не однажды — сто раз! Разве я не знаю, в чем дело? Но нет, ни в коем случае не пущу ее к себе — пусть убирается, куда угодно. Тебе, конечно, кажется, что раз он единственный сын, то я всю жизнь обязан гладить его по голове? Черта с два!

— Господи, почему я так несчастна! — Марта прижала конец передника к заплаканным глазам. — Другие сыновья женятся на прекрасных, порядочных девушках, а я почему-то должна стать всеобщим посмешищем. Мой мальчик! Что он урод, спрашиваю я, или инвалид? Девушки голову теряют из-за него...

— Так и сказал — отец двух детей? — Нико остановился прямо перед Мартой.

— Ну, да!

— Хм, — он устало опустил на стул, но снова заходил по комнате, — врет, конечно, врет. Ну, погоди, я ему покажу! Пусть только попробует привести ее ко мне в дом! В шею выгоню и его и эту женщину!

— Может быть, мы ошибаемся, и не придется никого гнать. Он получил сегодня письмо... Прочел и очень долго стоял у окна, как каменный.

— А куда дел письмо?

— Разорвал и выбросил за окно.

— М-да. — Нико многозначительно поджал губы. Он просто не знал, что и думать: может быть, дети родились еще до войны? Но, если так, как же Арчил ни разу не обмолвился в письмах об этом? Нет, это совершенно невозможно, нелепо... Скорее всего он и сам ничего не знал об этом. Эта женщина просто обманывает его...

— Без сомнения, это так! — уже вслух заключил Нико, — она его обманывает! Разве сочтешь, сколько на свете подлости! Явный обман, а этот дурачок всему верит. Нет, ни за что не позволю! Вот, пусть пожалует домой, я с ним поговорю! Я научу его уму-разуму! — уже кричал Нико, все более и более горячась.

Однако вечером, когда уставший Арчил вернулся домой и сел обедать, и Нико и Марта долго не говорили ни слова.

— Как дела? — наконец, не выдержал Нико.

— Ничего, — коротко ответил Арчил.

— Когда едешь в Россию? Мать говорит, что вас посылают на три года, это правда?

— Правда. Вероятно, уеду дней через десять, как только соберется первая группа наших будущих рабочих.

— Вы их везете туда учиться? Что ж так долго? Три года — большой срок!

— А как ты думаешь? Сталелитейное дело не такое уж легкое. Нашему заводу понадобятся тысячи разных специалистов: сталеваров, механиков, операторов, формовщиков. И не перечесть, сколько еще разных мастеров придется подготовить. А ведь на это нужно время.

— Это верно. — Нико помолчал, потом, собравшись с духом, с трудом выдавил: — Значит, твоя женитьба опять откладывается?

Марта что-то вязала и в разговоре участия не принимала. При этом вопросе она замерла.

— Ну, это чистая формальность, отец, — Арчил взглянул ему прямо в глаза. — Даже странно: я не спешу, а вас-то что торопит?

— Как это, что торопит? Я хочу, наконец, иметь невестку и внуков.

— Это дело легкое. Внуков могу привести хоть сейчас и даже двоих сразу.

— Ты шутишь или говоришь правду?

— Разве такими вещами шутят? — Арчил пытливо посмотрел на отца.

Нико не выдержал взгляда сына и, смутившись, опустил голову.

— Если у тебя, в самом деле, есть дети, а я ничего не знаю, — с этим я еще могу примириться... Но если ты намерен привести ко мне чужих детей, пеняй на себя: такого права я тебе не дам. Я слишком хорошо знаю твой характер: какая-то замужняя женщина увлекла тебя, вызвала жалость, и ты решил взять ее с детьми. Голову даю на отсечение, если это не так.

Нико вскочил на ноги, взволнованно прошелся по комнате и, медленно подойдя к сыну, сказал:

— Ты никогда не говорил неправды. Я знаю, не скажешь и сейчас. Так вот и скажи: у тебя действительно есть дети или ты хочешь обмануть меня?

Арчил посмотрел на отца, потом перевел взгляд на мать. Но Марта сидела, опустив голову, видимо, не желая вмешиваться в спор сына с отцом. Тогда он заговорил:

— Отец, я был лучшего мнения о тебе. Мы с товарищами рисковали жизнью и проливали кровь, чтобы каждый ребенок мог спокойно жить на земле. Когда я говорю тебе — я отец двоих детей, это значит, что я и в самом деле их отец. Другие с радостью берут в детских домах малышей, которых война лишила родителей, воспитывают их, дрожат над ними, и никто из них никогда не скажет, что он не относится к каждому, как к родному, только потому, что это не его ребенок. А ты, отец, не хочешь позволить привести детей сюда?! Ну, что ж, если это так беспокоит тебя, я могу и сам не входить в твой дом!

Весь этот день Арчил провел в мыслях о Талико. Он был человеком порывистым, увлекающимся, и его первым побуждением было забить все, жениться на ней и увезти с собой в Россию. Детей он решил оставить на несколько месяцев у своих, а потом приехать за ними или прислать Талико.

Легко сказать — жениться! В душе Арчила понемногу проснулось сомнения, закопошилась и уже не давала покоя ревность. Он не хотел думать об этом, но чем больше старался избавиться от навязчивых мыс-

лей, тем сильнее чувствовал, как мутится сознание. Память услужливо подсказывала, как он писал с фронта свое первое полное письмо Талико. А она? Перед глазами Арчила вставали картины, одна ярче другой, и нестерпимо жгли его воображение. Когда он представлял Талико в объятиях другого, их поцелуи и ласки, его сердце, казалось, хотело выскочить из груди. Он пытался рассеять мутный поток нахлынувших чувств и воспоминаний, с головой окунувшись в дела. Но ничего не помогало, даже работа. Самые незначительные детали — случайно брошенное на стол письмо, женщина, проходившая по улице с ребенком, — бередили сердце; все с новой и новой силой ощущал он одно и то же — измену Талико.

С тяжелым чувством шел он домой. И здесь, в споре с отцом неожиданно исчезли тяжелые мысли, целый день угнетавшие его. Талико надо было помочь — это стало совершенно ясным и определенным.

Неожиданно в спор вмешалась Марта. Она, по-видимому, успела забыть все, что говорила мужу совсем недавно, и гневно напала на него.

— С чего это ты взъелся, объясни пожалуйста? Кажется, ты готов единственного сына выгнать из дома? Неужели ты можешь думать, что тогда я хоть на одну минуту останусь вместе с тобой?.. Ну, нет, этому не бывать... Все разобью и перелломаю о твою голову, все, все... Пусть приведет хоть десять детей, если это доставит ему радость.

— Ишь ты, двоих уже мало, десять пожелала! — покачал головой Нико. — И впрямь говорят: «Собачью шкуру собака рвать не будет» — женщина за женщину всегда заступится.

Поддержка матери несколько успокоила Арчила, и в его голосе прозвучало сожаление, когда он обратился к Нико:

— Удивительно, отец, ведь ты всегда был гуманным человеком. Что же случилось с тобой сегодня?

— Мальчик мой, сынок, ты же у меня один, ведь я хочу для тебя только хорошего, негодник ты этакий, — заговорил внезапно расчувствовавшийся Нико, утирая слезы. — Эх, что за напасть такая, почему все должны судачить о нас. И за что разгневался на тебя бог, разве у тебя не хватает красоты, или, может, образования, или ума?.. Хотя насчет ума, правду тебе сказать, я что-то начинаю сомневаться...

Арчил улыбнулся и, ласково взглянув на отца, сказал:

— Ладно, успокойся, я пока еще не женат и ни на ком жениться не собираюсь. Но если тебя так беспокоит вопрос о происхождении моих детей, то прямо скажу — они не мои дети, но я их усыновил. Имею я на это право?

Нико спрятал платок и пристально посмотрел на сына, пытаясь угадать по его лицу, было ли все это правдой или выдумкой. Но на лице Арчила была лишь хитрая усмешка.

— Вот теперь я, действительно, начинаю сомневаться, — через некоторое время заговорил Нико. — Наверное, раньше ты сказал правду, что это, в самом деле, твои дети. Иначе, где это слыхано, чтобы молодой человек без всякой причины усыновлял чужих детей? И кто она, кто, расскажи нам?

— Потом, отец. Еще не все решено. Я пока говорил, предполагая то, что может случиться. Поживем — увидим.

Арчил повернулся к матери и сказал:

— Найди-ка мне, мама, мой вещевой мешок, и приготовь чемодан. Я уезжаю сегодня ночью в Западную Грузию, чтобы набрать людей и привезти их. Не волнуйся, я скоро вернусь.

— Ой, неужели сегодня? — всполошилась Марта. — И ты не мог

сказать раньше? Я бы все приготовила заранее. В какие же районы ты едешь?

— Наверное, мне придется побывать только в нескольких. Ни в Хашири, ни в Гори, ни в Каспи я задерживаться не буду—там уже ожидают меня наши будущие ученики, посажу их на поезд и все.

— Белье, мой мальчик, тебе уложить?

— Только одну смену.

— А еду?

— Не помешает, конечно. Да, пожалуйста, не забудь положить в чемодан конфеты, которые ты получила по карточке. И дай мне пару банок сгущенного молока — что-то в последнее время мне хочется сладкого...

Муж и жена многозначительно переглянулись.

* * *

Упавший с машины Вепхиа долго лежал без сознания посреди дороги. Неизвестно, сколько времени пришлось бы проваляться ему, если б не случайно проезжавший мимо «виллис». Он чуть не раздавил неподвижно лежавшего юношу, но шофер вовремя успел затормозить и остановиться. Из «виллиса» выскочил высокий военный в капитанских погонах.

— Смотри, горец! Видишь вышитый крест на плече? Хевсур, наверное,—сказал он шоферу и, нагнувшись, повернул Вепхиа лицом к себе.— Жив как будто. Интересно, что с ним случилось? Напали на него, что ли?

Вепхиа приоткрыл глаза и попытался встать. Голова сильно кружилась, в ушах шумело.

— А ну, глотни, — сказал капитан и поднес к его губам фляжку.— Что с тобой? — спросил он по-русски, но Вепхиа не понял. Шофер тоже был русский, он вылез из машины и что-то говорил ему, указывая рукой. Вепхиа поднял взгляд на незнакомцев и снова опустил голову — все плыло перед глазами.

— Возьмем с собой, — сказал капитан шоферу.

— Взять можно, лишь бы не умер по дороге.

— Ничего, они крепкие ребята. А ну, берись ловчей! Наш доктор мигом поставит его на ноги.

Они вдвоем подхватили Вепхиа и почти понесли его. Он покорно подчинился им, но, влезая в «виллис», провел рукой по поясу — шашки не было. Несмотря на слабость и боль, Вепхиа все же повернулся и стал с беспокойством оглядываться.

— Ты что? Потерял что-нибудь? — спросил капитан, но, заметив пустые ножны, догадался, в чем дело. — А, выпал клинок... Что же, давай поищем.

Все трое внимательно обыскали ближайшие кусты. У Вепхиа снова закружилась голова, и он присел на камень, сжав виски руками. Капитан и шофер продолжали шарить в кустах и, наконец, капитан подошел к хевсуру.

— Ничего не поделаешь, твой клинок потерялся. Вот, положи в ножны что от него осталось, — и капитан сам вложил в ножны обломок шашки. Вепхиа ни слова не понял из сказанного, но, увидев обломок, молча встал и, шатаясь, пошел к машине.

Вепхиа снова усадили, и машина сорвалась с места. Холодный ветер окончательно привел его в чувство. Он осторожно стал щупать се-

бя—не сломано ли что, но все как будто оказалось в целости. Видимо, он просто сильно ушибся.

— Куда, хевсур, едешь? — спросил его капитан.

Этот вопрос Вепхиа понял, рукой показал ему прямо:

— Тбилиси.

— Фью-ю, — присвистнул капитан,—а мы в Пасанаури. Ну, ничего, доедешь. Оттуда я тебя отправлю — завтра утром в Тбилиси идет наша машина.

Уже темнело, когда они приехали в Пасанаури. Капитан отвел Вепхиа в санчасть и попросил врача осмотреть его. Толстый, краснолицый доктор-грузин оказался на редкость жизнерадостным человеком. Он обо всем подробно расспросил Вепхиа, с большим трудом заставил его раздеться и, осмотрев, заявил, что ничего опасного нет и ушибы быстро пройдут. Смазав их мазью, он дал Вепхиа проглотить какой-то порошок и велел лечь спать.

— А где ты собираешься ночевать? — спросил врач.

Этого Вепхиа не знал.

— Куда ты пойдешь?

Вепхиа огляделся вокруг.

— Что смотришь? Не догадываешься? Здесь санчасть! — засмеялся доктор.

— Лягу на балконе.

— Замерзнешь. Я бы устроил тебя у знакомых, но от тебя так пахнет, что... И когда вы, хевсуры, снимете с себя эту вонючую овчинную кожу?

— Что ты говоришь? Разве так сильно пахнет? Я ничего не чувствую, — удивился Вепхиа.

— Потому что привык. А ты нас спроси! Ну, а в город зачем собрался?

— Хочу учиться.

— Учиться? Чему?

— Варить сталь.

— Хорошее дело. Ну, а родные у тебя есть?

— Нет, я сирота.

— Да, профессию ты выбрал себе хорошую, варить сталь — нужное дело. Ну, ладно, пошли ко мне, как-нибудь устрою тебя.

Доктор привел молодого хевсура домой, поставил ему раскладушку в галерее. Вепхиа поел, лег, не раздеваясь, и моментально уснул.

Проснувшись утром, он сразу почувствовал, что ему трудно подняться,—все тело ныло, но головокружение прошло. Вепхиа долго озираясь по сторонам и не мог понять, где он находится, но, вспомнив, через силу встал и, как только ему сказали, что машина в Тбилиси вот-вот уйдет, вышел во двор.

Ему вдруг захотелось домой, в Хевсуретию. Утро, как и накануне, было туманное, моросил дождь, но Вепхиа не пугала такая погода — он хорошо знал дорогу через Гудамакарское ущелье и засветло успел бы добраться до дому.

Он остановился в нерешительности и уже собрался отказаться от поездки, но в это время к машине подошел капитан с каким-то сержантом. Капитан приветливо поздоровался с Вепхиа.

— Как ты себя чувствуешь? Бока все еще болят?

Сержант перевел вопрос на грузинский язык, и Вепхиа, признательно улыбнувшись, отрицательно покачал головой.

— Садись,—указал ему капитан на машину,—отсюда не выпадешь.

Пришел и врач. Он весело похлопал Вепхиа по спине.

Вепхиа забрался в кузов, устроился поудобнее и сейчас же забыл о только что вспыхнувшем желании вернуться домой. Он осматривался вокруг, нетерпеливо ожидая, когда же машина, наконец, тронется. Достав из кармана ломоть сухой ячменной лепешки, Вепхиа с аппетитом принялся есть. Наконец, появился шофер. Внимательно выслушав распоряжение капитана, он влез в кабину. Рядом с Вепхиа сели несколько солдат, и машина тронулась.

Показалось Ананури. Прошлой ночью в темноте Вепхиа ничего не увидел, а сейчас уже издали заметил старинную башню крепости, величаво высившуюся на фоне неба. Немного ниже виднелось селение.

Сердце дрогнуло у Вепхиа от этого зрелища. В его памяти возникла родная деревня, почти без изменений сохранившая свой старинный облик, и Ананурская крепость, напомнившая родные места, приковала к себе все его внимание.

Вскоре вдаль появилась большая башня Жинвальской крепости.

Машина вырвалась на равнину. По обеим сторонам дороги раскинулись поля.

Начался подъем. Над головами нависли разрушенные стены Бебрис-цихе.

«Ну, а это, наверное, замок Ираклия»,—мелькнуло в голове у Вепхиа, когда показались купола Самтавро и Светицховели. Все удивляло молодого хевсура, но он старался ничем не выдать своего волнения. Однако выдержка изменила ему, когда показался Загэс и он увидел огромную фигуру Ленина.

— Ленин! — вскрикнул Вепхиа, вскочив на ноги. Он восторженно смотрел на памятник, давно ставший ему родным по рисунку в учебнике, и радовался, что так легко узнавал здесь все, как будто проезжал по этой дороге не впервые.

Наконец, стал виден Тбилиси, и Вепхиа окончательно потерял голову. Машина еще не въехала в город, а на противоположном берегу Куры уже показались многоэтажные здания, фабрики, высокие мачты линий электропередач, и снова дома, заводы, странные постройки. Весь город, окутанный синеватой дымкой, казалось, лежал сейчас перед ним. Они быстро проехали по главной улице Сабуртало. Многоэтажный дом на площади Героев особенно поразил Вепхиа. И тут он увидел трамвай...

... Машина мчалась уже по проспекту Руставели. На площади шофер остановил грузовик. Очутившись на земле и проводив глазами исчезнувшую за углом машину, Вепхиа вдруг очень остро ощутил свое одиночество. Он не знал, что делать, к кому обратиться. Подумав, остановил какого-то прохожего.

— Ты грузин? — спросил он его.

— Грузин, — ответил тот.

— Не знаешь ли Арчила?

— Арчила? Какого Арчила? А как его фамилия?

Только сейчас вспомнил Вепхиа, что не знает фамилии Арчила. По простоте душевной он был уверен, что в Тбилиси, как в его родной деревне, можно легко отыскать человека по имени, но, очутившись в огромном городе, понял, что Арчила ему не найти.

— Фамилии не знаю, — растерянно пробормотал он.

— И адреса не знаешь?

— Не знаю.

— А так, сынок, Арчилов в Тбилиси много.

— Он офицер.

— И это не поможет.

— Как же мне быть?

— Не знаю, право. Ну подумай,—едешь к человеку, адреса которого не имеешь. Надо было записать имя, фамилию, название улицы, номер дома. А как же иначе? Это вам не деревня, где легко найти всякого..

Вдруг Вепхиа принял решение, которое могло придти в голову лишь человеку исключительной непосредственности и простоты.

— А где правительство? — спросил он незнакомца.

— Правительство? — оторопел тот от такого простого, но неожиданного вопроса. — Да-а, это я тебе могу указать. Вот пойдешь так, прямо, потом свернешь налево в первый переулок, а там, кого ни спросишь, все покажут.

Вепхиа, забыв поблагодарить незнакомца, стремительно зашагал в указанном направлении.

* * *

В маленьком местечке, где утром Арчил сошел с поезда, было всего несколько улиц. Такие местечки обычно называют поселками городского типа. В самом деле, хотя они и обладают характерными для города чертами, но небольшое население и отсутствие сколько-нибудь значительных предприятий делает их похожими на деревню.

Было раннее утро, кругом стояла тишина, царившая здесь в любое время дня и ночи. Теплый солнечный осенний день вызвал в Арчиле давно не испытанное, приятное ощущение покоя. Над густо заросшими лесом горами, в синем прозрачном небе таяли клочья тумана. Дети уже были в школе. Из окна доносился ровный голос учителя.

Старые, крытые черепицей домики тесно прижались друг к другу и с грустью взирали на мир. В них теперь разместились кустарные мастерские, парикмахерская и заготовительная контора. В некоторых домиках поселились жильцы — в окнах виднелись занавесочки.

Совсем в стороне стоял выстроенный перед самой войной двухэтажный универмаг — гордость всего района. Рядом была гостиница, чуть подальше — большое здание Дома культуры, украшенное высокой колоннадой с аркой. Перед Домом культуры высился монумент Сталина.

Выше, на пригорках и склонах, в зелени небольших садов прятались домики со стеклянными галерейками. Во дворах и по улицам гордо расхаживали петухи; вдоль плетней, в мелких лужицах хлопотали утки.

Арчил некоторое время постоял на площади, с удовольствием осматриваясь вокруг. Редкие прохожие с любопытством останавливались и смотрели на него, стараясь угадать,—кто этот незнакомый военный и что привело его сюда. Мимо него прошла беременная женщина в ситцевом платье и стоптанных чустах на босу ногу. Она даже не посмотрела в его сторону, словно не замечая Арчила, а на самом деле и заметила и успела подумать: «Если кого можно назвать мужчиной, то вот его, этого незнакомца. Хотелось бы знать, к кому он приехал?»

Из огороженного плетнем двора, пронзительно хрюкая, выскочил поросенок, волоча за собою обрывок веревки. Следом за ним выбежал лохматый мальчишка и бросился вдогонку.

Идти в райком по делам было рано, и Арчил решил сначала повидать Талико. Он оглядывался, надеясь узнать у кого-либо, где она живет. Лохматый мальчишка поймал, наконец, поросенка и, ухватившись за цепь, с трудом тащил его к дому. Поросенок упирался изо всех сил, пя-

тился назад и визжал. Арчил остановил мальчишку и спросил, не знает ли он, где живет Талико Габаури. Мальчик сразу указал на дом с застекленным балконом, стоявший на пригорке.

— Вы поднимитесь, дядя, вот по этой дорожке, потом сверните направо. Если подождете немного, я привяжу поросенка и сам провожу вас.

— Хорошо, подожду, — улыбаясь, согласился Арчил.

Мальчик снова вступил в единоборство с поросенком, напрягая все свои силы, загнал его во двор и, привязав, вернулся к Арчилу.

— Пойдемте, — сказал он Арчилу и пошел вперед. Тот последовал за ним.

— Дайте я понесу чемодан, — вдруг спохватился мальчик.

— Нет, милый, мне нетрудно. Ты лучше скажи, как тебя звать?

— Арчил.

— Ого, ты мой тезка! А в школу ходишь?

— А как же? Во вторую смену.

— В каком же ты классе?

— В четвертом. А вы, дядя, с фронта?

— Да.

— Вчера объявили по радио—наши вперед все идут и идут. Слышали приказ Сталина? Вот он, дом, — мальчуган остановился и показал пальцем.

— Спасибо, — поблагодарил Арчил и подошел к дому.

Маленький двухэтажный домик казался безлюдным. Изнутри не доносилось ни звука. Арчил приоткрыл низенькую покосившуюся калитку, прошел по дорожке, поднялся по деревянной лесенке и постучал в дверь галереи. Никто не ответил. Он постучал снова и беспомощно огляделся. Неожиданно снизу послышался голос:

— Вам кого?

Арчил посмотрел вниз и спустился во двор. Там стояла девушка и удивленно следила за ним.

— Где Талико? — спросил ее Арчил.

— Талико? Ой, как жаль, ее нет, она ушла за молоком. Ей понадобилось молоко для детей, и она должна с кем-то договориться, вот она и пошла...

— А вы кто?

— Я соседка. Талико попросила меня присмотреть за детьми — она боится оставлять их одних. А вы, случайно, не родственник?

— Значит, она скоро вернется? Где же дети? — уклонился от ответа Арчил.

— Войдите, пожалуйста, войдите. Дети здесь, в комнате, — сказала девушка и повела его за собой. Они обошли дом с другой стороны и через старинный балкон, украшенный деревянной резьбой, вошли в комнату.

На тахте, покрытой истертым ковриком, сидела маленькая двухлетняя девочка и, накручивая на палочку красный лоскут, пыталась смастерить куклу. Подле нее стоял, прислонившись к кушетке, мальчуган с виду чуть постарше. Шмыгая носом, он старался вырвать игрушку из рук сестренки. Увидев чужого, дети замерли и большими глазенками уставились на Арчила. Их внимание сразу же приковали блестящие на кителе пуговицы. Арчил положил чемодан на тахту и раскрыл его. Дети в недоумении обернулись к соседке и уже собрались зареветь, но, взглянув в сторону незнакомого дяди, увидели, что он протягивает полную горсть конфет.

— Это вам, — ласково сказал Арчил.

Первым набрался смелости мальчуган, осторожно взял конфету и сразу же принялся пухленькими пальчиками разворачивать бумажную обертку.

— То это татое? — пролепетал он, внимательно глядя на Арчила.

— Ай-ай, что тебе дяденька привез! — весело сказала девушка. — Ой, как вкусно, кушай, деточка, кушай.

Мальчик сразу положил в рот конфету и улыбнулся. Теперь и девочка осмелилась протянуть ручку, тем более, что дядя ласково улыбался ей, а на его ладони лежала целая кучка завернутых в разноцветные бумажки конфет.

— Вот видите, какие спокойные дети, — сказала девушка. — Я пойду позову Талико, скажу ей, что приехал гость, и скоро вернусь. Вы не плачьте, я сейчас приду, — обратилась она к малышам и, убедившись, что им теперь не до нее — они заняты конфетами и незнакомым дядей, — вышла из комнаты.

Минут через десять она уже стояла перед Талико и тараторила, еле переводя дух:

— Где ты? Чего ты так застряла? К тебе кто-то приехал в гости... Ух, сердце чуть не разорвалось!

— Что ты, Цицино, какой гость?

— Не знаю. Военный...

— Военный? — у Талико затрепетало сердце. «Неужели Арчил...», — мелькнула мысль. — Ты спросила, как его зовут?

— Не спросила.

Талико всполошилась. Она не знала, как поступить, но понимала, что надо идти домой. Всю дорогу она засыпала вопросами еле поспевавшую за ней девушку.

— Где он теперь?

— С детьми. Он сразу открыл чемодан и достал такие конфеты, каких я давно не видела. Я даже подумала, не муж ли это твой приехал, да вспомнила, что он не военный.

— Не болтай глупостей! — расстроенная Талико почти бежала. — Неужели не могла спросить имя? Скажи хоть, как он выглядит?

— Откуда я знаю, как он выглядит. Я только заметила, что у него маленькая родинка на левой щеке.

Сомнений быть не могло — теперь Талико знала, кто ее гость.

Невольно она оглядела себя: простенькое домашнее платье, тапочки. Еще по дороге она поправила растрепанные волосы и, войдя в дом, послала соседку к гостю, а сама поднялась наверх.

Раскрыв потемневший ветхий шкаф, она достала свой единственный наряд — шелковое платье. Быстро сбросив тапочки, надела поношенные кожаные туфли и оглядела себя в старое мутное зеркальце. Талико расчесывала волосы дрожащими руками и чувствовала, как болезненно сжимается и ноет сердце. В глубине души она прекрасно сознавала, что все это ни к чему, и руки ее бессильно опускались. Она горько улыбнулась и несколько секунд сидела не двигаясь. Потом с неожиданной твердостью Талико встала, посмотрела, не забыла ли чего, быстрыми шагами вышла на балкон и заглянула в комнату.

Арчил держал на коленях обеих малышей и ласково смотрел на их вымазанные шоколадом рожицы.

— Здравствуй, Арчил, — Талико улыбнулась, стараясь говорить спокойно. — Что ты наделал, на кого похожи мои обезьянки! Цицино, милая, заberi их, умой, а мы поднимемся наверх.

— А разве здесь плохо? — Арчил осторожно посадил детей на тахту. — Я им еще кое-что привез. Вот смотрите, — он пододвинул чемодан

к малышам и поднял глаза на Талико.—Прежде всего, как их зовут? Я спрашивал, но безуспешно, они так увлеклись конфетами, что не обратили на мой вопрос внимания.

— Подожди, не давай им больше ничего. Боже мой, чего ты только не привез! Сгущенное молоко, сахар, рис... Сколько времени я не видела всего этого. Ну, хорошо, пойдем наверх. Цицино уберет здесь все и детей приведет в порядок. Расскажи о себе, как ты?

Оба поднялись наверх. Талико шла впереди.

— Во-первых, поздравляю тебя с возвращением с фронта целым и невредимым. Ты был ранен?

— Был.

— Тяжело?

— Да, тяжело. Меня спасла одна русская медсестра, не пожалела своей крови для меня, так что во мне течет теперь и русская кровь.

Талико привела Арчила в гостиную, где, кроме расшатанного, очень старого комода и двух табуреток, не было ничего. На подоконнике валялись обтрепанные книги, на стенах висели старинные фотографии в пыльных рамках.

— Ты, очевидно, получил мое письмо, — глухо произнесла Талико, когда они сели. — Я не думала увидеть тебя здесь.

Она быстро заговорила, торопясь и, словно боясь, что Арчил перебьет ее.

— Если бы ты знал, Арчил, сколько я пережила... Я осталась одна с двумя детьми на руках... И как было трудно кончать медицинский... Мне пришлось приехать сюда из-за болезни отца. Потом заболела я... Устроиться на работу по специальности я не смогла. Я застала все места уже занятыми. Пошла бы на фронт, в госпиталь, но что делать с детьми? Мне было очень трудно. Я все распродала. Остался вот этот домишко... Хочу продать и его. Но кому он нужен? Даром взять, и то не найдется охотника. Вчера я говорила с секретарем райкома, он очень жалеет меня, но не знает, как мне помочь. Предложил место кассирши в магазине или в кино. Я согласилась... Я не вижу другого выхода...

— А где твой муж? Он не платит алиментов?

Талико вздрогнула, опустила голову. У нее дрожали губы.

— Не надо об этом, — чуть слышно сказала она.

(Продолжение следует)

Грехэм Грин

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС МИСТЕРА ЛЕВЕРА

Перевод с английского М. Салганик

Мистер Левер стукнулся головой о потолок и выругался. На чердаке, где хранился рис, в темноте забегали крысы. Зернышки риса посыпались через щели на чемодан, на лысую голову Левера, на его ящики с консервами и на маленький квадратный ящичек, в котором он держал лекарства. Бой уже приготовил его походную кровать, натянул противомоскитную сетку и выставил складной стол и стул в теплый влажный мрак у хижины. Остроконечные крыши, крытые соломой, ручьем стекали к лесу. Между ними бродила женщина с горящей головней. Огонь освещал ее старое лицо, отвислые груди, татуированное больное тело.

Мистеру Леверу не верилось, что пять недель назад он был в Лондоне.

Выпрямиться Левер не мог. Став на четвереньки, он подполз к своему чемодану и открыл его. Достав фотографию жены, поставил ее на дощатый ящик, вытащил блокнот и химический карандаш. Грифель размягчился от жары и оставил лиловые пятна на пижаме. Свет фонаря обнаружил на глинобитной стене огромных плоских тараканов, и мистер Левер тщательно запер чемодан. За десять дней он уже успел убедиться, что они могут сожрать, что угодно — носки, рубашку, даже шнурки от ботинок!

Левер вышел из хижины. Мотыль-

ки бились о стекло его фонаря, но москитов не было. С тех пор, как он высадился здесь, он не видел и не слышал ни одного москита. Левер сидел в кругу света под внимательным наблюдением чернокожих. Они сидели на корточках у своих хижин и следили за ним. Они были дружелюбны, заинтересованы, он их, видимо, забавлял, но их неотступное внимание раздражало мистера Левера. Он ощущал, как легкие волны интереса начинали плескаться вокруг него, когда он писал, когда переставал писать, когда вытирал носовым платком влажные руки. Он не мог коснуться кармана, чтобы шеи чернокожих не повернулись вслед за движениями его руки.

«Дорогая Эмили, — писал Левер. — Теперь я по-настоящему отправился в путь. Это письмо я отошлю с носильщиком, когда отыщу Дэвидсона. У меня все в порядке, хотя, конечно, все кажется мне несколько странным. Следи за собой, дорогая, и не волнуйся».

— Масса, купи курица, — предложил повар, неожиданно появляясь из-за хижины. В его руках бился небольшой жилистый петух.

— Ну, — сказал мистер Левер, — я ведь дал тебе шиллинг?

— Они не любят, — разъяснил повар, — это плохой лесной люди.

— Что им не нравится? Это хорошие деньги.

— Они хотят деньги короля, — ответил повар, протягивая мистеру Леверу викторианский шиллинг. Леверу пришлось встать, вернуться в хижину, нащупать свой ящичек с деньгами и порыться в нем — не было покоя!

Он очень скоро убедился в этом. Ему приходилось экономить (все путешествие было авантюрой, которая пугала его), он не мог позволить себе платить носильщикам, чтобы они несли его в гамаке. Изнеможенный семью часами ходьбы, Левер добирался до деревни, названия которой не знал, и даже здесь не мог спокойно посидеть минутку и отдохнуть. Нужно было трясти руку вождю, договариваться насчет хижины, принимать в подарок пальмовое вино, которое он боялся пить, покупать для носильщиков рис и пальмовое масло, раздавать им мази и аспирин и разрисовывать их ссадины иодом. Они не давали ему ни минуты покоя, пока он не ложился спать. А потом, когда гасил свет, крысы начинали шуршать по стенам, как вода, и прыгать между его ящиками.

— Я слишком стар, — говорил себе мистер Левер, — слишком стар, — повторял он, продолжая писать влажным химическим карандашом:

«Я надеюсь отыскать Дэвидсона завтра. В этом случае я вернусь почти вместе с этим письмом. Не экономь на портвейне и молоке, дорогая, и пригласи доктора, если ты почувствуешь себя худо. У меня предчувствие, что поездка окажется удачной. Когда я вернусь, мы поедем отдыхать, тебе нужен отдых...» — и, глядя поверх хижин, и черных лиц, и банановых деревьев на лес, откуда он пришел сегодня, и куда снова нырнет завтра, он думал: «Истборн, Истборн был бы лучше всего для нее»; и он продолжал писать лживые слова — единственную ложь, которую он позволил себе в отношении Эмили, ложь во спасение.

«Я потребую, по меньшей мере, три сотни и расходы по поездке...»

Но деревня была непохожа ни на одно из тех мест, где он привык продавать машины; тридцать лет работы — объездил всю Европу вдоль и

поперек, бывал в Штатах, но ничего подобного видеть не приходилось...

Он слышал, как в хижине капала с фильтра вода и где-то кто-то что-то наигрывал (он был настолько растерян, что даже самые простые слова не приходили ему на ум) — что-то монотонное, печальное, легкое, напоминавшее звучание пальмового волокна, которое, казалось, говорило, что если человек несчастен, то об этом не нужно думать, ведь это всегда так и останется.

«Следи за собой, Эмили», — повторил он. Это было почти единственное, о чем он был в состоянии писать ей; он не мог писать об узких, крутых, заброшенных тропинках, о змеях, уползавших, как язычки пламени, о крысах, о пыли, о голых телах, пораженных болезнями. Он невыносимо устал от этой наготы. «Не забывай...»

— Вождь! — шепнул бой и между хижинами, под раскачивающимся факелом, появился тучный старик, задрапированный в туземную ткань, с потрепанным котелком на голове. За ним несли шесть мисок риса, миску пальмового масла и две миски крошеного мяса.

— Еда для носильщиков, — объяснил бой, и мистеру Леверу пришлось подняться, улыбаться, кивать и пытаться изобразить всем своим видом, что он в восторге, что мясо превосходно, и что утром вождь получит щедрое вознаграждение.

— Спроси у него, — обратился он к бою, — не проходил ли тут недавно белый человек? Спроси, не копал ли где-нибудь здесь белый человек? Чёрт побери! — неожиданно взорвался мистер Левер. На тыльной стороне его ладоней и на лысине проступил пот. — Спроси, не видел ли он Дэвидсона?

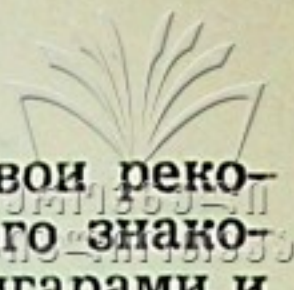
— Дэвидсон?

— О черт, — простонал Левер. — Ты ведь знаешь, о ком я говорю! Белый человек, которого я ищу.

— Белый человек?

— Как ты думаешь, для чего я сюда забрался, а? Белый человек? Конечно, белый человек! Я приехал сюда не для того, чтобы поправить свое здоровье!

Замычала корова и потерлась рогами о хижину; две козы прорвались

между Леве́ром и вожде́м, опрокинув на бегу миски с кусочками мяса.

Мистер Леве́р сел и закрыл лицо руками, жирными, белыми, холеными руками со складочками жира над кольцами. Он чувствовал, что слишком стар для всего этого.

— Вождь говорить — белый человек долго-долго нет.

— Как долго?

— Вождь говорить — когда он платит налог.

— Когда это было?

— Долгое-долгое время.

— Спроси у него, сколько отсюда до Грэ?

— Вождь говорить — очень далеко.

— Глупости, — ответил Леве́р.

— Вождь говорить — очень далеко. Лучше живи тут. Красивый место.

Леве́р застонал. Каждый вечер одно и то же. Следующая деревня всегда была слишком далеко. Они готовы выдумать, что угодно, только бы заставить его задержаться, а самим отдохнуть.

— Спроси вождя, сколько часов?..

— Много-много.

У них нет представления о времени.

— Этот хороший вождь. Хороший мясо. Носильщики устал. Нет обманывать.

— Мы идем дальше, — сказал мистер Леве́р.

— Этот красивый место. Вождь говорить...

Он думал: «Я бы все бросил, если бы не этот мой последний шанс». Ему вдруг страстно захотелось найти какого-нибудь белого (не Дэвидсона, он ничего не посмеет сказать Дэвидсону), которому он сможет объяснить весь ужас своей судьбы. Разве не ужасно, что после тридцати лет торговых разъездов человек вынужден ходить от двери к двери в поисках работы. Он был хорошим агентом, многим помог заработать деньги, у него были прекрасные рекомендации, но мир успел уйти далеко. (Он не был обтекаемым, уж, конечно, он не был обтекаемым!). Спустя десять лет после того, как Леве́р ушел на покой, он потерял свои деньги во время депрессии.

Мистер Леве́р исходил всю Вик-

тория-стрит, предъявляя свои рекомендации. У него было много знакомых, они угощали его сигарами и дружески посмеивались над тем, что он, в его возрасте, хочет снова взяться за работу («Просто не могу усидеть дома. Старый боевой конь, знаете ли...»), и отпускали шуточку-другую в коридоре... Вечером возвращались поездом в Мэ́йденхед, промокшие, запертые в купе первого класса, наедине с мыслями о старости, о разорении, о том, как плохо идут дела и что, наверное, у бедняги Леве́ра жена больна.

Мистер Леве́р нашел свой шанс в довольно неприглядной конторе неподалеку от Лиденхолл-стрит. Она называлась технической фирмой, состояла всего из двух комнат, пишущей машинки, девицы с золотыми зубами и мистера Лью́каса — сухопарого узкоплечего человека, одно веко которого дергал тик. Во время разговора веко все время подергивалось в сторону Леве́ра. Так низко он еще никогда не падал.

Но мистер Лью́кас произвел на него впечатление достаточно честного человека. Он «выложил все карты на стол». Денег у него не было, но у него были надежды — речь шла об одном патенте. Новая дробилка. Дело было денежным, но ведь никто не может ожидать, что крупные тресты начнут сейчас заменять оборудование. Дела идут плохо. Нужно... Вот тут-то и начинается: вожди, дикари, миски с крошеным мясом, крысы, жара. Они называют себя республикой. Мистер Лью́кас сказал ему, что он-то их не знает, но думает, что они не так черны, как их малюют (ха-ха-ха!). Во всяком случае компания устроила так, что ее агент проскользнул через границу и заполучил там концессию — золото и алмазы. По секрету он может сказать мистеру Леве́ру — трест и сам напуган своей находкой. Теперь, если предприимчивый человек сумел бы проскользнуть туда (мистеру Лью́касу нравилось словечко «проскользнуть» — оно придавало всему такой легкий и таинственный вид) и познакомить их с новой дробилкой — это сэкономит им тысячи, когда развернутся работы. Будут недурненькие комиссионные, а по-

том, имея с чего начать... Они все могут разбогатеть.

— Но нельзя ли устроить все это в Европе?

Веко мистера Льюкаса задержалось.

— Компания бельгийская, и они оставляют последнее слово за человеком, который работает на месте. Некто Дэвидсон, англичанин.

— А кто оплачивает расходы по поездке?

— В этом вся беда. Мы только начинаем. Нам нужен партнер. Мы не можем позволить себе взять человека для поездки туда. Но если вы не боитесь рискнуть... Двадцать процентов комиссионных.

— Вождь говорить — извинить, он будет ушел.

Носильщики сидели вокруг мисок на корточках и брали из них рис левыми руками.

— О, конечно, конечно, — рассеянно пробормотал мистер Левер, — конечно, очень любезно с его стороны.

Он был далеко от пыли и темноты, далеко от вонючих коз, пальмового масла и щенящихся сук, он был снова среди членов Ротари-клуба за завтраком у Стоуна и за «пинтой старого» и со своими газетами. Он был снова славным малым, который пробирается к себе чуть-чуть навеселе, на часовой цепочке позвякивает эмблема масонской ложки, он направляется домой на Финчли-род в метро, чувствуя себя добрым товарищем, любителем веселых историй и соленых словечек, чувствуя себя смелым.

Сейчас он должен быть смелым — он истратил на эту поездку свои последние сбережения. Он проработал тридцать лет, знал толк в машинах и не сомневался в качествах новой дробилки. Он сомневался только в том, что сумеет найти Дэвидсона. Никаких карт не было, путешествуя по этой республике, вы просто набрасывали список названий и отправлялись в надежде на то, что в какой-нибудь деревне по пути этот список поймут и укажут вам дорогу дальше.

— Слишком далеко.

Все чувство товарищества поникало при этих словах.

— Хинин, — потребовал Левер, — где мой хинин?

Бой никогда ничего не помнит, да

и всем им наплевать на него; их улыбки ничего не значат, и мистер Левер, который лучше, чем кто-нибудь другой знал цену безразличной улыбке в бизнесе, с негодованием подумал об их бессердечии и разочарованно и недружелюбно повернулся к медлительному бою.

— Вождь говорить — белый человек в лес. Пять часов ходить.

— Ну, вот это уже лучше, — облегченно вздохнул мистер Левер. — Должно быть, это Дэвидсон. Он что, золото ищет?

— Да-а. Белый человек копать золото в лес.

— Мы выйдем завтра, рано утром, — решил мистер Левер.

— Вождь говорить, лучше живи в это место. Лихорадка кусать белый человек.

— Как жаль, — промолвил мистер Левер и подумал с удовольствием: «Ну, теперь, кажется, мне повезло! Он нуждается в помощи. Он ни в чем не откажет мне». Друг в несчастье — истинный друг, и мистер Левер почувствовал Дэвидсону. Он представил себе, как выходит из лесу, точно в ответ на молитву Дэвидсона.

«Молитва, — промелькнуло у него в голове. — Я помолюсь сегодня перед сном, молитва — это вещь стоящая, она все-таки что-то дает». Он вспомнил мучительные часы, которые он провел в молитве, стоя на коленях у буфета с графинами, когда Эмили увозили в больницу.

— Вождь говорить — белый человек умер.

Мистер Левер повернулся к ним спиной и вошел в хижину. Он задел рукавом фонарь и чуть не опрокинул его. Быстро разделся, запихав одежду подальше от тараканов в чемодан. Он не поверит в то, что ему сказали, ему сейчас невыгодно верить. Если Дэвидсон умер, то ему остается только вернуться, а он недопустимо много потратил на путешествие, если ему придется вернуться, — он разорен. Он надеялся, что Эмили приютит ее брат, но он не мог рассчитывать, что ее брат... По лицу его покатались слезы, но в душной хижине нельзя было понять, слезы это или капли пота. Мистер Левер опустился на колени в пыль земляного пола у своей походной кровати и mosquito-сетки и молился. До этого он

всегда следил за тем, чтоб не коснуться земли босой ногой, — он боялся клещей. Здесь повсюду были клещи, которые только и ждали случая забраться под ногти на ногах, отложить свои яички и начать размножаться.

— О, боже, — молился мистер Левер, — не дай Дэвидсону умереть, сделай так, чтобы он был просто болен и рад меня видеть.

Мысль о том, что он может оказаться не в состоянии больше зарабатывать на жизнь для Эмили, казалась ему невыносимой.

— О, боже, я на все готов ради нее!

Но это были просто слова. Он не знал, на что он готов ради нее. Они счастливо прожили вместе тридцать пять лет и он никогда не позволял себе ничего большего, чем минутная неверность, да и то это случалось, когда он бывал навеселе после обеда в Ротари-клубе и когда приятели подталкивали его. Но с какой бы юбкой он не проводил время, он ни секунды не думал, что может жениться и быть счастлив с другой женщиной. Какая несправедливость, что они разорились и не могут жить вместе теперь, когда они состарились и так нуждаются друг в друге!

Но, конечно, это неправда, и Дэвидсон жив. От чего ему умирать? Чернокожие настроены дружелюбно. Правда, говорят, что здесь нездоровый климат, но до сих пор он даже не слышал ни одного москита. И вообще от малярии не умирают. Просто человек лежит, закутанный во все свои одеяла, принимает хинин и дьявольски плохо себя чувствует, но потом надо хорошенько пропотеть, и болезнь кончается. Есть еще опасность дизентерии, но ведь Дэвидсон не новичок, он знает, что человек в безопасности, если он пьет только кипяченую и фильтрованную воду. Вода здесь вообще ужасная, опасно даже промочить ноги, потому что можно набрать ришту — подкожных червей. Но от ришты тоже не умирают.

Мистер Левер лежал в постели, но не мог заснуть, мысли его снова и снова возвращались к Дэвидсону. «От таких вещей, как ришта, не умирают, — думал он, — просто на ноге появляется рана, а если опустить ногу в воду, видно, как из раны вымы-

ваются яички. Нужно ухватить кончик червя, он похож на обыкновенную нитку, взять спичку и осторожно, чтобы червь не оборвался, намотать на нее. Бывает, что ришта добирается до самого колена...»

«Я слишком стар для этой страны», — подумал мистер Левер.

Бой снова подошел к его постели и настойчиво зашептал через москитную сетку:

— Масса, носильщик говорить — они уходить домой.

— Домой? — устало переспросил мистер Левер. Он уже столько раз слышал это. — Почему они собрались домой? Что случилось на этот раз?

Но ему совсем не хотелось выслушивать подробности очередной ссоры.

— Скажи им, что они могут идти по домам. Я расплачусь с ними завтра утром, но они не получают никакой прибавки. Если бы они не вздумали уходить, я бы не поскупился.

Знает он все эти штучки! Не такой уж он молокосос!

— Да, масса. Они не хотят прибавка.

— Это еще почему?

— Они пугаются — лихорадка кусать их.

— Пусть идут по домам. Я достану носильщиков в деревне.

— Я тоже уходить, масса.

— Пошел вон! — не выдержал мистер Левер — утонула последняя соломинка, — пошел вон и не мешай мне спать!

Бой, послушный даже теперь, когда он стал дезертиром, немедленно вышел. «Да, уснешь теперь», — подумал мистер Левер. Он откинул сетку, вылез из постели (опять босиком, к чертовой матери, наплевать на ришту!) и отыскал свой ящичек с лекарствами. Он, конечно, оказался закрытым и ему пришлось открывать чемодан и искать ключ в кармане брюк. К тому времени, когда он добрался до снотворного, его нервы были окончательно взвинчены, и он принял три таблетки сразу. Он спал тяжелым, без сновидений, сном, но, проснувшись увидел, что лежит, широко раскинув руки и раскрыв москитную сетку. Если бы в хижине оказался хоть один москит, он бы укусил его, но никаких москитов, конечно, не было.

Он сразу почувствовал, что ничего не уладилось. Деревня — он не знал, как она называется — торчала на вершине холма. Внизу на запад и на восток по небольшому плато растекался лес, на западе это была темная масса, похожая на воду, в которой не различались никакие контуры, а на востоке уже намечались неровности, большие серые тополя поднимались выше пальм. Мистера Левера обычно будили до рассвета, но сегодня никто не трогал его. Несколько его носильщиков сидело у хижины угрюмо, перебрасываясь короткими словами. Бой сидел с ними. Мистер Левер вернулся в хижину и оделся. «Я должен быть твердым», — все время думал он, но в душе он был испуган — боялся, что его покинут, боялся, что его вынудят возвратиться.

Когда он снова вышел из хижины, деревня уже проснулась, женщины спускались с холма за водой, бесшумно скользя мимо носильщиков, мимо плоских камней, под которыми были погребены вожди, мимо маленьких рощиц, где водились рисовые птицы, похожие на желтых и зеленых канареек. Мистер Левер сел на свой складной стул в окружении кур, воющих собак и коровьего навоза и крикнул боя. Он решил действовать энергично, но не знал, что из этого получится.

— Скажи вождю, что я хочу поговорить с ним, — начал он.

Произошла небольшая заминка — вождь еще не встал, но вскоре он появился в своем белом и голубом одеянии, поправляя котелок на голове.

— Скажи ему, что мне нужны носильщики, чтобы добраться до белого человека и обратно. Два дня.

— Вождь не соглашаться, — перевел бой.

— Чёрт побери, если он не согласен, он не получит денег, ни одного пенни! — в ярости выкрикнул мистер Левер и тут же подумал о том, как безнадежно он зависит от честности этих людей. В хижине у всех на глазах была его шкатулка с деньгами — они могли бы просто взять ее. Это не английская или французская колония. Чернокожие на побережье не станут волноваться, да все равно

ничего не смогут сделать, если и заволнуются, узнав, что в глубине страны ограбили какого-то случайно забравшегося сюда англичанина.

— Вождь говорить — сколько?

— Всего на два дня! — ответил мистер Левер. — Мне хватит шестерых.

— Вождь говорить — сколько?

— Шесть пенсов в день и еда.

— Вождь не соглашаться.

— Ну, девять пенсов.

— Вождь говорить — далеко-далеко. Шиллинг.

— Ну хорошо, хорошо, пусть будет шиллинг, — согласился мистер Левер. — А вы можете идти по домам, если хотите. Сейчас я рассчитаюсь с вами, но вы не получите ни пенни прибавки, ни одного пенни.

И все же он не думал, что они его оставят, и почувствовал тоску одиночества, когда увидел, как они понуро уходят (им было стыдно) вниз по тропинке на запад. Они шли без поклажи, но не пели, безмолвно удаляясь. Его бой шел с ними. Мистер Левер остался один с грудой ящиков и с вождем, который не знал ни слова по-английски. Мистер Левер робко улыбнулся.

Новых носильщиков отобрали только к десяти часам, он видел, что ни одному из них не хочется идти, а идти нужно было в полуденную жару, если он хотел найти Дэвидсона до темноты. Он надеялся, что вождь хорошо растолковал носильщикам, куда нужно идти, но спросить он не мог — он был отрезан от них, и когда они отправились вниз по восточному склону, он чувствовал себя так, как будто шел совсем один.

Их сразу же поглотил лес. Лес обычно дает ощущение чего-то дикого и прекрасного, живой силы природы, но этот лес в Либерии был тоскливой зеленой пустыней. Путник шел по тропинке не шире фута сквозь бесконечную чащу перепутанных растений, которые, казалось, не столько росли, сколько умирали. В лесу не было жизни, его мертвую тишь нарушали только большие птицы, крылья которых поскрипывали, как несмазанная дверь, высоко в невидимом небе. Лес не менялся, не давал простора, не давал вырваться взгляду. Тоска была мучительней жары,

нужно было придумывать, о чем думать, но даже мысли об Эмили не занимали его больше трех минут сряду. В одном месте тропинка была затоплена, и носильщик понес мистера Левера на спине. Ему стало чуть легче, и он отвлекся. Он ни на что не обращал внимания, не замечал, как красивы крупные бабочки с ласточкиными хвостами, которые кружились над самой водой, а потом взлетали зелеными облачками. Его чувства притупились и отмечали немного, кроме тоски.

Но они отметили огромное облегчение, когда старшина носильщиков указал на прямоугольную яму, вырытую у самой тропинки. Мистер Левер понял — этим путем проходил Дэвидсон. Он остановился и посмотрел на яму. Она походила на могилу для щуплого человека, но была гораздо глубже, чем обычно делают могилы. На глубине, примерно, двенадцати футов чернела вода, деревянные крепления, удерживавшие стенки ямы от оползания, уже начинали гнить. Видимо, яму рыли вскоре после сезона дождей. Она выглядела слишком ничтожной для того, чтобы привести сюда мистера Левера с его чертежами и рекламациями новой дробилки. Он привык к крупным промышленным фирмам, к шахтам, дымящим трубам, тесно наставленным закоптелым коттеджам, к кожаным креслам в офисах, к хорошим сигарам и многозначительным рукопожатиям... И снова ему показалось, как тогда, в конторе мистера Льюкаса, что он очень низко пал.

Казалось, ему предлагают заключить сделку на краю ямы, которую выкопал ребенок в запущенном и заброшенном саду за домом; мысль о процентах поникала в жарком влажном воздухе.

Он покачал головой — не надо падать духом, это старая яма. С тех пор Дэвидсон уже чего-нибудь добился. Ведь здравый смысл подсказывает, что та золотоносная трещина, на концах которой, с одной стороны в Нигерии, а с другой в Сьерра-Леоне, уже ведутся разработки, должна проходить через эту республику. Даже самые крупные разработки начинаются с ямы в земле.

У компании (он разговаривал с директорами в Брюсселе) нет никаких

сомнений; все, что им нужно — это положительный отзыв человека на месте, который подтвердит, что машина пригодна для работы в местных условиях. «Подпись, вот все, что мне нужно», — говорил он себе, глядя в лужу черной воды.

«В пяти часах ходьбы», — сказал вождь, но прошло уже шесть, а они все еще продолжали идти. Мистер Левер ничего не ел — он хотел сначала добраться до Дэвидсона. Весь день он шел пешком по жаре. Лес, который скрывал его от палящих лучей солнца, не давал свежего воздуха и редкие полянки казались прохладнее, хотя слепящее солнце беспощадно жгло их. К четырем часам жара немного спала, но теперь он начал опасаться, что не найдет Дэвидсона до темноты. У него болела нога — он подцепил-таки ришту прошлой ночью — казалось, что кто-то держит горящую спичку у его пальца.

В пять часов они наткнулись на труп чернокожего.

Взгляд мистера Левера приковала еще одна прямоугольная яма на маленькой просеке, окруженной пыльной зеленью. Он заглянул в нее, и с ужасом увидел обращенное к нему лицо с выпученными глазами. Труп чернокожего пришлось согнуть почти пополам, чтобы втиснуть в яму, к тому же он распух и походил на волдырь, который можно проколоть иголкой. Мистера Левера затошнило, и он почувствовал себя бесконечно усталым; может быть, он даже решил бы вернуться, если бы они могли добраться до деревни прежде чем наступит темнота, но сейчас он мог только продолжать путь. К счастью, носильщики не заметили трупа. Он знаком приказал им идти дальше, и поплелся за ними, спотыкаясь о корни и преодолевая тошноту. Мистер Левер обмахивался своим тропическим шлемом, его широкое жирное лицо было потным и бледным. Никогда раньше ему не приходилось видеть неприбранный труп. Когда скончались его родители, их старательно обмыли и уложили; они действительно «уснули навеки» — в полном соответствии с надгробной надписью. Но нельзя думать о сне при виде выкаченных белков и распухшего лица. Мистеру Леверу очень хотелось прочитать молитву, но в

этом мертвом однообразном лесу молитва казалась неуместной, она как-то не шла.

В сумерках лес немного ожил, что-то завозилось в сухих растениях и ломких деревьях; вокруг болтали и визжали невидимые в темноте обезьяны. Мистер Левер походил на слепца, попавшего в толпу перепуганных людей, которые не говорят ему, чем они напуганы. Носильщики тоже боялись. Они бежали со своей пятидесятифунтовой поклажей при свете неровно вспыхивающего фонаря, и их плоские ступни, ступни людей, привыкших носить тяжести, мотались в пыли, как пустые перчатки. Мистер Левер нервно прислушивался: не звенит ли где москит — можно было ожидать, что они появятся в эти часы, — но ни одного москита не было слышно.

Потом на пригорке у небольшого ручейка они нашли Дэвидсона. Там была расчищена площадка, примерно, в двенадцать квадратных футов и разбита палатка. Дэвидсон вырыл еще одну яму. По мере того, как они поднимались по тропинке, перед ними неясно вырисовывались ящики с провизией, сложенные у палатки, сифон с содовой, фильтр и эмалированный таз. Было темно, было тихо, полы палатки были распахнуты, и мистер Левер подумал, что, может быть, в конце концов вождь все-таки сказал правду.

Мистер Левер взял фонарь и вошел в палатку. На кровати было распростерто тело. Сначала мистеру Леверу показалось, что Дэвидсон залит кровью, но потом он понял, что его рубашка, короткие брюки хаки и светлая щетина на подбородке были перепачканы черной рвотой. Он протянул руку и дотронулся до лица Дэвидсона. Кожа лица была так холодна, что мистер Левер принял бы его за мертвеца, если бы не почувствовал слабое дыхание на своей ладони. Он ближе поднес фонарь, и лимонно-желтое лицо сказала ему все, что он хотел знать, — об этом он не подумал, когда бой говорил о лихорадке. От малярии, конечно, не умирают, но в его мозгу всплыл обрывок газетной заметки, которую он прочитал в Нью-Йорке в девяносто восьмом году: вспышка эпидемии желтой лихорадки в Рио... в девяносто четы-

рех случаях из ста исход смертелен. Тогда это ему ни о чем не говорило, зато о многом говорит сейчас. Пока он смотрел, Дэвидсона снова начало рвать — его рвало без судорог, и он был похож на кран, из которого что-то вытекает.

Сначала мистеру Леверу показалось, что наступил конец всему — его путешествию, его надеждам, его жизни с Эмили. Дэвидсон был без сознания, и он ничем не мог помочь ему; временами его пульс бился так слабо и неровно, что мистеру Леверу казалось, что он уже умер, пока снова черная струя не выливалась у него изо рта. Его не стоило даже умыть. Дэвидсон был так холоден, что мистер Левер набросил поверх его одеял свои, но не знал, помогает ли он этим больному или, наоборот, губит его. Впрочем, выздоровление, если он вообще мог выздороветь, от этого не зависело. Носильщики развели костер за палаткой и варили рис, который принесли с собой. Мистер Левер раскрыл свой складной стул и сел около кровати. Он решил не спать, ему казалось правильным не спать, и он достал неоконченное письмо к Эмили. Сидя возле Дэвидсона, он пытался писать, но не мог придумать ничего, кроме тех слов, которые он уже так много раз повторил: «Следи за собой. Не забывай о портвейне и молоке».

Он заснул над блокнотом и проснулся в два часа ночи с мыслью, что Дэвидсон уже, наверное, умер. Он был еще жив. Мистеру Леверу сильно хотелось пить, и он чувствовал, как не хватает ему боя. Обычно после дневного перехода бой первым долгом разводил огонь и ставил на него чайник; пока он расставлял складные стол и стул, вскипала вода для фильтра. В дэвидсоновском сифоне еще оставалось с полчашки содовой. Если бы мистер Левер рисковал только своей жизнью, он бы сходил напиться к ручью, но он не должен был забывать об Эмили.

В палатке была пишущая машинка, и мистеру Леверу пришло в голову, что он вполне может начать писать отчет о своей неудаче, над отчетом он не уснет; сон казался ему неуважением к умирающему. Он нашел бумагу под письмами, отпечатанными, подписанными, но не заклеен-

ными в конверты, — Дэвидсон, должно быть, свалился совершенно неожиданно. Мистер Левер подумал, не сам ли Дэвидсон затолкал труп чернокожего в ту яму. Наверное, это был его бой, потому что в палатке ничего не говорило о слуге. Он установил машинку на коленях и начал: «В лагере близ Грэ...»

Как это несправедливо, что его заставили забраться в такую даль, истратить столько денег, надирать уже не молодое тело — и все это для того, чтобы кончить неизбежным крушением в темной палатке возле умирающего человека! Левер мог бы умереть и дома, там, где есть Эмили и плюшевая гостиная! Мысль о молитвах, которые он напрасно возносил, стоя на коленях у своей постели, среди проклятых червей, крыс и тараканов, заставила его взбунтоваться.

Москит, первый на его счету, звеня, закружился по палатке. Он с яростью прихлопнул его. Члены Ротариклуба не узнали бы мистера Левера в эту минуту! Моралью называют то, что дает человеку возможность жить счастливо и процветать среди своих близких, но мистер Левер не был счастлив, и он не процветал, а единственного близкого в этой душной маленькой палатке уже не беспокоит нечестность в рекламе или намерение мистера Левера возжелать добро ближнего своего. Когда человек открывает зависимость своих представлений от географических условий, он не может не переменить их. Торжественность Смерти! Смерть не торжественна, смерть — это лимонно-желтое лицо и черная рвота. Честность — лучшая политика! — совсем неожиданно мистер Левер понял всю фальшь этих слов.

И вот уже анархист счастливо восседал за машинкой, анархист, который не признавал ничего, кроме своего личного чувства и своей привязанности к Эмили. Мистер Левер начал печатать: «Рассмотрев чертежи и рекламации новой дробилки Льюкаса, я...»

«Я побеждаю», — подумал мистер Левер с дикой радостью. Это письмо будет последним, которое компания получит от Дэвидсона. Его распечатает младший компаньон в щегольски обставленной конторе в Брюсселе, по-

стучит ватермановской ручкой по фальшивым зубам и пойдет переговорить с мистером Гольцем. «Принимая во внимание все вышеизложенное, я рекомендую принять...» И они пошлют телеграмму Льюкасу. А Дэвидсон — никому не удастся точно установить, когда именно скончался от желтой лихорадки этот человек, доверенное лицо компании. Они пришлют на его место другого и приобретут машину... Мистер Левер тщательно скопировал на чистом листе бумаги подпись Дэвидсона. Подделка не удовлетворила его. Он перевернул оригинал вверх ногами и скопировал подпись в таком виде. Это он сделал для того, чтобы не выводить буквы своим почерком. Получилось лучше, но все же недостаточно хорошо. Он стал шарить в поисках ручки Дэвидсона, нашел ее и снова, и снова повторял подпись до тех пор, пока не уснул. Проснулся он через час и увидел, что фонарь потух, — выгорело все масло. Он просидел у постели Дэвидсона до рассвета, москит укусил его в лодыжку, он хлопнул ладонью, но слишком поздно — проклятый москит, звеня, вылетел из палатки. Когда совсем рассвело, мистер Левер увидел, что Дэвидсон мертв.

— Боже мой, боже мой, — пробормотал он, — бедняга!

С этими словами он деликатно сплюнул в уголок неприятный утренний привкус во рту.

Мистер Левер приказал носильщикам аккуратно уложить Дэвидсона в его яму. Больше он не боялся ни их, ни неудач, ни разлуки. Он разорвал свое письмо Эмили. Робкие, мягкие слова, полные нервозности и тайного страха — «Не забывай о портвейне. Следи за собой» — уже больше не передавали его настроение. Он будет дома раньше, чем могло бы придти письмо, и они заживут так, как им раньше и не снилось. Деньги за машину будут только началом. Теперь он думал уже не об Истборне, а о Швейцарии и чувствовал, что если даст себе волю, то, пожалуй, начнет помышлять и о Ривьере. О, он был так счастлив на этом, как он думал, «обратном» пути! Он освободился от того, что мешало ему всю его долгую педантичную жизнь, он избавился от страха перед совестью, перед судь-

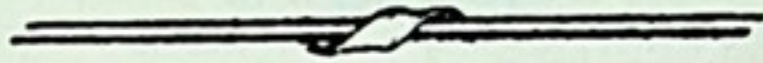
бой, которая метит бесчестность, метит распутную юбку на Пикадилли и даже лишний стакан «особого» у Стоуна. Наплевать ему теперь на все это...

Но тот, кто читает этот рассказ, тот, кто знает намного больше мистера Левра, кто может проследить полет москита от распухшего трупа чернокожего к палатке Дэвидсона, к лодыжке мистера Левра, тот, может быть, верит в бога, в милосердного бога, снисходительного к человеческим слабостям, готового дать мистру Левру три дня счастья, освободить его от галерных цепей на те три дня, в которые он шел обратно лесом, неся дилетантскую подделку в кар-

мане и инфекцию желтой лихорадки в крови.

Эта история могла бы поощрить и мою веру в любящего всемогущего бога, если бы я не видел своими глазами однообразный мертвый лес, в котором мистер Левр был так счастлив, в котором невозможно верить в существование духовной жизни, невозможно верить ни во что, кроме умирающей природы и засыхающего тростника.

Но, конечно, относительно всего могут быть два мнения — так любил говаривать мистер Левр, агент по продаже машин, которому доводилось пить и пиво в Германии и коньяк во Франции.

Великое СЕМИЛЕТИЕ

О. Кинкладзе

ЗАВТРА НАШЕЙ РОДИНЫ

Завтра нашей Родины!

За прошедшие четыре советских десятилетия мы научились видеть это завтра в грандиозных планах преобразования Родины, намеченных и осуществленных Коммунистической партией.

Завтра пока видится только в цифрах. В сухих, но в то же время необыкновенно красноречивых цифрах, предельно кратких, лаконичных формулировках и предложениях семилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны на 1959—1965 годы. Да, пока это только цифры, контрольные цифры. И тем не менее — они прокладывают мост в будущее, мост, по которому пройдут миллионы советских людей, превращая цифры и предложения тезисов в новые фабрики и заводы, шахты и рудники, электростанции и телевизионные центры, создавая мощные очаги культуры и фундаментальные труды, обобщающие закономерности общественного развития и практику социалистического строительства в нашей стране.

Тогда коммунизм из мечты о будущем человечества превратится в реальную действительность.

«В течение ближайших 15 лет, — говорится в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде

КПСС, — СССР выйдет на первое место в мире не только по общему объему производства, но и по производству продукции на душу населения, в нашей стране будет создана материально-техническая база коммунизма, что, вместе с тем, будет означать великую победу Советского Союза в мирном экономическом соревновании с наиболее развитыми капиталистическими странами». Вот главный итог великого пути, пройденного нашей страной, вот что радостно сознавать каждому советскому человеку, всем людям доброй воли.

Экономическая программа строительства коммунизма в нашей стране основывается на рациональном размещении промышленности с точки зрения близости сырья и наименьшей потери труда при его обработке, вплоть до получения готовой продукции. Поэтому Коммунистическая партия при разработке плана развития народного хозяйства на будущее семилетие исходила из необходимости правильного размещения производительных сил на территории страны в целях достижения наибольшего экономического эффекта и обеспечения дальнейшего подъема экономики всех союзных республик.

Коренная проблема предстоящего семилетия — указано в тезисах — это

проблема ускоренного развития народного хозяйства по пути к коммунизму, проблема максимального выигрыша времени в мировом экономическом соревновании социализма с капитализмом. По этому пути, полные готовности решить «коренную проблему предстоящего семилетия», идут народы, составляющие единую семью Союза Советских Социалистических Республик. По этому пути, в ногу со всеми братскими республиками, шагает и наша

ГРУЗИНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Завтра нашей Родины — это целое семилетие. Но семилетие не простое. За это время в нашей республике дальнейшее развитие получат химическая промышленность, машиностроение, производство чая и цитрусовых, садоводство и шелководство, виноградарство и виноделие, а также другие отрасли пищевой промышленности.

16,8 миллиардов рублей будет вложено в народное хозяйство Грузии за семилетие. Укрепляется топливно-энергетическая база; решено построить крупную электростанцию с использованием газового топлива, вводятся в действие новые мощности угольных шахт, новые рудники по добыче марганцевой руды и обогатительные фабрики; из отраслей машиностроения наибольшее развитие получают электротехническая промышленность и приборостроение; создается в крупных размерах производство электровозов; примерно в 6 раз вырастет продукция химической промышленности, в 2,2 раза увеличится производство минеральных удобрений; организуется выпуск новых видов химической продукции. За семилетие расширится производственная база первичного виноделия; производство чая возрастет в 1,5 раза, виноградного вина — в 2,5 раза; увеличится в 1965 году, по сравнению с 1957 годом, сбор фруктов, примерно, в 1,8, винограда — в 2,2, производство мяса — в 1,7, молока — в 2,4 раза. В 1959—1965 годах в колхозах и совхозах предусматривается заложить новые сады и виноградники на

площади около 78 тысяч гектаров и расширить цитрусовые насаждения.

Осуществление всех этих планов позволит решить задачу значительного повышения жизненного уровня народа, необходимого «...для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества». (В. И. Ленин).

Значительные успехи, достигнутые за годы Советской власти в развитии промышленности и сельского хозяйства, позволяют нам сейчас смело и решительно браться за решение таких задач, которые не под силу многим наиболее развитым капиталистическим государствам. Достаточно сказать, что валовая продукция промышленности Грузии за семилетие должна возрасти на три четверти — то есть на 75 процентов. В скором будущем Грузия станет республикой развитой химической промышленности и передового машиностроения. В течение ближайших семи лет в действие вводятся 15 чайных фабрик и 22 завода машиностроительной и электротехнической промышленности. Если учесть, что за прошлое семилетие у нас было создано только два электротехнических завода и 10 чайных фабрик, то значительный рост и несравненно более широкие шаги по пути движения вперед — налицо. Только по линии Совета Народного хозяйства республики за семилетие будет построено свыше **100 новых предприятий**. Помимо указанных выше заводов и фабрик за это время вступят в строй предприятия по производству стекловолокна, искусственной кожи, тонкосуконных тканей и другие. Мы должны завершить строительство таких гигантов индустрии, как Руставский металлургический завод имени Сталина и Кутаисский автомобильный завод имени Орджоникидзе, Тбилисский электровозостроительный завод и азотно-туковый завод в Рустави, и ряд других предприятий электротехнической промышленности и приборостроения. При окончании строительства Кутаисского автозавода будет учтена его дальнейшая специализация по выпуску грузовых автомашин, приспособленных к работе в горных ус-

ловиях. Потребность в таких машинах велика, и это обстоятельство значительно повышает ответственность грузинских автомобилестроителей за успешное решение возложенных на них задач. Одновременно завод должен освоить выпуск четырехтонных автотягачей. По сравнению с 1958 годом выпуск автомашин с маркой Кутаисского автозавода увеличится в 2,5 раза, а запасных частей к ним — почти в три раза. Значительно увеличивает свою мощность за предстоящее семилетие и Руставский азотно-туковый завод, на котором будет организован ряд новых производств. На базе первого в республике опытно-промышленного цеха электролитического перманганата калия, введенного в действие в нынешнем году, будет построен новый цех. Здесь же, в индустриальном Рустави будет создан крупный завод синтетического полиамидного волокна «капрон». Создание этого завода ускорит превращение города грузинских металлургов в центр не только металлургической, но и химической промышленности республики и определит дальнейший интенсивный рост Рустави — застройку его правобережной части, строительство новых объектов культурно-бытового назначения и т. д. Значительно расширяется и Батумский кофейный завод, который к концу семилетки должен увеличить производство кофеина на базе ресурсов чайной промышленности в 3,5 раза. Таким образом в Батуми мы будем иметь один из крупнейших в Союзе специализированных химфармзаводов. Новые заводы по различным отраслям промышленности создаются в Тбилиси, Батуми, Сухуми, Сталинири, Зестафони, Каспи и других городах республики. В Тбилиси, например, будут созданы заводы «Тбилиссельмаш» и «Электроизолит»; в Батуми — два завода электрокаров; в Сталинири — «Эмальпровод» и «Электровибромашина», в Зестафони — «Грузкабель»; в Каспи — «Электроизолит» и «Каспэлектромат». В столице нашей республики будут пущены заводы электроконденсаторов и искусственной кожи. Кроме того, намечается построить три текстильные и камвольную фабрики. Здесь же, в Тбилиси соору-

жаются 27 новых предприятий местной промышленности, в том числе 10 — по производству строительных материалов. Грузия будет производить электропылесосы типа «Щетка», настольные вентиляторы, сварочные машины, щелочные батареи, электродвигатели для различных машин бытового назначения и т. п. Проектом перспективного плана предусмотрено создание в республике четырех заводов по производству приборов и средств автоматизации контроля производственных процессов. Эти предприятия будут изготавливать пирометры, автоматические регуляторы, скоростеметры, дымометры. Одновременно в республике будет развиваться производство точных приборов, основанных на применении новейших достижений современной науки и техники.

За предстоящее семилетие значительно увеличится вклад нашей республики в тяжелую индустрию страны. Дальнейшее развитие получат черная и цветная металлургия, производство ферросплавов, добыча угля. Выпуск магистральных электровозов к 1965 году увеличится в 12,5 раза.

В результате перестройки управления промышленностью и строительством, как об этом справедливо указывается в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, резко возросла роль союзных республик в руководстве хозяйством. Вместе с тем, перестройка управления хозяйством положительно сказалась на решении целого ряда производственных вопросов, что значительно облегчило выполнение народнохозяйственных планов. Вот наглядный пример. Совсем недавно, меньше года тому назад, большая часть деталей электровоза изготовлялась на предприятиях, расположенных за пределами республики. Теперь Тбилисский электровоз строится в основном силами предприятий Грузинского экономического района.

Естественно, что в дальнейшем развитии промышленности Грузии соответствующее место займет производство сельскохозяйственных машин для удовлетворения, с учетом местных природных особенностей, нужд быстро развивающегося много-

отраслевого сельского хозяйства республики.

«В предстоящем семилетии, — говорится в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева, — задача состоит в том, чтобы добиться такого роста сельскохозяйственного производства, который позволит удовлетворить потребности населения в важнейших продуктах питания, резко увеличить ресурсы сельскохозяйственного сырья с тем, чтобы в изобилии обеспечить население продуктами питания в широком ассортименте, высокого качества и удовлетворить все другие потребности государства в сельскохозяйственных продуктах». Эта общая задача, поставленная партией на современном этапе коммунистического строительства, определяет и задачи дальнейшего развития сельскохозяйственного производства в Грузии.

Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959 — 1965 годы предусматривают дальнейший мощный подъем всех отраслей нашего многогранного сельского хозяйства. За годы предстоящей семилетки колхозы и совхозы республики будут внедрять наиболее продуктивные в местных условиях культуры и сорта растений, виды и породы скота. Субтропическое земледелие, а также виноградарство и садоводство, производящее ценные продукты для всего населения страны, являются гордостью республики, одним из главных источников доходов колхозов и сельских тружеников. Как уже было сказано, производство чая за семилетие возрастет в 1,5 раза. А это значит, что при расширении площади чайных плантаций до 700 тысяч гектаров сбор сортового чайного листа к 1965 году должен составить 170.000 тонн. Более чем вдвое намечается увеличить площади под виноградниками и заложить новые плантации с тем, чтобы сбор винограда в 1965 году увеличить примерно в 2,2 раза. Возросшие задачи, поставленные перед сельским хозяйством республики, вызывают необходимость расширения ряда отраслей пищевой промышленности, совершенствования технологических процессов, освоения производства новых видов продукции, повышения квалификации рабочих, служащих

и инженерно - технического персонала. Вместе с тем, задачи дальнейшего развития сельского хозяйства предусматривают совершенствование социалистических производственных отношений, сближение двух форм социалистической собственности — колхозной и общенародной. Это сближение постепенно будет проявляться в дальнейшем развитии колхозного строя, в росте производственных фондов, увеличении неделимых фондов колхозов и правильном их использовании, расширении межколхозных производственных связей по линии совместной организации промышленных, строительных и других хозяйственных предприятий, совместного строительства электростанций, дорог, школ, лечебных и культурных учреждений. По мере развития колхозного производства материальные и бытовые потребности колхозников все в большей мере будут удовлетворяться за счет общественного хозяйства. Поэтому подсобное хозяйство колхозников постепенно будет утрачивать свое значение.

Все это потребует значительного увеличения численности рабочих и служащих, занятых на наших заводах, фабриках, в сельском хозяйстве республики. Число рабочих и служащих в республике к 1965 году увеличится в Грузии на

100.000 ЧЕЛОВЕК

Не случайно совпала необходимость перестройки системы народного образования в стране с грандиозной программой развития народного хозяйства СССР, выработанной партией в период развернутого строительства коммунистического общества. В условиях дальнейшего мощного подъема всех отраслей экономики на базе преимущественного роста тяжелой индустрии, прогрессивного развития производительных сил и совершенствования социалистических общественных отношений создаются благоприятные условия для того, чтобы выдвинуть и успешно решить новые задачи коммунистического воспитания и образования нашей молодежи.

Эти новые задачи, возникшие на

современном этапе развития советского общественного и государственного устройства, являются как бы надстройкой над экономическим базисом, над условиями материальной жизни общества, следствием тех изменений в условиях производства материальных благ, которые происходят сейчас как в процессе развития производительных сил общества, так и в процессе развития производственных отношений. Совершенно очевидно, что для перехода к коммунизму необходима не только мощная материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности всех граждан социалистического общества. Поэтому успешное осуществление экономической программы коммунистического строительства требует решительного улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повышению их коммунистической сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, в духе социалистического интернационализма и патриотизма, в духе соблюдения высоких принципов морали нового общества.

И вот сейчас, в канун предстоящей реорганизации системы народного образования в стране, когда в каждой союзной республике разрабатывается план перехода на новую систему школьного образования, применительно к особенностям экономического и культурного развития республики, с максимальным учетом ее национальных и местных особенностей, — сейчас перед нами практически встает задача воспитания всесторонне развитой и подготовленной молодежи, призванной вступить в коммунистическое общество.

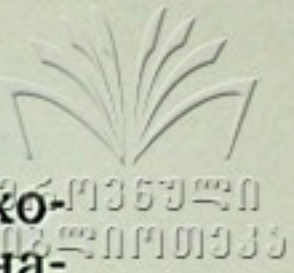
В тезисах о перестройке школьного образования указаны пути правильного решения этой задачи, исходные позиции, которые заключаются прежде всего в том, чтобы с определенного возраста вся молодежь вливалась в общественно полезный труд и ее обучение основам наук было связано с производительным трудом в промышленности или сельском хозяйстве. И если уж говорить о местных условиях, об особенностях экономического и культурного развития нашей республики,

то, помимо всего **остального**, **под** ними следует, прежде всего, **разуметь** обеспечение интенсивно развивающегося народного хозяйства и культуры Грузии нужными кадрами специалистов рабочих профессий, инженерно-технических работников средней и высшей квалификации, людей, нужных для работы в наших городах и сельских районах. Новая система народного образования, разработанная Центральным Комитетом партии и Советским правительством, позволит каждому юноше и девушке лучше подготовиться к жизни, получить определенную профессию и выбрать наиболее подходящий для себя путь получения законченного среднего образования.

Но какую избрать профессию?

Прежде всего, в самом процессе учебно-воспитательной работы школа будет знакомить учащихся с разнообразными видами труда в нашем обществе, помогая тем самым школьникам выявить имеющиеся у них склонности и свободно, сознательно, выбрать будущую профессию. Но, вместе с тем, знакомя учащихся с разнообразными видами труда в нашем обществе, школа должна исходить из задач перспективного развития различных отраслей промышленности и сельского хозяйства республики с тем, чтобы **свободный** выбор будущей профессии, гарантированный самой природой реорганизованной системы школьного образования, в то же самое время был и **сознательным**, в смысле учета местных особенностей экономического и культурного развития Грузии, в смысле учета реальных потребностей развития новых отраслей химической, электротехнической, машиностроительной и приборостроительной промышленности, в смысле учета потребностей расширяющейся базы первичного виноделия, производства чая, цитрусов, мяса, молока, фруктов, потребностей различных отраслей пищевой промышленности.

В предстоящем семилетии в республике значительно увеличатся темпы жилищного и коммунального строительства, начнется развитие газовой промышленности. Если учесть, что в период 1959—1965 годов только за счет государства в Грузии будут введены в эксплуата-

საქართველოს
რესპუბლიკის
საქართველოს
საქართველოს

цию жилые дома общей площадью свыше четырех миллионов квадратных метров, а в Тбилиси за это же время будет построено 700 тысяч квадратных метров жилья, то легко понять всю важность задачи подготовки строительных специальностей.

Да, завтра наша Родина потребует десятки, сотни тысяч всесторонне образованных, хорошо знающих жизнь и подготовленных к практической деятельности в различных отраслях народного хозяйства юношей и девушек.

Мы будем осуществлять автоматизацию производства, техническую реконструкцию железнодорожного транспорта, механизацию и электрификацию сельского хозяйства, дальнейшую широкую индустриализацию строительства, превращая строительное производство в механизированный процесс сборки и монтажа зданий и сооружений из блоков, частей и деталей, изготовленных в заводских условиях. Гигантский технический прогресс неизмеримо облегчит физический труд. Изменится сам характер труда, но физический труд, без которого немислимо гармоническое развитие человека, не исчезнет вместе с автоматизацией производства. Карл Маркс писал: «Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда, соединяются головной и ручной труд». Так что физический труд исчезнуть не может. Но содержание его безусловно изменится. Ускоренное развитие механизации, автоматизации и химизации производства, широкое применение электроники, счетно-решающих устройств и т. д. коренным образом изменят характер труда, все более приближая труд рабочих и колхозников к труду инженеров, техников, агрономов и других специалистов сельского хозяйства. Умение обращаться с совершенными станками, точнейшими измерительными, контролирующими приборами и аппаратами, знание сложных технических расчетов и чертежей предъявят еще более высокие требования ко всем труженикам нашего общества, особенно к молодежи, для которой разностороннее образование становится насущной потребностью.

В этих условиях возникла необходимость проведения перестройки народного образования с тем, чтобы наша средняя и высшая школа играли более активную роль во всей созидательной деятельности советского народа. Поэтому отныне, как об этом говорил товарищ Н. С. Хрущев на XIII съезде комсомола, «каждый юноша, каждая девушка, должны знать, что учась в школе им надо готовить себя к труду, к тому, чтобы создавать ценности, полезные для человека, для общества. У каждого, независимо от положения его родителей, должна быть одна дорога — идти учиться, и, научившись, — работать».

Всего этого настоятельно требует завтра нашей Родины.

Сейчас каждый из нас должен понимать, что коммунизм предполагает всестороннее духовное и физическое развитие человека. Поэтому особое внимание следует уделять формированию коммунистического мировоззрения молодежи, воспитанию активных, сознательных строителей коммунистического общества, беззаветно любящих свою Родину и ненавидящих ее врагов. Наша молодежь должна умело и настойчиво сочетать труд на производстве с учением, быть на уровне современных знаний, овладевать достижениями социалистической культуры. В связи с этим значительно более высокие требования предъявляются работникам грузинской советской литературы и искусства, которые призваны сыграть важную роль в формировании коммунистического мировоззрения молодежи. Произведения литературы и искусства должны полнее отображать важнейшие изменения, происходящие в материальной и духовной жизни нашего народа, быть активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, формирования высоких эстетических вкусов, пропаганды принципов коммунистической морали.

В дальнейшем улучшении, усилении и совершенствовании нуждается вся наша агитационная и пропагандистская работа, в которой активное участие должны принять деятели литературы, кино, театра, музыки и живописи, призванные самыми раз-

нообразными средствами разяснить перспективы развития социалистического народного хозяйства и культуры, помогая осознать народу, что ускоренное развитие народного хозяйства по пути к коммунизму и максимальный выигрыш времени в мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом, это —

КОРЕННАЯ ПРОБЛЕМА СЕМИЛЕТИЯ

Решение этой проблемы за возможно короткий исторический период будет иметь огромное политическое и экономическое значение для дальнейшего укрепления могущества нашей страны и достижения убедительной победы над капиталистическими странами в мирном соревновании. Величественные перспективы семилетнего плана, имеющего целью дальнейший бурный рост производительных сил общества, повышение жизненного уровня народа и создание обилия материальных и духовных благ для трудящихся, свидетельствуют о великой жизненной силе социализма, о его бесспорном экономическом и социальном превосходстве над отживающим свой век капитализмом. В эти исторические дни с новой силой звучат пророческие слова В. И. Ленина о том, что «только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни».

«Советский народ, — говорится в тезисах доклада о контрольных цифрах, — сплоченный вокруг своей Коммунистической партии, достиг таких вершин, осуществил такие грандиозные преобразования, которые дают возможность нашей стране вступить теперь в новый важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества. Главными задачами этого периода будут задачи всестороннего создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашей Родины и одновременно все более полного удовлетворения растущих ма-

териальных и духовных потребностей советского народа. Это будет решающий этап соревнования с капиталистическим миром, когда практически должна быть выполнена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Коммунистическая партия, весь советский народ полны уверенности, что эта задача будет решена успешно».

Вот эта наша уверенность в победе и вызывает глубокую радость у всех друзей и растерянность у всех недругов социализма.

Враги социализма обеспокоены тем, что страна Советов, как писала американская газета «Нью-Йорк таймс», «будет служить примером быстрого экономического развития». А что означает «экономическое развитие» в условиях социализма, где в отличие от капитализма обеспечивается справедливое распределение продуктов общественного труда между всеми работниками социалистического общества? Это, прежде всего, означает, что на современном этапе развития, когда в стране создана мощная промышленность и крупное сельскохозяйственное производство, имеются все необходимые условия для того, чтобы в ближайшее время наш рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, все советские люди стали жить еще лучше, чтобы максимально удовлетворялись их постоянно растущие материальные и духовные потребности. Рост производства при социализме ведет к неуклонному подъему благосостояния всего народа, ибо законом развития советского общества является непрерывный рост благосостояния народа на основе развития социалистического производства и повышения производительности труда. Мы уже говорили о темпах развития жилищного и коммунального строительства. В нашей республике развертывается большое жилищное строительство, в которое за предстоящее семилетие будет вложено свыше трех миллиардов рублей — или на 86 процентов больше, чем за прошлые семь лет. Такая возможность увеличения объема жилищного строительства также является результатом мощного развития производи-

тельных сил общества, обеспечивающего непрерывный рост национального дохода, используемого в интересах систематического роста уровня жизни народа и расширения социалистического производства. Условия материальной жизни общества, являющиеся источником формирования его духовной жизни, создают возможность перехода на сокращенный рабочий день и уменьшения числа рабочих дней в неделю без уменьшения заработной платы. В итоге мы будем иметь самый короткий в мире — шести-семичасовой рабочий день и самую короткую, с двумя выходными днями, рабочую неделю. Естественно, что изменения в условиях труда и материальной жизни советских людей окажут влияние и на изменение самого образа их жизни и высвободят значительное количество времени для удовлетворения разнообразных духовных потребностей членов общества. Все это, как учит марксизм-ленинизм, означает, что в процессе строительства коммунистического общества, вместе с гигантским ростом производительных сил и бурным развитием технической мысли, вместе с коренными изменениями, происходящими в материальном производстве, меняется и сам человек, формируется его коммунистическое мировоззрение, преобразуется вся духовная жизнь общества, так как известно, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». В воспитании нового человека и более полного удовлетворения его растущих духовных запросов в дальнейшем еще большую роль будут играть литература и искусство, кино, печать, радио и телевидение, наука и техника, для быстрого развития которых в предстоящем семилетии будут созданы все необходимые условия.

На ярком фоне успехов развития хозяйства и культуры во всех странах социализма экономическая программа развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране еще раз с большой силой разоблачает измышления врагов мира и прогресса о том, что социалисти-

ческая революция несет с собой разрушение цивилизации. Ибо вся практика социалистического строительства в нашей стране предстает перед всем миром как наглядный и убедительный пример того, что на самом деле только при социализме начинается стремительное, действительно массовое движение вперед во всех областях общественной и личной жизни, бурный рост материального производства, подъем благосостояния трудящихся и невиданный расцвет науки и культуры. Поистине идеи марксизма-ленинизма, овладев массами, стали великой материальной силой, преобразующей общество на принципах коммунизма.

* * *

Опубликование тезисов о контрольных цифрах развития народного хозяйства и дальнейшем развитии системы народного образования для всенародного обсуждения, как указывал товарищ Н. С. Хрущев, красноречиво говорит о том, что «в нашем советском обществе принципы демократии не только провозглашены, но и последовательно проводятся в жизнь». И не случайно, что именно сейчас, когда повсеместно развернулось широкое обсуждение грандиозного плана строительства коммунистического общества, в гуще живой творческой деятельности нашей славной молодежи возникло замечательное движение — коммунистическое соревнование в честь предстоящего XXI съезда КПСС и родились бригады коммунистического труда. Движение за создание бригад коммунистического труда с поразительной быстротой охватило всю страну. Родились эти бригады и на предприятиях Грузии. Рабочая и сельская молодежь нашей республики развернула предсъездовское соревнование и самоотверженно борется за то, чтобы учиться, жить и работать по-коммунистически. И чем раньше мы научимся этому, тем скорее восторжествует принцип «от каждого по его способностям — каждому по его потребностям».

И тогда наступит завтра нашей Родины.

Ш. Радиани

Лирика Галактиона Табидзе

К пятидесятилетию творческой деятельности

Галактион Табидзе — народный поэт Грузии — сыграл огромную роль в развитии новейшей грузинской поэзии. Новатор с первых дней своей творческой деятельности, он внес большой вклад в развитие всей грузинской поэтической культуры.

Г. Табидзе — художник большой душевной щедрости, широкого диапазона человеческих чувств и настроений. Его стихи поражают глубиной содержания, эмоциональной силой, многогранностью переживаний, гармонией и богатством красок. «В лирическом стихотворении, — писал Н. Добролюбов, — выражается непосредственное чувство, возбужденное в поэте известным явлением природы или жизни, и главное дело здесь не в самом чувствовании и в пассивном восприятии, а во внутренней реакции тому впечатлению, которое получается извне. Чувствовать наслаждение прекрасным видом, свежим весенним утром, вечерней прогулкой вдвоем и пр. и пр. могут очень многие; но немногие умеют эти впечатления поймать в душе своей и выразить так, чтобы дать их и другим почувствовать. В этом-то умении овладеть внешним впечатлением и воспроизвести его в звуках и состоит существенная сила лирического таланта». В своих стихах Г. Табидзе не только рассуждает о человеческих чувствах, но и живет этими чувствами. Не случайно, что грузинская ли-

тературная критика нередко называла его «лириком из лириков».

В творчестве поэта эмоциональность стиха органически сочетается с глубиной содержания. Затрагивая в своих произведениях большие проблемы, поэт, опираясь на многовековой опыт народной и классической поэзии, стремится к широким социально-философским обобщениям...

Началом творческого пути Галактиона Табидзе надо считать 1908 год, когда он выступил в Кутаиси на нелегальном собрании учащихся со своим стихотворением «Первое мая». В этом произведении, созданном в период безудержного разгула черных сил реакции, поэт высказал глубокую уверенность в конечной победе трудового народа. Он писал:

Время настанет,
Цепи ломая,
Счастье добудет,
Народ трудовой!

Слаблю грядущее
Первое мая,
Слаблю грядущий
Решительный бой!

«Первое мая». Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой.

Поэт в эти годы с надеждой и верой всматривается в будущее, горячим словом поэзии штурмует силы тьмы и реакции, веря, что объединившийся народ порвет цепи рабства.

В стихотворении «Солнце взойдет...», написанном в 1910 году, он с надеждой говорит о Солнце — символе свободы. Поэт знает, что лишь выглянет солнце и «уходят горе, отчаянье, страх», ибо Солнце свободы своими животворными лучами озаряет весь край. Г. Табидзе в самом начале своего творческого пути заявляет:

Я люблю лишь буйство бури,
По морям стремящей лёт,
По горам ревушей громом,
Разрывая небосвод!

«Я люблю лишь буйство бури...» Перевод
В. Бугаевского.

Буря первой русской революции навсегда осталась для Г. Табидзе источником романтических настроений:

Я, полюбив, пронес любовь сквозь годы,
Мне и сейчас переполняет грудь
Дыханье той любви и той свободы...

«Спой мне». Перевод Н. Гребнева.

Но было бы ошибкой видеть в до-революционном творчестве Г. Табидзе лишь подобные оптимистические настроения. На некоторые его до-революционные произведения заметное влияние оказал символизм.

Декадентская поэзия призывала в годы реакции к «переоценке ценностей», к уходу от жизни, от активной общественной деятельности. Гражданскую тему, призыв к борьбе за свободу она стремилась заменить проповедью индивидуализма, отрицания действительности, мистико-религиозными настроениями. Социальная тематика в произведениях писателей-декадентов подменялась слащаво-камерными мотивами, а вера в жизнь — разочарованием и безысходной тоской. Декаденты стремились увести народ от активной революционной борьбы.

Эта удушливая атмосфера коснулась и поэтического мышления молодого Г. Табидзе, внесла и в ряд его произведений мотивы безысходной тоски. Трагически воспринимая действительность, молодой Г. Табидзе в своих лирических стихах жаловался на то, что «мрачное время» погасило в нем «утреннюю радость жизни», наполнив сердце скорбью и печалью.

Трагизм жизни и творчества

Г. Табидзе эпохи реакции заключался в том, что его светлые, благородные мечты и устремления столкнулись с суровой действительностью, порождая строки романтической скорби. Г. Табидзе откровенно говорил о своей боли и печали. По словам поэта, каждая минута его жизни была отравлена ядом, его душу терзали жестокие ветры. Воспоминания о безвозвратно умчавшихся днях детства и мысль о несбывшихся мечтах юности вызывали в нем безграничную тоску и горькие слезы разочарования.

Тоска в его стихах одинаково преследовала как человека, так и природу. Рисуя картины природы, Г. Табидзе, в сущности, рисовал самого себя. Поэтому в его стихах того периода часто фигурировала тоскливая осень с пожелтевшими листьями деревьев и хмурым небом или жестокая зима, все покрывшая снегом. В этом отношении характерно стихотворение «Цветы персика». Нарисованная в нем картина во многом отражала душевное состояние самого автора. Подобно персиковому дереву, оголенному жестоким ветром, поэт был окружен мрачной действительностью, подтачивавшей, по его словам, жизненные силы и надежды на светлое будущее.

Но вот начался новый революционный подъем. И это не могло не повлиять на творчество Г. Табидзе, который, несмотря даже на мотивы скорби и печали в его поэзии, никогда не терял веру в торжество светлой, радостной жизни. «О не думай, что я схоронил все мечтанья эпохи заветной», — говорил поэт в стихотворении «Я эти цветы сберегу».

А в известном «Письме к друзьям», написанном еще в 1916 году, он с большой ясностью исторической перспективы говорил о революции, как о своей самой сокровенной мечте:

Друзья! И я хочу, чтоб нам виденьем
дивным

Теперь свобода светлая предстала.
О, как желаю я сильней расправить
крылья!

Я знаю—нашей Грузии любимой,
Отчизне нашей даст красу и силу
Век революции, век долгожданный!
Пусть грянет, наконец, симфонией могучей
Повсюду лира наших чувств и мыслей!

Перевод И. Поступальского.

В те дни в произведениях Г. Табидзе особенно сильно зазвучали светлые, бодрые мотивы, призывающие к борьбе:

Кого бояться, чего бояться?
Зачем тревожить тень прошедших лет?
Пусть жизнь полна печали и препятствий,
Но без препятствий и геройства нет.
Пойду сквозь грозы по дорогам торным—
Ведь счастье недоступно без борьбы —
И к новой жизни ринусь, непокорный,
Преодолев безвыходность судьбы.

«Наперекор судьбе». Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой.

Поэт, захваченный жаждой битвы, думает о судьбе народа, мечтает о его свободе:

Сегодня я не тот, кем был когда-то,
Забилось сердце пламенно в груди,
Освободи мне путь, туман проклятый,
Сырая ночь, мне путь освободи!
Всегда вперед, пока землей не стану,
С судьбой своей я слажу как-нибудь.
Не застилайте солнце мне, туманы,
Сырая ночь, не преграждай мне путь!

Седой туман навеки уничтожу,
Сырую ночь рассею навсегда.

«Сегодня я не тот». Перевод Н. Николаевской и И. Снеговой.

Битвы я жажду, чтоб снова
Выйти навстречу врагу.
Павших прощальное слово
Я позабыть не могу.

В битву за дело святое!
Тянется к сабле рука...

Склоним ли мы в униженье
Стяг наш пред лютым врагом?

В битву скорее!... Забвенье
В ярости боя найдем!

«Битвы я жажду». Перевод В. Бугаевского.

Стремление поэта, как можно ближе подойти к действительности проявилось также и в других его произведениях. В стихотворении «Никогда» он говорит, что наступает весна, все расцветает и манит к жизни. Поэт верит в приход весны, весны надежд, сбывшихся наяву, весны, ради которой он живет.

Но не вечны в этом мире немота
и омертвенье, —
За зимой весна приходит, а с весной —
пробужденье.

«Пеленой снегов укрыты». Перевод Э. Александровой.

Поэт мечтает о социальных переменах, верит, что придет конец безрадостным дням, чувствует настроение народной борьбы, предвещающее близость революционного взрыва. Он хорошо понимает, что для активного участия в борьбе народа ему нужно освободиться от сковывающих сердце тоски и неверия. «С годами сердце закалилось. И сам я стал иным», — говорит Г. Табидзе в стихотворении «Обновление».

Поэт с радостью встретил падение царского режима в феврале 1917 года. Он от души приветствовал солнце революции:

Солнце встает над землей отуманенной.
Шумите, знамена!
Сердце к свободе летит, словно раненый
Мчится олень к потоку кипучему.
Шумите, знамена!

Слава когортам в грозе закаленным!
Слава ведущим на бой миллионы!
Утро! Теснее сплотитесь, колонны!
Знамена! Знамена!
Шумите, знамена!

«Знамена». Перевод В. Державина.

Однако поэт вскоре убедился в том, что Февральская буржуазная революция не принесла облегчения народу. Она по существу осталась чуждой интересам трудящихся.

Октябрьская революция застала Г. Табидзе в Петрограде — в самом центре великих событий, всколыхнувших весь мир, положивших начало новой эре в развитии человеческого общества. Возвратившись в Грузию, Табидзе принес на родину песню обновления страны. Он первым из грузинских поэтов воспел Ленина, как вождя народа, вождя социалистической революции. Стихотворение Г. Табидзе «Корабль «Даланд» явилось художественным отображением неизгладимых впечатлений, полученных в революционной России:

Я возвращался на родину новой
дорогой...
Поднят с постели, томился и хмурился
малость...
Отчая кровля казалась такой бесконечно
далекой.
Да и была ли она? Может быть, лишь
вспоминалась?

Воспоминаний толпа вслед за мною
летела.
Ленин, Москва, Петроград, Кремль...
И в дрожанье и в стуке
«Даланд» волну рассекал, и Черное
море кипело...

«Корабль «Даланд». Перевод Н. Забо-
лоцкого.

Но в Грузии тогда еще хозяйничали меньшевики — предатели интересов грузинских трудящихся. Г. Табидзе, веривший, что с крушением монархии наступит счастливая эпоха в жизни родного народа, оказался жестоко обманутым в своих надеждах. Его вновь охватило отчаяние. Восторженность, вызванная в нем революционной бурей, сменилась тоской. Из уст лирика вновь вырываются печальные признания. К счастью, поэт недолго был в плену этих настроений.

Галактион Табидзе восторженно приветствовал новую жизнь, был одним из первых поэтов Грузии, безоговорочно вставших на революционные позиции сразу же после установления Советской власти в республике и всецело посвятивших свое оружие поэтического слова интересам народа. Социалистическая революция указала поэту конкретный выход на широкую дорогу реалистического искусства, дорогу служения интересам народа. В статье, опубликованной в 1921 году, Г. Табидзе писал: «Нашему веку теперь нужны неугомонные пегасы. Эти пегасы стоят у порога новой эпохи и ждут отважных воинов... Новые поэты и новые герои Грузии создают новые песни, новую поэзию... Здесь для поэзии открыта широчайшая арена. Будет создана новая поэзия с обновленным духом нашего романтизма (романтизм всегда был, есть и будет одним из главных качеств искусства), она озарится светом музыки и красок, наполнится молодой мощью... Современность, выпестовывая свое искусство бесстрашными руками, удивит весь мир примерами геройства и рыцарства. Мы всегда были с народом, но в будущем должны с еще большей смелостью приблизиться к нему. В народе накоплено множество чувств — жажда любви, жажда мечты... Наше приближение к народу покажет, с какой жадностью набросится он на художественное произведение».

И далее: «От имени народа мы обязаны отвергнуть кафешантанную поэзию. Ведь она характерна лишь для периода крайнего упадка, декаданса. Здесь поэзия становится искусством «скандалов», оправданным для людей, не имеющих никакой идеологии. Мы должны целиком освободиться также от того консерватизма, которым частично скована современная поэзия. Необходимо найти новый ритм слов, ни на минуту не забывая, что грузинская поэзия обладает собственной жизнью, собственным историческим процессом».

Поэт, встав в один строй с победившим народом, с энтузиазмом говорит о рождении новой эпохи. Он вновь и вновь вспоминает дни Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде, вспоминает Смольный, В. И. Ленина:

Бессмертный Смольный той поры —
Меч, наковальня, молот ярый!
Гремела в нем сильна, юна,
Шестая часть земного шара.

Бессонный Смольный, великан,
В пылу уверенной работы —
Идеей светлой озарен,
Казался символом заботы!

И, видя пулеметный ствол, —
В высокой вере неизменен —
Я на вопрос: «Кто нужен вам?»
Ответил, не колеблясь: «Ленин!»

«Идея». Перевод И. Поступальского.

Вдохновляемый строительством новой жизни, ведущим Родину к светлому будущему, Г. Табидзе создает целый ряд замечательных произведений. Он поет о счастье Родины, родного народа:

Всюду красок ликование,
И куда я не взгляну —
Вижу радость созиданья,
Охватившую страну.

«Перед алым ликом солнца». Перевод
В. Бугаевского.

Поэт много размышляет об искусстве и его отношении к народу, к современности. И это вполне понятно, ибо в первые годы революции эта проблема со всей остротой вставала перед каждым писателем и художником, стремившимся связать свою судьбу с судьбой освобожденного народа.

Галактион Табидзе со всей полно-

той сознает, что истинный поэт должен быть активным участником строительства новой жизни, нового общества. Такое понимание роли советского поэта он ясно выразил в своем призыве:

Отважный, истинный поэт,
Большую утверждая веру,
На стройке наших бурных лет
Уподобляйся инженеру.

«Отважный, истинный поэт». Перевод
В. Гаприндашвили.

И эти слова в устах поэта-лирика вовсе не случайны. Они органичны для художника, воспринявшего революцию, как свою революцию, и провозгласившего, что «талантов всех сильней, властей — талант служения отчизне». Г. Табидзе стремится свое искусство, поэзию поставить на службу народу, родине:

Музыкант,
Поэт
И живописец,
Все,
Кто в краски, в музыку
Влюблен,
Дайте руки мне
И становитесь
Все под сень
Коммунистических знамен!

«Первое мая». Перевод Б. Брика.

Главное место в поэзии Г. Табидзе отныне занимают чувства радости и счастья. Но, говоря о подвигах советского человека, он не только декларирует свое сочувствие новому, он активно борется за конкретное художественное отображение всего многообразия явлений действительности.

Да, социалистическая действительность в корне изменила тематику стихотворений Табидзе. Они наполнены пафосом социалистического строительства, посвящены советским людям, их героическому труду.

Г. Табидзе говорит:

Творчество — сила,
Ведущая вдаль непрестанно,
Щит нам и шлем,
И надежная наша охрана!

«Дни наши солнечны...» Перевод Н. Манухиной.

Галактион Табидзе славит освобожденный труд советского человека

(«Улица кузнецов», «Время пламенным вихрем летит», «Песня об обновленной Грузии», «Рустави», «Типографский рабочий», «В Колхидской низменности», «Заработай, машина!», «Колхозница» и др.). В освобожденном, созидательном труде поэт видит залог новых побед советского народа, его светлого будущего.

Патриотизм, безграничная преданность Отчизне — эти благороднейшие черты советского человека нашли свое яркое отражение во многих произведениях Г. Табидзе. С особой силой звучали они в его стихах, созданных в годы Великой Отечественной войны. Каждая строка, написанная им в эти годы, содержит пламенный призыв к защите свободы, чести и независимости Родины:

К оружию, братья, коль пришла беда,
Чтоб вновь над нами небо стало ясным,
Чтоб вновь звучали песни в честь труда,
Труда, что сделал нашу жизнь
прекрасной.

«К оружию, братья». Перевод В. Бугаевского.

В тяжелую годину войны все помыслы поэта неразрывно связаны с родной страной:

Родина, сердце заботой тревожа,
Мысль о тебе неразлучна со мной.
Лишь о тебе помышляет герой
В смертный свой час: «Ты всего
мне дороже!»

Ветер осенний пронизет до дрожи,
Встретит буранами зимняя ночь:
Все для отчизны смогу превозмочь,
Преданным ей быть — всего мне дороже.

«Родине». Перевод В. Бугаевского.

Поэт восхищен героизмом советских воинов, мужественно отстаивавших свободу и независимость социалистической Отчизны, всегда готовых пожертвовать собой ради ее счастья и благополучия:

И герой бестрепетно в бою
Встретит смерть, за родину сражаясь.
«Жизнь, тебя я славлю и пою!», —
Он промолвит, с нею расставаясь.

«Жизнь, тебя мы славим». Перевод В. Бугаевского.

В стихах поэта тех лет звучала твердая уверенность в победе советского народа:

Наш народ сплотился,
Рей свободы знамя!
Знаем, что победа
Будет, будет с нами!

«Жизнь моя — Отчизна». Перевод И. Поступальского.

И в День Победы с ликующим голосом народа слился ликующий голос поэта:

Вот и тучи сбежали с небес,
Вот знакомое видно селение,
Что, как родина, освежено
Кистью мирного восстановления.

Звук чонгури... Среди тополей
Стены дома белеют приветом.
Это завтрашний день из окна
Изливается радостным светом.

«Возвращение». Перевод В. Цвелева.

Особое место в произведениях Г. Табидзе занимает цикл стихов, с большой художественной убедительностью рисующих неприглядную картину современного капиталистического мира. Этот цикл родился в результате путешествия поэта в 1935 г. по странам Западной Европы. Свои впечатления Г. Табидзе передал в таких замечательных стихотворениях, как «Безработный», «Маленький Пьер», «Слово рабочего», «Юманите», «Уличный певец», «Смерть безработного», «Бесприютная мать». Особо нужно отметить идеи интернационализма, пронизывающие все стихотворения этого цикла.

Значительное место в творчестве Г. Табидзе занимает тема дружбы народов. Здесь и стихи, посвященные Пушкину, Лермонтову, Шевченко, и произведения о Москве, Ленинграде, Киеве. Поэт воспекает в них братский союз советских народов, строящих коммунизм, славит свою могучую Родину.

Поэзии Г. Табидзе всегда были чужды самоцельные формалистические эксперименты. Своеобразие формы его стихов всегда было мотивировано их содержанием и тесно связано со всем композиционным построением произведения. Классическая простота, яркость сюжета и точность деталей — такова отличительная черта многих стихов Г. Табидзе. Образцом в этом смысле может слу-

жить стихотворение «В гостях», в двадцати восьми строках которого автор сумел поведать о целой жизни нескольких героев произведения.

Произведениям Г. Табидзе присуща богатейшая образность и метафоричность. Каждый его образ нов, оригинален. Стих Г. Табидзе очаровывает читателя своей гармоничностью и мелодичностью, своей стройнейшей ритмической и фонетической организацией. Но тут надо заметить, что музыкальность стиха в поэтическом творчестве Г. Табидзе вовсе не является элементом самодовлеющим. Она лишь подчеркивает и усиливает его смысловую сторону.

В своем творчестве Г. Табидзе тесно связан с русской поэзией. Однако было бы неправильным утверждать, что эта связь, хотя бы в какой-то мере, оторвала поэта от национальной почвы, от ее поэтических традиций. Наоборот, его стихи насыщены ярким национальным колоритом. Корни его творчества — в грузинской поэзии девятнадцатого века. Его учителями и вдохновителями были Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела и др. Грузинская классическая литература, пронизанная передовыми идеями гуманизмом, любовью к народу, оказала на поэта свое благотворное и мощное влияние.

★ ★ ★

С именем Галактиона Табидзе связан значительный период в развитии грузинской поэзии, в развитии грузинской литературы. Вся поэтическая деятельность Г. Табидзе — образец безупречного служения писателя интересам Родины, его тесной связи с жизнью народа. И прав был поэт, когда говорил, оглядываясь на свой многолетний путь служения родному народу:

Я подымался выше по ступеням
Идей, рожденных нашею эпохой,
Я творчеством народа вдохновлялся
И честной песней вдохновлял народ!
И звание народного поэта
За то мне стало счастьем величайшим,
Что лира революции служила,
Была моей винтовкой боевой.

«Сквозь тридцать лет». Перевод В. Цвелева.

ЗА ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ

Из года в год шахматное искусство приобретает такую огромную популярность, что скоро, вероятно, не найдется человека, который не знал бы имен прославленных шахматистов, не следил бы за их выступлениями в многочисленных соревнованиях. Особенно большой любовью пользуются шахматы в нашей стране.

Необыкновенно возрос интерес к шахматам за последние годы и в Советской Грузии, где игра эта была известна и любима с давних пор. Совсем недавно блестящим выступлением в финале женского шахматного чемпионата СССР порадовала своих земляков Нона Гаприндашвили. Ей удалось занять в турнире третье место, опередив таких опытных шахматисток, как чемпионка мира Елизавета Быкова, экс-чемпионка мира Ольга Рубцова, мастера Валентина Борисенко, Ольга Игнатьева, Сальме Ротаре и многие другие. Неплохо сыграли в чемпионате и другие представительницы Грузии — Чайковская, Какабадзе, Тогонидзе.

Больших успехов добился за последнее время и молодой растущий грузинский мастер Бухути Гургенидзе, поделивший в XXV юбилейном чемпионате страны в Риге седьмое и восьмое места с гроссмейстером Ефимом Геллером. Б. Гургенидзе уже дважды успешно выступал за сборную студенческую команду СССР, отлично дебютировал в минувшем году в международном турнире в Софии.

Проходящий сейчас в Тбилиси XXVI чемпионат СССР, в котором двадцать сильнейших шахматистов страны оспаривают золотую медаль, вызывает у тбилисцев огромный интерес. Давно они не были свидетелями такого замечательного турнира. Ведь подобное соревнование проводилось в столице Грузии двадцать два года назад!

...Шел 1937 год. В Тбилиси съехались участники X шахматного первенства

СССР. С волнением наблюдали зрители за игрой известных советских шахматистов Григория Левенфиша и Вячеслава Рагозина, Александра Константинопольского и Владимира Макагонова, Виктора Гоглидзе и Сергея Белавенца, Всеволода Раузера и Георгия Лисицина... Победа в турнире досталась тогда одному из старейших шахматистов страны, ныне гроссмейстеру Григорию Левенфишу.

Многое изменилось с тех пор. Нет уже в живых знаменитого советского шахматного теоретика Всеволода Раузера. Пал смертью храбрых, защищая Москву от нашествия фашистских захватчиков в грозном 1941 году, талантливый мастер Сергей Белавенец. Гроссмейстер Рагозин — ныне вице-президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ), редактор журнала «Шахматы в СССР». Не выступают уже в состязаниях и гроссмейстер Левенфиш, мастера Гоглидзе, Макагонов, Юдович.

На смену ветеранам шахматного искусства пришли новые поколения советских шахматистов. Пришли, чтобы так же высоко нести знамя самой передовой в мире отечественной шахматной школы, из года в год приумножать ее успехи.

Минувший 1958 год был ознаменован блестящими творческими и спортивными достижениями наших шахматистов.

Рига — Москва — Порторож — Мюнхен — вот перечень тех географических точек земного шара, где развернулись в истекшем году «главные шахматные сражения». Начались они в конференц-зале Рижского Дворца науки, где проходил юбилейный XXV чемпионат.

19 сильнейших советских шахматистов съехались в Ригу, чтобы бороться за золотую медаль чемпиона СССР, за право выступать в межзональном турнире. Правда, среди участников состязания не было трех корифеев — Михаила Ботвинника, Василия Смыслова и Пауля Кереса, но зато играли Михаил Таль,

Борис Спасский, Бухути Гургенидзе, Лев Полугаевский и другие представители талантливой молодежи.

В начале и в середине турнира трудно было предположить, что звание чемпиона страны вновь достанется молодому рижанину Михаилу Талю. Но получилось именно так. На финише Таль добился небывалого результата—9 очков из 10 возможных.

Справедливости ради надо отметить, что Талю повезло в последней партии турнира со Спасским. Но «сильным везет!»—гласит «шахматная» поговорка. К тому же Таль, как всегда, играл смело и был вознагражден за это. А то, что его результат не является случайным, он блестяще подтвердил затем и в межзональном турнире в Портороже и на XIII шахматной олимпиаде в Мюнхене.

Второе, третье и четвертое место в турнире заняли гроссмейстеры Тигран Петросян, Давид Бронштейн и Юрий Авербах. Все они завоевали право выступать в межзональном турнире.

Много интересного можно было бы рассказать о юбилейном чемпионате. Не обошлось в нем и без комического происшествия. В партии со Спасским гроссмейстер Котов забыл... об элементарном шахматном правиле: нельзя делать рокировку, когда король находится под шахом. Надо было видеть выражение лица Спасского, когда он объявил шах, а Котов, не взирая на это, рокировал. «Незаконный» ход был, конечно, немедленно отменен судьями турнира, и Котову пришлось сыграть королем. Но... это не спасло Спасского от поражения.

Важнейшим событием минувшего «шахматного года» был, бесспорно, матч-реванш за звание чемпиона мира между выдающимися советскими шахматистами Михаилом Ботвинником и Василием Смысловым. Обладателем шахматной «короны» был тогда Смыслов, выигравший в 1957 году матч у своего грозного соперника.

Многие знатоки предсказывали, что Ботвиннику не удастся вернуть утраченных позиций, некоторые считали даже, что его «шахматная звезда» близка к закату. Но замечательный советский шахматист блестяще доказал обратное. Одержав убедительную победу, он вернул себе титул сильнейшего шахматиста мира.

Оба шахматиста, оспаривавшие в этом поединке шахматную «корону», являлись представителями Советского Союза. Этот факт был, пожалуй, лучшим подтверждением того, что наша шахматная школа действительно самая передовая в мире.

В августе 1958 года в югославском городе Портороже начался один из этапов непрекращающейся борьбы за мировое

первенство, в котором Таль блестяще завоевал первое место. Петросян также добился права выступать в турнире претендентов на матч с Ботвинником. Не повезло Бронштейну. Потерпев в последнем туре неожиданное поражение от филиппинского мастера Кардосо, он впервые не попал в турнир претендентов.

В Москве, на Гоголевском бульваре, в Центральном шахматном клубе СССР хранится золотой кубок—переходящий приз Международной шахматной федерации. Уже в четвертый раз подряд его завоевывают советские шахматисты на проводящихся один раз в два года Международных олимпиадах. В минувшем году драгоценный приз был привезен из Мюнхена, с XIII олимпиады, где команда шахматистов СССР в составе Ботвинника, Смылова, Кереса, Бронштейна, Таля и Петросяна вновь уверенно завоевала первое место.

Наступил 1959 год. И вот наши сильнейшие шахматисты—в столице Грузии. Кто же выступает в XXVI чемпионате страны? На этот раз из корифеев нет только Ботвинника и Смылова. Но зато «налицо» все остальные имена: Таль, Керес, Петросян, Бронштейн, Спасский, Корчной, Геллер, Авербах, Тайманов—да разве перечислишь всех! И это только гроссмейстеры. А в борьбу за золотую медаль вступило еще и 11 первоклассных мастеров. По составу участников такой чемпионат может поспорить с любым международным турниром.

Кто же окажется сильнейшим в этой борьбе? Керес—тонкий знаток шахматного искусства? А может быть, неутомимый искатель Бронштейн, творчеством которого не устают восхищаться любители шахмат? Или «непробиваемый» Петросян—«современный Капабланка», как нередко его называют. А что, если в третий раз подряд завоюет золотую медаль Михаил Таль?

Тбилисцы очень «болеют» за своего земляка—Бухути Гургенидзе.

Но главное, конечно, не в этом. Симпатии зрителей всегда будут, безусловно, на стороне тех участников, которые пленят их своим мастерством, силой воли, продемонстрируют все лучшие качества турнирных борцов.

В том, что XXVI чемпионат страны впишет новую замечательную страницу в историю шахмат, сомневаться не приходится. И особенно приятно, что проходит он у нас в Тбилиси, что тбилисцы имеют возможность непосредственно наблюдать за игрой тех шахматистов, чьи славные имена знает вся страна, весь мир.

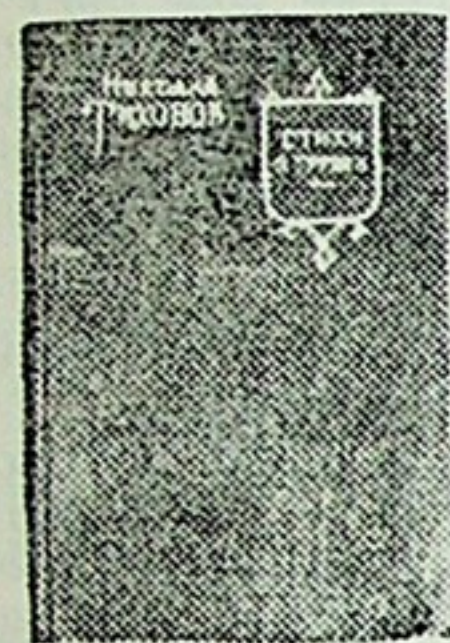
А. БУСЛАЕВ.

Средни КНИГИ

СТИХИ О ГРУЗИИ

В 1958 году в Тбилиси вышла книга Н. Тихонова «Стихи о Грузии» — итог многолетней работы поэта.

«Истинная поэзия нуждается в ярком свете солнца и дыхании свежего ветра» — эти слова Уитмена словно подсказаны буйной вечнозеленой природой Грузии. Оптимистическое мировоззрение, яркая образность, глубокая искренность, вы-

сокая культура стиха — все это придает грузинской поэзии большую художественную силу. Черпая вдохновение в грузинской жизни и литературе, Н. Тихонов создал немало оригинальных и переводных произведений об этой замечательной стране.

Николай Тихонов пришел в Грузию, когда в Сванетии еще не знали колеса. То были годы переустройства жизни народа на новых социалистических началах, буквально на глазах менялся облик гор — на их склоны упорно карабкались столбы электропередачи. В 1924 г. Тихонов написал свое первое большое произведение о Грузии, незаслуженно забытое, — поэму «Дорога». Тихонов рассказывал в ней о преобразованиях на Кавказе, о строительстве Загэса, полемизируя с буржуазными любителями экзотики, которых привлекали отнюдь не приметы нового, а остатки старины. С тех далеких лет грузинские темы постоянно звучат в творчестве писателя. В 1932 г. им была написана повесть «Клятва в тумане», где рассказывалось о типичной судьбе молодой горянки Иоржи, которая из первобытной дремоты родного селения тянется к знанию, свету, к настоящей жизни, и в своих бандули с палкой в руке уходит в Москву. Год спустя Тихонов, наряду с другими советскими поэтами, приступил к большой

литературно-общественной работе; разбивая «стенку молчания», он впервые в истории познакомил русского читателя с широким кругом грузинских авторов, впервые, так как до революции на русский язык была переведена лишь незначительная часть грузинской классики. Дань грузинской поэзии Тихонов отдал, по его словам, и в своем оригинальном творчестве, написав в 1935 г. «Стихи о Кахетии». Грузии и Кавказу посвящены также цикл «Горы» (1940), поэма «Серго в горах» (1957), не считая многочисленных рассказов и статей («Цхнетиские вечера», «Пять городов» и др.).

Книга избранных стихов Н. Тихонова о Грузии начинается «Стихами о Кахетии». Когда-то открывшаяся Тихонову с Гомборского перевала «неистово-зеленая» красота виноградников, полей и лесов Кахетии и ныне своей первозданной свежестью поражает ум и сердце читателя. Стихи о Кахетии интересны целостностью восприятия мира. Восторг перед природой и своеобразным бытом органически сочетается с воспоминаниями о гражданской войне («Гомборы», «Ночной праздник в Аллаверды»), раздумье о соотношении быта и романтики («Охотник») сменяется тонкой лирической грустью («Цинандали»). Но о чем бы ни писал Тихонов, он смотрит на Кахетию глазами современника, что вообще свойственно ему. Рассказывая о башнях Сигнахи, во всей своей средневековой таинственности открывающихся из-за поворота дороги, Тихонов стремится подметить черты новой жизни —

Где скат полей не крут,
Проворны хлопководы,
И техники бредут,
Что опекают воды.

Стихи о шофере — это воспевание не только его профессиональной выучки и романтики грузинских дорог, — ведь на каменистых дорогах Грузии автомобиль появился лишь в начале 30-х гг. и его освоение было важным общественным делом.

Но в богатстве тем «Стихов о Кахетии» выделяется одна, ставшая основной и в творчестве Тихонова в целом, — тема дружбы народов. («Я, как лезгин,

Николай Тихонов. «Стихи о Грузии». Редактор С. Евгенов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

смотрел с заветной кручи»), развитая впоследствии в книге «Грузинская весна». Внося в описание Грузии свою неповторимую интонацию, Тихонов вместе с тем творчески воспринимает идеи и образы грузинской поэзии. Это находит выражение в оптимистической трактовке тем бытия и смерти («Смерть»), в воспевании охотника, виноградаря, странника над горным потоком, в монументальности образов природы («Джугань»), в ритмике стихов. В них один и тот же источник творчества, радость мировосприятия, которая, по выражению М. Пришвина, как вино, поднимается в душе человека.

Грузинские стихи Н. Тихонова уже в 30-е годы заняли видное место в русской поэзии, посвященной Грузии. В творчестве Тихонова ощущается преемственность литературных традиций. Так, известное его стихотворение «Цинандали» перекликается с изумительным по тонкости ощущения кахетинской природы стихотворением Грибоедова «Там, где вьется Алазань». Несомненны в творчестве Тихонова жизнелюбивые традиции Лермонтова. Но, опираясь на опыт предшественников, Тихонов выступает как новатор и в форме стиха, и в его содержании, в экспрессивных, энергичных строчках воссоздавая новую Грузию, Грузию «бетона и металла», Грузию чаеводческих колхозов и гидростанций. В книге «Грузинская весна» Тихонов показывает, как в жизни воплощается мечта Пушкина и Лермонтова о дружбе народов, рисует образы людей новой Грузии, колхозников, инженеров, пастухов, поэтов, металлургов, альпинистов, молодых, устремленных в будущее, которым

...будет мир принадлежать,
Как нам принадлежал!

Основное содержание рецензируемой книги составляют, однако, не оригинальные стихи Тихонова, а переводы. Перед нами проходят и безымянные авторы народной поэзии, и Н. Бараташвили, не увидевший при жизни в печати ни одного своего стихотворения, и Важа Пшавела. В книгу включены также переводы стихотворений двадцати четырех поэтов Советской Грузии. Эпические образы родины и матери возникают в стихах Григола Абашидзе и Александра Абашели, жанровые картины старого Тбилиси — в стихах Валериана Гаприндашвили и Иосифа Гришашвили, яркая природа ослепляет нас в лирике Ило Мосашвили и Сандро Шаншиашвили, строительство новой Грузии обрисовано в стихах Симона Чиковани.

Тихонов передает и бурную лирику Г. Леонидзе и тонкую чеканку стиха Т. Табидзе и П. Яшвили. Преодолевая

трудности перевода с грузинского языка, имеющего иную систему стихосложения, Тихонов стремится передать своеобразие подлинника, и в то же время на всех переводах поэта лежит печать его творческой индивидуальности. Эта индивидуальность проявляется и в выборе стихов для перевода.

Практика Тихонова как переводчика не менее поучительна, чем его оригинальное творчество. Еще в середине 30-х гг. грузинский поэт В. Гаприндашвили отмечал, что Тихонову удалось передать своеобразие грузинской поэзии именно потому, что он сам исходил долины и горы Грузии. Об этом в предисловии к книге говорит и Г. Леонидзе, с искренней симпатией рисуя образ русского поэта.

Что же касается состава сборника, то, отмечая, что в нем переводы Тихонова представлены полнее, чем в его книге «Поэты советской Грузии» (1948), что некоторые стихи отредактированы заново («Кахетия» С. Шаншиашвили), отсутствие в нем ряда стихотворений вызывает сожаление. Нет таких темпераментных стихов Г. Леонидзе, как «Золотой дождь», «Песня первого грома», «Журавлиный снег», нет «Встречи в ледниках» И. Мосашвили и стихов Т. Табидзе «Издrevле» и «Поэты, безутешно плача, пели». Но это, конечно, частности, ни в коей мере не снижающая достоинств книги Николая Тихонова — большого друга грузинской литературы.

В. ШОШИН.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТЕАТРА

Книга Э. Гугушвили и Д. Джанелидзе «Грузинский государственный драматический театр имени Котэ Марджанишвили» является сжатым очерком 30-летней истории этого театра, основанного выдающимся советским режиссером К. А. Марджанишвили.

В начале книги, в качестве необходимой предпосылки, прослежены основные этапы развития режиссерского творчества Котэ Марджанишвили. Авторы рассказывают о многолетней деятельности Котэ Марджанишвили в России, о школе реалистического мастерства, пройденной им на русской сцене, об активном его уча-

Э. Гугушвили, Д. Джанелидзе. «Грузинский государственный драматический театр имени Котэ Марджанишвили». Редактор Б. Жгенти. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

сти в создании советского русского театра после Великой Октябрьской социалистической революции.

Творчество Котэ Марджанишвили определялось неустанными поисками новых путей развития советского театра. В этих исканиях К. Марджанишвили опирался на реалистические и героико-романтические традиции грузинского дореволюционного театра и на богатейший опыт передового русского театра. К. Марджанишвили непоколебимо верил, что только Октябрьская революция в состоянии возродить театр. «Великая русская революция и новый дух, которым пронизала она мир, вернула театр к его настоящим путям», — писал К. Марджанишвили.

Вернувшись в 1922 году на родину и став во главе театра им. Руставели, Котэ Марджанишвили сумел приблизить этот театр к революционной современности, поднять актерское мастерство и художественный уровень спектаклей. К. Марджанишвили руководил театром им. Руставели до 1926 года, в 1928 году он создает второй театр, которому впоследствии было присвоено его имя. Режиссер с вполне определенными идейно-творческими взглядами, К. Марджанишвили с первого же спектакля повел талантливый коллектив театра к высотам актерского искусства.

Книга Э. Гугушвили и Д. Джанелидзе, подчеркивая, что коллектив театра всегда, с первых же шагов своей деятельности стремился к психологической правдивости и глубокой человечности, к яркой марджановской театральности, вместе с тем отмечает, что главным в жизни театра всегда была современность и ее герои.

Подробно описана в книге работа театра в довоенные годы, когда были показаны многие пьесы грузинских драматургов — «Кваркваре Тутабери» и «Свадьба колхозника» П. Какабадзе, «Как?» и «Хатидже» К. Каладзе, «В самом сердце» Ш. Дадиани и др., а также ряд пьес русских и украинских драматургов — «Поэма о топоре» и «Кремлевские куранты» Н. Погодина,

«Хлеб» и «Рельсы гудят» В. Кирсона, «Светите, звезды» И. Микитенко, «Страх» А. Афиногенова, «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Основная задача этих постановок заключалась в глубоком и правдивом воплощении образов наших современников.

Содержательны страницы книги, посвященные таким замечательным постановкам Котэ Марджанишвили и его последователей, как, например, «Гопля, мы живем» Э. Толлера, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Отелло» В. Шекспира.

Авторы подробно рассказывают о деятельности театра в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период, когда партия указала деятелям советского театра на необходимость усилить в репертуаре звучание современности, выдвинула на первый план задачу по созданию спектаклей, в которых глубоко раскрывались бы лучшие черты характера советского человека. «Театр упорно шел к своей цели — искал, ошибался, одерживал победы, — читаем в книге. — Поиски театра определялись искренним стремлением к актуальности тематики. К созданию правдивого и волнующего повествования о жизни нашего современника».

Книга интересна и тем, что дает полное представление не только о репертуаре, но и обо всех творческих работах театра, состоявших и состоящих в этом талантливом коллективе, об актерах, режиссерах, художниках, композиторах, — о всех тех, кто работал в театре как в годы руководства Котэ Марджанишвили, так и в последующие годы.

К числу достоинств книги следует отнести безукоризненную точность фактического материала. Работа Э. Гугушвили и Д. Джанелидзе, несомненно, будет с пользой и интересом прочитана всеми, кто любит большое, народное искусство театра.

Г. БУХНИКАШВИЛИ,
заслуженный деятель искусств Грузинской ССР.

Технический редактор М. С о с е л и я

Подписано к печати 15 января 1959 г. 6 печ. лист. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆ Заказ № 1390 Тираж 4000. УЭ 01215 Цена 4 руб.

ქართული ლიტერატურის გრძელწლიანი

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს წყნარება კავშირის გამომცემლობა «ბარია ვოსტოკა»

Типография „Заря Востока“ им. А. Ф. Мясникова
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

5523

239
ЛЕНИНСКАЯ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ